Лев
ЯШИН
ВРАТАРЬ МОЕЙ МЕЧТЫ
НА ПЬЕДЕСТАЛЕ
НАРОДНОЙ ЛЮБВИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Остросюжетная спортивная драма о величайшем голкипере в истории мирового футбола.

…Он должен был взять этот мяч. Но случилось необъяснимое. Мяч влетел в ворота. И вот уже многотысячный стадион празднует долгожданную победу в важнейшем матче чемпионата мира! Соперник ликует – ведь ему удалось переиграть команду, ворота которой защищал сам легендарный Лев Яшин! Это после он войдет в список лучших игроков XX века, получит прозвище Черная Пантера и главный футбольный приз – «Золотой мяч». Но объяснение тому роковому голу, перевернувшему всю его спортивную жизнь, великий голкипер будет искать до конца своих дней…

- Валерий Жмак
  -
  - Пролог
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Эпилог
  - Иллюстрации

Валерий Жмак
Лев Яшин. Вратарь моей мечты

© Владимир Валуцкий, Александр Полозов, Олег Капанец, сценарий кинофильма
© ООО «Кремлин Филмз», кинофильм, сценарий, 2019
© Жмак В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019
© М. Боташев, Виктор Воронин / РИА Новости
© winui / Shutterstock.com (используется по лицензии от Shutterstock.com)

* * *

Пролог

СССР, Москва, стадион «Лужники»
27 мая 1971 года

Пришедшая после долгой зимней серости весна добавила столице ярких и сочных красок. Дни понемногу становились длиннее, теплое солнце растопило последние остатки снега и льда. Город проснулся и оживал на глазах: мокрые клумбы пестрели первыми цветами, деревья обзаводились молодой листвой, москвичи все чаще появлялись на улицах в легкой одежде.

В этот погожий майский день у касс стадиона «Лужники» с самого утра выстроилась огромная очередь. На многочисленных окошках висели написанные от руки объявления: «Все билеты на прощальный матч Л. И. Яшина проданы». Тем не менее люди стояли в ожидании чуда. Вдруг посчастливится? Вдруг какая-нибудь делегация не сможет прибыть из другого города или опоздает? И тогда бронь снимут, а билеты выбросят в свободную продажу.

Проезжая мимо, три поливальные машины обдали людей искрящимися брызгами. Очередь шарахнулась в сторону, но стоило влажной пыли осесть на мигом потемневший асфальт, страждущие вновь заполнили брешь в нескончаемой цепочке.

Ожидание чуда продолжалось…

* * *

– Продолжается дружественный визит в Египет советской делегации во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Николаем Викторовичем Подгорным… – буднично вещал голос диктора из работающего радио.

Кухонное окно московской квартиры Яшиных выходило на юго-запад; солнце заглядывало в него лишь к обеду. Все в этой квартире выглядело сегодня буднично: на плите стояла сковорода, в которой Валентина – супруга Льва Ивановича – готовила аппетитные сырники; глава семейства в ожидании обеда читал за столом газету; две дочери о чем-то спорили в детской, расположенной через зал от кухни.

Квартира тоже была самой обычной, впрочем, как и обстановка внутри. Разве что большой сервант, стоящий по центру длинной зальной стены, несколько отличался от своих собратьев в таких же московских квартирах. За его стеклом на

фоне дальней зеркальной стенки хранились многочисленные кубки и награды за спортивные победы Льва Ивановича. Да еще, пожалуй, бросался в глаза вымпел с динамовской символикой, висящий над обычным диваном. На красном атласном треугольнике блестели медали и ордена, полученные Яшиным за длинную спортивную карьеру.

Внезапно дверь детской распахнулась, в коридор выбежала старшая дочь – четырнадцатилетняя Ирина. Ее преследовала девятилетняя Алена.

– Отдай! Ну, отдай же!.. – требовательно голосила младшая.

– Фигушки! – оглядывалась на бегу Ира. – Не будешь бросать где попало, поняла?!

– Ма-ам!..

Но привычная к шалостям дочерей мама на жалобы и просьбы о помощи не реагировала.

– …В процессе визита будет подписан договор о дружбе и сотрудничестве СССР и Объединенной Арабской Республики. Как отметил президент Египта Анвар Садат, этот договор послужит укреплению дружбы между народами СССР и Египта и будет способствовать разрядке напряженности на Ближнем Востоке… – монотонно-официальным тоном читал текст диктор.

И все же сегодня для Льва Ивановича был особенный день. Занимаясь готовкой, Валентина изредка оглядывалась и посматривала в его сторону. Однако супруг оставался спокойным – ничто не выдавало волнения в преддверии знаменательного события.

– …И в заключение – новости спорта, – произнес диктор внезапно потеплевшим голосом. – Сегодня в Москве, на Центральном стадионе имени Ленина, состоится футбольный матч, в котором встретятся сборная клубов всесоюзного спортивного общества «Динамо» и сборная мира, за которую выступят Бобби Чарльтон, Герд Мюллер, Джачинто Факкетти и другие признанные мастера мирового футбола…

Голос потонул в шуме – в кухню ворвались девчонки.

– Ну, что опять не поделили? – с напускной строгостью спросила мама.

– Она мою заколку не отдает! – пропищала Алена.

Валентина сняла с головы свою заколку и сунула в руку младшей дочери.

– Возьми. И быстро за стол!

Толкаясь и смеясь, сестры уселись за обеденный стол.

– …Но для советских болельщиков и любителей спорта всего мира эта встреча запомнится в первую очередь как последний, прощальный матч легендарного вратаря московского «Динамо»

и сборной СССР Льва Ивановича Яшина, на протяжении долгих лет…

Не любил глава семейства суеты и шума вокруг своего имени. Свернув газету, на центральном развороте которой тоже бросался в глаза крупный заголовок статьи о предстоящем прощальном матче, он дотянулся до радиоприемника и выключил его.

– Ну, па-ап, сейчас же про тебя будут говорить!.. – посмотрела на отца Ирина.

Лев Иванович пододвинул к себе тарелку, вооружился столовыми приборами и принялся сосредоточенно есть. Раскладывая по тарелкам сырники, Валентина опять с беспокойством посмотрела на мужа.

– А почему диктор сказал, что наш папа – легендарный? – спросила младшая Алена. – Я думала, что легендарным бывает только что-то очень старое…

Не донеся до рта кусочек сырника, Яшин замер и уставился на дочь. «Вот и дочка туда же – о старости, – с грустью подумал он. – Может, следовало повременить с уходом из большого спорта, с прощальным матчем? Ведь никто не гнал из команды…»

– …Ну, там крейсер «Аврора», герои революции или Гражданской войны… – с детской непосредственностью продолжала она.

Поймав на себе взгляды взрослых и старшей сестры, она замолчала. За столом воцарилась тишина. Но ненадолго – глава семьи заразительно рассмеялся, прервав тем самым неловкую паузу.

Облегченно выдохнув, Валентина улыбнулась. Не хотелось ей, чтоб в такой знаменательный день у мужа вдруг испортилось настроение.

* * *

Солнце зависло над соседними домами – до полудня оставалось около двух часов.

После сытного и вкусного завтрака девочки затихли в своей комнате – должно быть, Ирина читала вслух, Алена слушала. Старшая сестра хорошо успевала в школе, умела читать с выражением и глубоким чувством. Младшая любила сидеть напротив и слушать.

В тесной прихожей горел свет. Зашнуровав ботинки, Лев Иванович неторопливо надел пиджак, подошел к зеркалу. Постояв перед ним, причесал волосы, медленно положил на полку расческу. Рядом суетилась Валентина: одернула полу

пиджака, смахнула щеткой невидимую пылинку с костюма…

Сегодняшний день в жизни Льва Ивановича был очень важным, но вели себя супруги совершенно по-разному. Валентина волновалась, что-то все время говорила и не могла усидеть на месте. Яшин, напротив, был спокоен и молчалив. Он всегда в самые ответственные моменты замыкался, молчал и размышлял над ситуацией.

– Подожди-ка, – подтянула она и поправила узел его галстука.

– Скажи, Валя, – вдруг очнулся он от задумчивости. – Могла ли ты когда-нибудь представить, что станешь женой легендарного вратаря? Ле-ген-дар-но-го?!

Она отшутилась:

– А ты мог когда-нибудь представить, что жена такого легендарного человека будет по утрам варить тебе кашу и заваривать чай?

Их взгляды встретились. Стоя перед зеркалом, они смотрели друг на друга и не смеялись над шутками. Такое происходило редко.

– Ты ведь сам все решил, – тихо сказала Валентина.

– Сам?! – удивился супруг. И, словно вспомнив о чем-то, согласился: – Ну, да – сам. Только ведь я, кроме футбола, ничего больше делать не умею. Понимаешь, Валя?

Коротко вздохнув, будто приняв окончательное решение, он повернулся к ней лицом. Она положила руки ему на плечи и тепло сказала:

– Последний матч – еще не последний день жизни. В твоей судьбе просто начинается другой этап. Новый.

Лев Иванович с благодарностью посмотрел на нее и наконец улыбнулся, потому что из детской послышались голоса – кажется, дочери снова спорили.

– Ладно, к трем часам собери девчонок – за вами заедут.

– Про соду свою не забудь, – взяла супруга лежащий на полке небольшой пакетик. – А то язва прихватит не вовремя и не к месту.

Сунув снадобье в карман пиджака, она поцеловала руки мужа.

– Ну я же тебя просил, – запротестовал он.

– На удачу…

* * *

«Сколько же раз мне довелось ездить этим маршрутом? –

размышлял Лев Иванович, посматривая то на дорогу, то на проплывавшие мимо кварталы. И сам же мысленно ответил: – Практически каждый день на протяжении многих лет. Сначала с Валей поселились в районе Маяковки, потом перебрались на Кутузовский проспект, ну а большую часть жизни прожили в Чапаевском переулке. Вот и колесил в спорткомплекс этой дорогой…»

Спустя сорок минут автомобиль Яшина подъехал к служебным воротам стадиона «Лужники». Перед въездом степенно разгуливал молодой постовой в парадной милицейской форме. Сначала он заметил тормознувшую машину, затем узнал сидевшего в ней человека. И моментально преобразился: лицо потеплело, губы растянулись в улыбке, правая ладонь сама собой взлетела и распрямилась у козырька новенькой фуражки.

Пока неторопливо открывались створки тяжелых чугунных ворот, мимо проследовал конный наряд милиции. И эти сотрудники, часто дежурившие на территории стадиона во время матчей, узнали знаменитого вратаря.

Яшин приветственно махнул им. Машина тронулась и исчезла на дорожках территории большого спортивного комплекса…

Припарковав автомобиль на служебной стоянке, Лев Иванович подхватил объемную спортивную сумку и направился к входу в раздевалку. Сегодня он шел туда медленнее, чем обычно. Крутил по пути головой, всматривался в каждую деталь, словно старался запомнить все до мельчайших подробностей.

По дороге к стадиону изредка встречались работники спортивного комплекса. Кого-то он знал в лицо, кого-то видел впервые. Но каждый считал своим долгом поприветствовать его, сказать несколько теплых слов. Яшин сдержанно кивал в ответ…

В этот день Лев Иванович приехал на игру раньше обычного – в раздевалке было пусто. Воздух пах свежестью, а только что вымытые уборщицами полы блестели влагой. Пройдет немного времени, и здесь станет шумно. Но пока было удивительно тихо.

Яшин сел на скамейку, расстегнул молнию сумки, вынул сложенную стопкой чистую выглаженную форму. Верхним в этой стопке был знаменитый черный свитер с эмблемой «Динамо». С неторопливой аккуратностью голкипер положил форму рядом на лавку и начал вынимать все остальное: бутсы, гетры, перчатки.

Затем несколько минут сидел неподвижно, глядел на все это и вспоминал…

* * *

В чаше стадиона пока не было зрителей, из-за чего она казалась неестественно пустой. Однако приготовления к матчу шли полным ходом. Многочисленный технический персонал поправлял газон, обновлял разметку, осматривал воротную сетку, устанавливал на штатные места угловые флажки…

Готовился к репортажу и Николай Озеров. Обосновавшись в комментаторской будке, он налил из термоса в чашку горячий кофе, рецепт которого ему много лет назад поведал наставник – Вадим Синявский. Затем он присел на рабочее место, подвинул к себе микрофон и прижал к уху микрофон гарнитуры.

– Внимание. Проверка, проверка. Аппаратная, как меня слышно? – запросил он.

– Да-да, все в порядке, – откликнулся звукооператор. – Слышу вас нормально, Николай Николаевич.

– Ну и хорошо. Попросите, пожалуйста, чтобы уточнили: у нас все по плану, никаких изменений?

– Сейчас сделаем…

В это время к служебной стоянке плавно подкатил автобус, который ожидала приличная толпа репортеров из разных стран мира. Чуть ближе к входу в подтрибунные помещения стоял Лев Яшин, руководство футбольного клуба «Динамо» и несколько функционеров из Спортивного комитета СССР.

Беспрестанно фотографируя и выкрикивая вопросы, журналистская братия расступилась, образовав проход. Яшин сделал несколько шагов навстречу выходившим из автобуса футболистам.

– Бонжорно, Джачинто!

Знаменитый итальянский защитник Джачинто Факетти ответил ослепительной улыбкой:

– Гутен морген, Герд!

Легенда немецкого футбола Герд Мюллер прямиком направился к советскому вратарю и крепко пожал ему руку.

– Здраво, Драган!

– Приветствую тебя, Лев! – воскликнул лучший бомбардир «Црвены Звезды» Драган Джаич.

С особенной теплотой Яшин встретил давнего друга Бобби Чарльтона, вышедшего из автобуса последним.

– Хелло, Бобби! – обнял он его.

– Рад видеть тебя, Лев! Потрясающе выглядишь! – ответил тот по-английски. И смеясь, добавил: – Извини, но сегодня я тебе, наконец, забью!

Так, в обнимку – обмениваясь шутками и новостями – они и направились к входу. Однако внезапно перед ними вырос Герд Мюллер. Услышав диалог давних товарищей, он остановился и с

театральным возмущением воскликнул:

– Черт возьми, мистер Чарльтон, вы же не дама, чтобы я пропустил вас вперед!

Догадавшись, что речь идет о перспективе забить гол в его ворота, Яшин обнял обоих и рассмеялся:

– Ну что, друзья, предлагаю показать сегодня хороший футбол!

В эти радостные мгновения юбиляр позабыл о грустных мыслях, связанных с прощальным матчем, с окончательным уходом из футбола. Всех прибывших на матч звезд он хорошо знал, со многими дружил, но особенно теплые отношения его связывали с британцем Чарльтоном.

– А ну-ка еще разок – для истории! – внезапно послышался знакомый голос.

Обернувшись, Лев Иванович увидел сияющего Хомича. На плече пожилого наставника висело два фотоаппарата, третий он держал в руках. Поняв его задумку, Яшин сгреб в охапку друзей и развернул их так, чтобы у Алексея Петровича вышел удачный исторический кадр.

Последовала яркая вспышка. А за ней еще десяток с разных сторон – это другие фотокорреспонденты, мгновенно сориентировавшись и оттеснив бедного Хомича, торопились воспользоваться подвернувшимся моментом.

Яшин зажмурился и, невольно прикрывшись рукой от обилия яркого света, пытался разглядеть Хомича. Но того уже оттеснили на задний план.

Прибывшим со всего мира гостям требовалось переодеться и подготовиться к матчу, поэтому задерживать их Яшин не стал.

– Ладно, парни, встретимся на поле, – хлопнул он по плечу Бобби и, подобно ледоколу, устремился сквозь толпу туда, где последний раз мелькнуло лицо наставника и старого друга.

Алексея Петровича он увидел в нескольких метрах от группы журналистов – склонившись над камерой, тот перезаряжал в ней пленку.

В порыве дружеских чувств Лев Иванович обнял его.

– Как же я рад тебя видеть!

Зажатый в стальных объятиях, Хомич засмеялся:

– Э, полегче – у меня же техника…

– Спасибо, что пришел. – Ослабив объятия, Яшин с искренней благодарностью посмотрел в глаза учителю.

– Так ведь работа у меня теперь такая: спортивный фотокорреспондент еженедельника «Футбол». А сегодня, как ни крути, – событие мирового масштаба!

Хомич отшучивался, но по всему было видно, что ему очень

приятно и что он невероятно горд за своего талантливого ученика.

Вратари в обнимку направились к подтрибунным помещениям.

– Знаешь, тебя так же должны были провожать. Я в этом уверен, – с грустью произнес Яшин.

– Э, куда хватил! Тогда время другое было – победнее страна жила. Так что ты уж постарайся – чтоб эффектно, красиво… В общем, как ты умеешь. Для истории!

– Как ты меня когда-то учил?

Хомич поднял лукавый взгляд:

– Не забыл еще мои уроки?..

Ответить Яшин не успел – у входа в подтрибунное помещение его окликнул Константин Бесков – тренер сборной клубов «Динамо».

– Лев Иванович! Давай-ка в раздевалку – настраивайся, а то накостыляют напоследок!

– Ну, иди, Лев, иди, – похлопал его по спине Хомич. – Сегодня твой день. И тебе действительно надо отыграть на все сто.

Пожав ему руку, тот направился ко входу в раздевалку…

* * *

Тем временем чаша самого большого в стране стадиона понемногу заполнялась. В расположенной по центру ложе почетных гостей размещались представители ФИФА, УЕФА; подтягивались руководители клуба «Динамо». Все гости и приглашенные выглядели солидно, настроение у всех было приподнятым, праздничным.

Время поджимало. До начала матча оставалось около получаса, но перед стартовым свистком еще предстояла торжественная часть, участвовать в которой должны были игроки обеих команд.

Назначенный старшим тренером сборной клубов «Динамо» Константин Бесков стоял рядом с проемом открытых дверей и поторапливал покидавших раздевалку игроков. Мимо него с небольшим интервалом проходили полностью готовые к игре известные игроки: вратарь Владимир Пильгуй, форварды Игорь Численко, Слава Метревелли, Эдуард Малофеев, Геннадий Еврюжихин…

– Так-так, ребята, выходим, выходим! – хлопая в ладоши, подбадривал команду Бесков.

Яшин тщательно шнуровал бутсы. Когда в раздевалке он остался один, Константин Иванович спросил:

– Лев, ты как? Готов к матчу?

Тот, как всегда, был сосредоточенным и настроенным на игру. Кивнув в ответ, он продолжал затягивать и завязывать шнурки.

Бесков подошел, присел перед ним на корточки.

– Послушай… Я говорил с Митричем. Ну, как тренер с тренером – тет-а-тат. В общем, он спрашивает, как играть будем?

Продолжая заниматься своим делом, Лев Иванович посмотрел на Бескова.

– Ну, все-таки прощальный матч, – пояснил тот. – Ты же сухим хотел бы уйти с поля?

Затянув последний узел, вратарь уперся ладонями в колени и посмотрел прямо в глаза собеседнику.

– Я так ему и передам, – поднялся Константин Иванович, поняв нежелание юбиляра идти на какие-либо компромиссы. Хлопнув его по плечу, направился к выходу: – Не задерживайся…

Яшин притопнул бутсами по полу, проверяя надежность шнуровки. Тяжело встав со скамейки, осмотрел хорошо знакомое помещение.

И пошел к выходу…

* * *

Стадион был заполнен, а зрители все прибывали и прибывали, восходя или спускаясь по лестницам между окружавшими зеленый газон секторами.

Внутри чаши метался голос диктора, завершавшего объявление состава команды гостей:

– …Капитан команды сборной мира Бобби Чарльтон – игрок команды «Манчестер Юнайтед», Англия. Старший тренер команды – Райко Митич, Югославия.

Едва закончилось это объявление, как из темноты коридора подтрибунных помещений появился Лев Яшин с капитанской повязкой на руке. Согласно традиции он выводил команду сборной звезд. Рядом шла команда сборной клубов «Динамо» во главе с Геннадием Еврюжихиным.

– Сборная команда «Динамо». Номер первый – Лев Яшин…

После этих слов стадион взорвался аплодисментами. Все вокруг потонуло в реве трибун…

В одном из центральных секторов сидели друг семьи Яшиных – Владимир Шабров и супруга Льва Ивановича – Валентина с

обеими дочками.

До начала матча оставались считаные минуты.

В комментаторской кабине, нервничая, ерзал в рабочем кресле Николай Николаевич Озеров. Он то поправлял расстегнутый ворот рубашки, то двигал стойку микрофона, то посматривал на часы. Наконец он наткнулся взглядом на чашку с горячим кофе, дотянулся до нее, сделал глоток и… начал репортаж:

– Стадион приветствует легендарного вратаря. Лев Яшин – это имя золотыми буквами вписано в историю мирового футбола…

Яшин ступил на зеленый газон «Лужников». Зрители на трибунах по-прежнему шумели и аплодировали.

Команды выстроились по линии центрального круга.

Шум вокруг стал стихать.

Подняв голову, Яшин хотел посмотреть в небо. И невольно заслонил рукой глаза от яркого света прожекторов, установленных на осветительных мачтах «Лужников».

И в это мгновение почему-то вспомнил свой первый матч, проходивший на скромном стадиончике в Гаграх…

Глава первая

СССР, Гагры
1949 год

Глубокое синее небо сливалось на горизонте с лазурным и серебрившимся на солнце морем. Над головой не было ни единого облачка, а с юга дул теплый ветер, гнавший к берегу волны и взбивавший на их гребнях морскую пену. Повсюду кружились чайки, покрикивая и соревнуясь друг с другом в воздушной акробатике.

Стадион в Гаграх располагался поблизости от береговой черты, и свежий морской ветерок беспрепятственно разгуливал по его скромной чаше, лишь с одной стороны ограниченной пятью рядами деревянных скамеек. Один из порывов подхватил большой бумажный лист и поволок его по зеленому газону. Помятый листок кувыркался в потоке, показывая то пустую белую сторону, то написанную от руки «красочную» афишу.

«Сегодня состоится матч команд-дублеров: «Динамо» Москва – «Трактор» Сталинград», – значилось на ней.

Воздушный поток подхватил лист, поднял его высоко над газоном и понес к воротам, которые защищал двадцатилетний Яшин.

Молодой вратарь целиком был поглощен игрой. Он активно перемещался в площади ворот, с мальчишеским азартом переживал каждый острый момент и не успокаивался даже тогда, когда мяч находился у ворот соперников.

– Ну куда?! Куда ты?! Направо отдай, направо! Направо!! Сам пошел!..

К интересу и азарту прибавлялось немалое волнение, ведь сегодня нужно было показать себя с наилучшей стороны. А это здорово мешало: Лева суетился, делал множество лишних и ненужных движений.

Тем временем на почти пустых скамейках для зрителей отдельной группкой расположились игроки основного состава «Динамо»: Василий Трофимов, Владимир Савдунин, Всеволод Блинков. Стадион в Гаграх был скромным и довольно старым – козырьков над трибунами не имел. «Основе» предстояло играть со сталинградцами вечером, поэтому днем команда в полном составе пришла поболеть за свой дубль. Яркое южное солнце слепило глаза; наблюдая за игрой, футболисты щурились и прикрывались от него ладонями.

К игрокам неторопливо подошел капитан команды – Константин Бесков.

– Физкультпривет, – поздоровался он.

– Опаздываете, товарищ капитан, – шутливо заметил Блинков.

Тот оглянулся в сторону поля:

– А разве я что-нибудь пропустил?

– Да тут вон молодой цирк показывает, – с улыбкой, будто присутствуя на представлении, поведал Блинков.

В этот момент Яшин в немыслимом прыжке поймал летящий в ворота мяч и тут же, стараясь побыстрее начать атаку, переправил его своему партнеру по команде. Техничной игру молодого вратаря назвать было нельзя. Зато невооруженным глазом были видны и кураж, и удовольствие, которые он испытывал от участия в матче.

Бесков присел рядом с игроками. Недолго понаблюдав за манерой новичка, спросил:

– И откуда этот артист?

– Да его Чернышев в полковой команде внутренних войск откопал, – пояснил Савдунин. – До этого вроде в Тушино за заводскую команду играл.

– А-а, так он ветера-ан, – протянул с усмешкой Бесков.

Он достал из пакета термос с крепким кофе, начал отвинчивать крышку, да вдруг забыл о ней – футболисты «Трактора» создали у ворот «Динамо» опасный момент. Нападающий нанес пушечный удар, однако Яшин в очередном кульбите удачно отбил мяч на угловой.

– Во дает! Я ж говорю: цирк! – оглянулся на капитана команды Блинков.

Игроки «Трактора» готовились пробить угловой удар. Яшин командовал партнерами по обороне:

– Ближнего закрой! Ближнего! В центре штрафной повнимательнее!..

Капитан динамовского дубля Владимир Шабров, пробегая мимо Яшина к своему месту «на штанге», хлопнул вратаря по плечу:

– Не подкачай – на тебя сам Хомич смотрит!

Лева поглядел в сторону скамеек и сразу же встретился взглядом с наблюдавшим за ним Хомичем.

Подобное внимание со стороны вратаря-легенды вызвало воодушевление и радостную реакцию – лицо Яшина растянулось в улыбке.

А футболист «Трактора», разбежавшись, выполнил угловой удар.

Вратарь рванул было на перехват, но своевременно понял, что мяч до штрафной не долетит.

Так и случилось. Кто-то принял его на голову, переправив партнеру. Тот снова поднял его в воздух; мяч на мгновение повис над штрафной.

«Пора!» – решил Яшин и пошел на перехват наперегонки с нападающими команды соперников.

Подвели молодость и отсутствие опыта. Рванувшись к мячу, Лева не учел погодных условий, а именно – сильного встречно-бокового ветра. Порыв подхватил мяч и снес его за пределы штрафной, где руками вратарь играть не мог. Единственное, что он успел сделать, – опередив соперников, высоко подпрыгнуть и выбить мяч головой подальше от своей штрафной площади.

Поднявшись после падения, Яшин с надеждой посмотрел на ту часть трибуны, где сидели игроки «основы». Но Хомич его высокого прыжка не увидел – он в этот момент держал кружку, в которую Бесков наливал из термоса кофе.

Лева с досадой отряхнул шорты, поправил кепку на голове и побежал назад к воротам…

* * *

Дувший с моря ветер не казался холодным и неприятным, но в то же время он был сильным и порывистым. Постоянно двигаясь, человек его не замечал. Но если стоять или сидеть, не напрягаясь, через некоторое время он вызывал озноб и желание одеться потеплее.

Закутавшись в демисезонную куртку, Хомич наблюдал за матчем и прихлебывал из кружки горячий кофе. Рядом на лавочке лежал его любимый фотоаппарат «ФЭД» в темно-коричневом кожаном футляре.

– Ветерок, однако, с моря прохладный, – поворчал он в никуда.

В это время на поле вратарь «Трактора» готовился ввести мяч в игру из своей штрафной.

Поглядев вправо, Хомич обратил внимание на трепетавшие от сильных порывов флаги. Сильный ветер дул под небольшим углом практически в сторону ворот Яшина.

– Ну что, молодой?.. – тихо прошептал опытный вратарь. – Учтешь погодные условия или?..

Вратарь «Трактора» мощно пробил, и мяч по высокой дуге полетел над футбольным полем. Подхваченный воздушным потоком, он летел много дальше обычного.

Яшин не сводил с него глаз. Пытаясь предугадать замысловатую траекторию, он то делал несколько неуверенных

шагов вперед, то пятился назад. Наконец, решившись, он бросился вперед на перехват.

Но перед линией штрафной мяч, внезапно лишившись поддержки ветра, резко нырнул вниз, ударился о поле и… вместо того чтобы попасть в руки прыгнувшего за ним вратаря, описал высокую дугу. Словно издеваясь над незадачливым Левой, он снова стукнулся о землю и поскакал в сторону ворот.

Яшин бросился следом, в нелепом прыжке попытался настичь его, но все было напрасно – мяч закатился в ворота и, запутавшись в сетке, остановился.

Гол.

Неопытный вратарь медленно поднялся. В ушах стоял звон – ни голосов игроков, ни свистка судьи.

Словно во сне, он достал из сетки ворот мяч, позабыв, что с ним делать дальше. Благо оказавшийся рядом защитник дубля «Динамо» Костя Крижевский забрал его и легкой трусцой побежал к центру поля.

Пройдясь в волнении от одной штанги к другой, Яшин искоса посмотрел в сторону трибуны. На скамье покатывались со смеху игроки команды мастеров. Не смеялся один Хомич.

Капитан динамовского дубля Шабров покидал штрафную последним. Заметив замешательство вратаря, подошел, хлопнул по предплечью.

– Ничего страшного, Лева, отыграемся.

Но тот топтался на месте и будто ничего не слышал.

– Лев, ты меня слышишь?! – встряхнул его капитан. – Играть надо, играть!

С трудом разобрав адресованные ему слова, Яшин кивнул и занял место в воротах…

Остаток первого тайма он отыграл, мало что соображая. Вроде так же, как и до гола, перемещался по штрафной, выходил на перехваты, отбивал или ловил летящий в ворота мяч. Однако по лицу было заметно, что он едва сдерживается, что обида и слезы буквально душили его. В эти минуты он походил на мальчишку, которому только что досталось в драке, но отомстить обидчику у него нет ни возможности, ни сил. Звуки матча: голоса игроков, свистки судьи, подсказки с трибун – долетали до слуха, словно через ватные пробки.

И эти слабые звуки все сильнее заглушал неприятный громкий звон…

Тайм закончился неожиданно: судья посмотрел на секундомер, дал протяжный свисток и показал в сторону раздевалки; отдав ему мяч, игроки потянулись к кромке поля. Поплелся за ними и Лева…

Спустя десять минут он сидел в одиночестве на лавке в углу раздевалки. Вокруг было удивительно тихо – отдохнувшие игроки «Динамо» отправились на поле. Рядом валялись кепка и перчатки; под лавкой темнел запасной мяч.

Яшин сидел, опершись предплечьями о колени, и о чем-то думал, уставившись в одну точку. Потом поднял мяч, повертел его и… с силой запустил в стену.

Тот отскочил и тут же оказался в руках вратаря.

* * *

Капитан Константин Бесков и остальные игроки команды мастеров по-прежнему сидели, сбившись в группу, на своих местах. Повернув головы вправо, они глядели на выходивших из раздевалки игроков дубля.

Яшина среди них не было.

– Спорим, не выйдет? – подал голос Блинков.

– На что? – равнодушно спросил Бесков.

– На бутылку коньяка.

Оценивая шансы, капитан команды чесал затылок и морщился. Зато сидевший рядом Хомич не сомневался ни одной секунды.

– Ящик, – спокойно изрек он, подышав на объектив камеры и аккуратно протирая его платком. – Ящик на то, что выйдет.

Оглянувшись на товарищей, Блинков усмехнулся:

– Годится.

Тем временем игроки дубля разошлись по своей половине поля, судья занял место в центральном круге. А ворота «Динамо» все еще оставались пустыми.

Бесков недвусмысленно посмотрел на Хомича, но тот сидел с невозмутимым видом.

Задерживая старт второго тайма, судья то поглядывал на секундомер, то на пустые динамовские ворота. Заминка затягивалась.

Блинков торжествующе потирал ладони, а игроки динамовского дубля вопросительно глазели на своего капитана. Тот, в свою очередь, посылал тревожные взгляды в сторону раздевалки…

Наконец, судья поднес к губам свисток, набрал в грудь воздух…

И в этот момент из-под трибун на поле выбежал Яшин. Быстро преодолев по газону несколько десятков метров, он занял место в воротах.

– Я предпочитаю армянский, – потормошил Бесков плечо Блинкова.

Последовал свисток, сигнализирующий начало второй половины матча. Лева пару раз хлопнул перчаткой о перчатку и встал в стойку.

* * *

Вечером того же дня раздетый до трусов Яшин стоял на местном причале и с веселым задором участвовал в разгрузке качавшегося на волнах баркаса. Два молодых абхаза кидали ему с утлого суденышка спелые арбузы, а вратарь ловко их перехватывал в воздухе и аккуратно складывал тут же на деревянных мостках.

Его товарищ по команде Володя Шабров в это время торговался с хитрым хозяином товара.

– Все, Швамах, плати, как договорились, – нам надо возвращаться в гостиницу.

– Брат, торговля плохая, – с кислой миной жаловался тот. – Возьмите арбузами, а?

– На черта нам твои арбузы?! Деньги давай!

– Слушай, дорогой, говорю же: нет денег! Приводи завтра вратаря – рассчитаемся.

– Тьфу, торгаш проклятый! – не выдержал Володька. И обернулся к товарищу: – Лев, все – сворачивайся! Пора в гостиницу!..

Яшин поймал последний арбуз, уложил его на вершину приличной кучи и направился с причала к берегу. Наблюдавшая за ловкими движениями высокого парня публика с сожалением начала расходиться.

Путь до гостиницы занял всего десять минут.

Поздоровавшись с дежурным администратором, Шабров с Яшиным поднялись на второй этаж скромного здания с плохим освещением. Каждый нес в руках по огромному арбузу.

Остановившись возле одной из дверей, Шабров прислушался… Из номера доносились громкие голоса, музыка, звон стаканов.

Владимир постучал.

Дверь приоткрылась, в коридор выглянул Блинков.

– О-о-о! Молодцы парни, вовремя! А то у нас и закусывать уже нечем…

Забрав оба арбуза, Блинков захлопнул дверь перед самым носом ребят.

Возмущенный подобным поворотом Шабров замахнулся, чтоб хлопнуть ладонью об косяк, но Яшин перехватил его руку.

– Ладно, Володя… Пошли, сами посидим. Видишь, люди отдыхают…

– Да что за день сегодня такой?! – в сердцах сплюнул Шабров.

Друзья направились дальше по коридору. Их маленький номер находился где-то в самом конце…

* * *

– …А я родился на окраине Москвы – в Богородском, – улыбаясь, протянул Лев.

– В Богородском? – пожал плечами Владимир. – Где это?

– Бывшее село в тихом окраинном районе, изрезанном трамвайными путями. Наш двухэтажный дом стоит на улице Миллионной.

– Про Миллионную слышал. Минералки еще налить?

– Можно…

Шабров поднялся с кровати, разлил из бутылки остатки воды в два стакана.

– Держи… А семья большая?

– Большая – всю трехкомнатную квартиру на первом этаже занимаем. Мы с матерью и отцом в одной комнате, а тетки с семьями – в двух других. Отец трудится шлифовальщиком на оборонном авиационном заводе № 500 в Тушине.

– А мама?

Лев вздохнул:

– Мама умерла, когда я еще в школу не ходил.

– Извини. Ну а в футбол-то, небось, тоже начинал играть во дворе?

– Конечно. Как и все. В любую погоду рубились в футбол, а зимой заливали каток и переходили на хоккей с мячом. Пацаны до сих пор рубятся…

Гостиничный номер, который занимали Яшин с Шабровым, был самым маленьким на этаже – в четырнадцатиметровой комнате стояли две кровати, небольшой платяной шкаф и столик под единственным окном с двумя стульями. Даже прикроватные тумбочки в него не поместились. Все удобства в виде туалета и душевой комнаты располагались в другом конце коридора.

Тем не менее друзья не унывали: в номере было тихо и относительно уютно, на застеленных чистым бельем кроватях можно было прекрасно выспаться и отдохнуть после матча.

– Отец, стало быть, так и живет один? – допил воду

Владимир.

– Нет, – мотнул головой Лев. Снова улыбнувшись, пояснил: – Он же с утра до вечера пропадал на заводе, ну и боялся, что я совсем от рук отобьюсь. Я и вправду в какой-то момент стал отставать по учебе. В общем, женился он на Александре Петровне – мачехе моей. Хорошая женщина – работящая, заботливая.

– Повезло.

– Это точно. А ты, я слышал, за ЦДКА начинал?

– Я поздно начал играть – в шестнадцать. Сначала за армейцев, потом за тушинские «Крылья Советов», ну а в «Динамо» попал после призыва…

Партнеры по команде еще долго рассказывали друг другу о своей жизни. Небо за окном уж потемнело, а они лежали на койках, вспоминали и делились сокровенными мечтами…

Глава вторая

СССР, Москва
1950 год

Над Москвой встает рассвет; по широкому проспекту проехал первый троллейбус, на тротуарах появляются дворники, из подъездов домов выходят те, кому предстоит добираться до работы.

Окрестности стадиона «Динамо» утопают в зелени парков и аллей. Понемногу рассеивается утренний туман, оголяя верхние этажи округлых трибунных помещений и уходящие в небо осветительные мачты. Пробившиеся сквозь таявшие облака лучи солнца касаются деревянного щита, у которого в одиночестве тренируется Яшин. Отрабатывая удары с обеих ног, он лупит мячом по щиту и ловит его после отскоков.

Вратарь настолько увлечен тренировкой, что не замечает появившихся на дорожке за спиной мужчин – главного тренера «Динамо» Михаила Иосифовича Якушина и второго тренера Ивана Станкевича.

Подойдя к краю аллеи, Якушин остановился, стараясь разглядеть нарушителя тишины.

– Это кто там… с утра пораньше долбит? – кричит он в молочную муть.

– Яшин. Вратарь. А ты кто? – запыхавшись, прекращает занятие Лева.

– Не «ты», а «вы»! – строго поправляет Станкевич.

– Да ладно тебе, Иван, – миролюбиво осаживает коллегу Якушин. И отвечает молодому футболисту: – Якушин, тренер!

Яшин смущается:

– Извините, Михаил Иосифович, не разглядел…

– Не разглядел, – усмехается старший тренер. Повернувшись к помощнику, бросает: – Ладно, пошли переодеваться. И поставь его первым – посмотрим, из какого он слеплен теста.

* * *

Днем на малой арене стадиона «Динамо» проходил тренировочный матч между игроками основного состава. Одна команда играла в белых майках, другая – в синих.

Ворота «синих» в этот день защищал Яшин. Он, как обычно, далеко выходил из ворот, постоянно перемещаясь по штрафной и подсказывая защитникам.

– На него, на него пошел!.. Витя, закрой центр!.. Плотнее, плотнее – не отпускай его!..

Старший тренер «Динамо» Якушин стоял у бровки, скрестив на груди руки и наблюдая за действиями игроков. Не упускал он из виду и манеру игры молодого вратаря. Рядом с ним, нервничая, вышагивал взад-вперед Станкевич. По всему было видно, что поведение на поле Яшина его прилично раздражало.

– Нет, ну что это?! Что он вытворяет?!

Подойдя к самой бровке, он дал свисток и остановил игру.

– Яшин! – взмахнул он рукой, подзывая вратаря.

Тот поспешно подбежал к тренеру.

– Тебе сколько раз говорить?! Чего ты носишься по штрафной как ошпаренный?! – зло выговаривал Станкевич. – Ты – вратарь! Твое дело – «рамка», а защитники сами разберутся, как им играть!

Лев слушал, понуро опустив голову. Изредка он поднимал взгляд и исподлобья смотрел на рассерженное лицо наставника. Кажется, он был не согласен с тем, что ему пытались внушить.

– Уяснил? – нервно спросил Станкевич.

– Уяснил, – угрюмо ответил молодой вратарь. Но тут же упрямо возразил: – Только мне от ворот виднее, чем вам с бровки.

Всплеснув руками, второй тренер обернулся к подошедшему Якушину:

– Михал-Осич, ну я так больше не могу – он меня доконает!

– Ладно, подожди, – спокойно сказал старший. Хлопнув Яшина по спине, подтолкнул его к скамейке: – А ты посиди пока – остынь… – Отыскав взглядом запасного вратаря, окликнул: – Саная, ну-ка смени его!

Понурив голову, Яшин поплелся к скамейке. Эту замену он воспринял как недоверие и недовольство тренеров его игрой. А Вальтер Саная, вскочив со скамейки, быстро побежал к опустевшим воротам «синих»…

* * *

Ближе к вечеру по узким улочкам старого московского центра, гремя на стыках колесами, ехал трамвай. Пассажиров в небольшом салоне было много, Яшин с Шабровым у стадиона едва втиснулись в его нутро и обосновались на задней площадке. Оба после изнурительной тренировки и двух таймов «двухсторонки» прилично устали.

На одной из остановок в трамвай подсела компания молодых людей: два парня и две девушки.

– Граждане, передаем за билеты! – громко объявила

кондуктор, подозрительно поглядывая на компанию.

Один из парней – худой и слегка нетрезвый очкарик – попытался отшутиться:

– Спокойно, мамаша. Мы только одну остановочку!

– Я вам дам одну остановочку! Враз ссажу, если не заплатите!

Одна из девушек тут же полезла в сумочку, достала мелочь и тронула за плечо стоящего рядом Яшина.

– Передайте, пожалуйста, на билеты.

Убедившись в том, что компания передала деньги, кондуктор дал вагоновожатому звонок; трамвай плавно тронулся и побежал дальше по своему маршруту.

Яшин, не оборачиваясь, взял мелочь и передал дальше. Он был занят разговором, не обращая внимания на попутчиков.

– …Зачем ты с ним споришь? – негромко напирал Шабров. – Тебе говорят – молчи и слушай! А ты постоянно настаиваешь на своем!

– А если неправильно говорят? – не соглашался Лев.

– Да какая разница – правильно или неправильно?! Ты хочешь закрепиться в составе?

– Конечно, хочу.

– Тогда делай как приказывают! Думаешь, Якушин просто так к тебе присматривается? Как бы не так! Его же не зря Хитрым Михеем прозвали…

Яшину передали оплаченные билеты, однако он, увлеченный беседой, и не подумал отдать их ожидающей девушке. Та стояла дальше и чуть сбоку, с интересом наблюдая за ним.

– …Я, Володь, играть хочу. Хорошо играть… Ты видел, как сегодня Савдунин с тридцати метров пробил? Как из пушки – ей-богу! А Бесков, Трофимов? Вот это настоящие мастера. Вот и хочу стать таким же мастером, только в воротах…

– Молодой человек, – с улыбкой обратилась к нему девушка.

Шабров ее сразу заметил, а вот Яшин даже не услышал.

– …А Хомич! Видал, какой он сегодня взял мяч?

– Да чего ты заладил: «Хомич, Хомич!..» Ему сколько осталось? Ну, сезон еще или два. А что потом?..

Устав ждать, девушка пихнула Яшина локтем в бок.

– Билетики можно, молодой человек?

– Ой, извините… Простите ради бога… – опомнился тот. И протянул билеты: – Держите.

– Спасибо, – одарила его девушка улыбкой.

И направилась к выходу – на следующей остановке ей нужно было выходить.

Лев с удивлением смотрел ей вслед. На повороте заходящее солнце заглянуло в салон трамвая; в его лучах хрупкая девушка

казалась воздушной, необыкновенной.

Кондуктор объявил остановку. Трамвай подкатил к остановочному павильону и замер. Салон покинула треть пассажиров, включая красивую незнакомку.

Прозвенев отправление, вагон покатил дальше.

Яшин стоял у окна на задней площадке и печально глядел на удалявшуюся фигурку девушки. Рядом прямо над ухом Шабров продолжал читать нотации о необходимости внимать мэтрам и наставникам, но молодой человек не слышал его.

Он думал о своем…

* * *

Во дворе родного дома все было как обычно: дородная соседка развешивала на веревке только что постиранное белье, девчонки играли в классики, пацаны гоняли мяч, мужики за столом забивали «козла».

– Лев! Лев идет! – крикнул один из мальчишек, завидев возвращавшегося с тренировки Яшина.

Юные игроки все как один, позабыв о матче, бросились к вратарю известного футбольного клуба, обступили его.

– Здорово, Лев!

– Здорово, – устало поприветствовал он младое поколение.

– Ты с тренировки?

– С нее.

– Устал?

– Есть немного.

– Лев, а правду говорят, будто в «Динамо» есть секретный приказ? – спросил кто-то заговорщицким шепотом.

Замедлив шаг, Яшин поморщился:

– Какой еще приказ?

– Ну что Трофимову запрещено бить правой ногой.

Ответить он не успел – другой надменно парировал версию о странном приказе:

– Хорош свистеть! Нет такого распоряжения!

– Запрещено! – настаивал первый. – У него удар смертельный! Я однажды сам видел…

– Лев, а ты когда автограф Хомича принесешь? Обещал же!

– Обещал – значит, принесу…

– А мы вот так! – тем временем доносились возгласы и стук костяшек от стола.

– Годится! Вот это по-нашенски!..

Один из соседских мужиков заметил направившегося к ним

парня и толкнул задумавшегося над очередным ходом отца Яшина.

– Глянь-ка, Петрович, кажись, твой идет.

Подошедший Лева поздоровался с каждым игроком и зрителем за руку.

– Здорово… Приветствую… Здорово…

– Ну чего, Лев, чемпионом-то скоро станешь? – спросил кто-то из сидящих за столом.

Яшин усмехнулся в ответ на шутку и положил ладонь на плечо отца.

– Здорово, бать.

Продолжая обдумывать ход, тот кивнул:

– Иди, там мать ватрушек напекла. И поторопись, а то Борька все слопает.

– Солидный какой стал, а, Петрович? – провожая взглядом парня, с улыбочкой проговорил сосед.

Другой незлобиво возразил:

– А чего ты щеришься? Это тебе не дерьмо во дворе пинать – человек за «Динамо» играет! Туда кого попало не возьмут – ценят, стало быть!

– Петрович, а может, он и вправду в люди выбьется?

– Люди, люди… сельдь на блюде, – задумчиво проговорил Левкин отец и с размаху шлепнул костяшкой по столу. – Рыба!

* * *

Часа через два – когда совсем уж стемнело – у гаражей в дальнем углу двора сидели на деревянных ящиках Лев и его друг детства Мишка Галунов. Между ними на керогазе грелся ковшик с черными потеками на закопченных боках. Чуть поодаль расположилась ватага пацанов помладше, с интересом наблюдавших за происходящим.

Лев осторожно макал в кипевшую смесь палочку и смазывал ею свои вратарские перчатки.

– Лев, а что это? – робко поинтересовался один из пацанов.

– Состав такой специальный, чтобы мяч к перчаткам прилипал…

– А из чего он?

– Секрет, – улыбнулся Яшин.

– Ну расскажи-и-и… – протянул другой мальчишка.

– Тебе же сказали: секрет! – отвесил ему легкий подзатыльник Галунов. – Льву сам Хомич рассказал, как его варить.

– Нет, не Хомич. Это ребята из команды подсказали, – закончив работу, поднялся Лев с ящика. Придирчиво осмотрев промазанные смолой перчатки, удовлетворенно кивнул и скомандовал: – Ну-ка, Мишка, бросай мяч.

Тот отошел чуть назад и кинул мяч товарищу.

Яшин поймал его без особого труда.

– Здорово!

– Вот это да!

– И вправду прилип!.. – восхищенно ахнули пацаны.

Лев потряс руками, пытаясь оторвать прилипший к перчаткам мяч. Не получилось – смола прихватила его намертво.

– Вот черти! – добродушно проворчал голкипер. – Опять подшутить решили! А я, выходит, опять купился…

* * *

На следующий день на малой спортивной арене стадиона «Динамо» проходила очередная тренировка основного состава футбольного клуба. Хомич стоял на воротах и отражал удары нападающего Блинкова.

Позади ворот мельтешил Яшин. Приглядываясь к стойке и технике известного голкипера, он проигрывал увиденное в голове, пытался запомнить и скопировать движения – прыжки за мячом, перемещения по штрафной, броски мяча партнерам. При этом Лев и сам совершал короткие рывки, движения, точь-в-точь повторяя все за наставником.

Подбрасывая мяч на ноге и готовясь к очередному удару, Блинков посмеивался:

– Слышь, Хома, у тебя там спина случаем не чешется?

Поймав пущенный мяч, тот оглянулся и только теперь заметил молодого вратаря. Яшин на мгновение прервал занятие, кивнул опытному коллеге и расплылся в улыбке.

Вздохнув, Хомич отвернулся и с силой выбросил мяч в поле…

* * *

Протяжный свисток второго тренера известил игроков об окончании тренировки. Измотанные футболисты потянулись к кромке поля, за которой манил прохладой темный вход в подтрибунные помещения. Там находились просторные раздевалки с удобными скамейками, душ, чистая одежда. Осталось лишь привести себя в порядок, и можно было

отправляться по своим делам или по домам.

– Хома, ну чего ты там копаешься?! – крикнул Блинков собирающему у ворот свои вещи Хомичу.

Вратарь оглянулся на товарищей. Затем перевел взгляд на Яшина, который лупил мячом в большой деревянный щит, изображающий ворота. Мяч звонко ударялся в крепкие доски, отскакивал, а Лева в бросках старался его поймать.

Махнув рукой товарищам – дескать, не ждите, – Хомич свистнул молодому вратарю:

– А ну, давай сюда!

Подхватив мяч, Яшин с готовностью подбежал.

– Становись в ворота.

Тот торопливо занял место в «рамке».

– Нет, так не годится, – подошел к нему Хомич. Шлепая по рукам, бедрам и коленям, он выправлял корявую стойку. – Пониже, пониже! И зад не отклячивай! Ну чего ты руки растопырил, как будто бабу хочешь поймать вместо мяча?..

Игроки, покидавшие поле последними, оглядывались на двух вратарей и посмеивались. Картина у ворот действительно вызывала улыбку: среднего роста Хомич кружил возле долговязого Яшина и, размахивая руками, что-то пылко объяснял.

– Так-так – влево! Хорошо. Теперь вправо! – кричал опытный вратарь, заставляя молодого коллегу двигаться вдоль линии ворот. – Вправо, я сказал! За ногами следи! Четче! Приставными шагами – раз-два, раз-два!..

Когда Лев оказался в метре от правой штанги, Хомич пробил мячом в левый нижний угол, заставив того совершить немыслимый прыжок в противоположном направлении. На удивление, мяч был пойман.

– Хорошо! Прыжок-кувырок! Давай в другую сторону. Прыжок-кувырок! Быстрее! Быстрее нужно вставать на ноги! Вот черт длинный!..

Высокому Яшину было трудновато моментально складываться пополам и быстро подниматься на ноги. Но он упорно учился, а Хомич кричал и подбадривал:

– Упал-поднялся! Упал-поднялся! Шевелись! Тебе уже десять раз забьют, пока зад от земли отрываешь!

Интенсивная тренировка дала о себе знать – Яшин раскраснелся, вспотел. Исполняя команды опытного вратаря, он прыгал, падал, вставал и снова прыгал…

– Не забьют, – поднимаясь после очередного прыжка, упрямо ответил на последнюю реплику Хомича.

– Не забьют, говоришь?! – поставил тот мяч на одиннадцатиметровую отметку. – Ну, держи…

Разбежавшись, Хомич мастерски исполнил удар. Но Яшин поймал мяч и бросил его обратно в сторону отметки.

– Случайно… – проворчал Алексей Петрович, снова устанавливая мяч.

Второй удар. Яшин опять поймал мяч и откатил его Хомичу.

– Вот черт длинный…

Последние игроки «Динамо», еще не успевшие исчезнуть в подтрибунных помещениях, остановились, с интересом наблюдая за происходящим.

– Хома, поближе подойди! – крикнул Блинков.

Под громкий смех товарищей Хомич выполнил третий удар.

Но и в этот раз Яшин в броске отбил летящий в ворота мяч, тут же подскочил, догнал его и удивительным по исполнению броском отправил его точно в ноги наставнику.

Остановив его, Хомич изумленно посмотрел на возвращавшегося в «рамку» Льва. А установив мяч на «точку» и отходя назад для разбега, негромко поворчал:

– А ведь есть в этом упрямце какая-то изюминка. Определенно есть…

* * *

Дополнительная тренировка длилась более часа. Закончив ее, уставшие голкиперы тоже последовали в раздевалку.

Стоя под душем, Лева чувствовал себя до предела вымотанным. Тем не менее, подняв голову и подставляя лицо под струи прохладной воды, он улыбался. В соседней кабинке Хомич остервенело натирал себя намыленной мочалкой.

В раздевалке царила тишина – все игроки давно разъехались по домам. В душевой тоже, кроме вратарей, никого не было.

– Алексей Петрович, я вот спросить хотел… – подал голос Яшин. – Почему англичане в сорок пятом прозвали вас Тигром?

– А хрен их знает… Вот съездишь к ним и сам спросишь, – отрезал тот. Однако почувствовав, что ответ прозвучал слишком резко, спокойно спросил: – Зачем тебе это?

– Чтобы знать, чему у вас в первую очередь учиться, что перенимать. И чтобы стать в итоге таким же, как вы…

Отмывшись, вратари переместились в раздевалку. Растерев тело полотенцем, Хомич подошел с расческой к зеркалу и расчесал волосы на аккуратный пробор. Яшин сидел сзади на лавке со взъерошенной и растрепанной шевелюрой.

Невольно сравнив прически, Алексей Петрович не сдержал улыбки. И заметил:

– У льва и тигра даже в природе разные привычки и возможности. Что годится одному – другому никак не подходит. У тебя, Лев, рост какой?

– Метр восемьдесят шесть.

– Во, а я на пятнадцать сантиметров ниже. Где мне с разбегу не допрыгнуть – тебе только руку протянуть.

– В каком смысле?

– В прямом. Техника – это одно. А все движения повторять за мной, как обезьяна, не следует. – В последний раз пройдясь по волосам расческой, Хомич направился к раскрытому чемоданчику. – Своей башкой надо думать.

Уложив в чемоданчик последние вещи, он захлопнул его и вышел из раздевалки.

* * *

Выйдя из лабиринта подтрибунных помещений, Лева заметил сидящего на лавочке друга – Володю Шаброва.

– Наконец-то, – проворчал тот, поднимаясь навстречу. – Я думал, вы там с Хомичем до позднего вечера останетесь. Тренировались?

– Угу, – кивнул Яшин.

Несмотря на усталость, вид у него был довольный. Друзья медленно побрели по аллее в сторону выхода из спорткомплекса.

– Ну, а что, Петрович – нормальный мужик и вратарь отличный, – согласился Шабров. – Я бы тоже не стал возражать, если бы Костя Бесков или Сева Блинков позанимались со мной индивидуально.

– Да, Хомич – талант. И величина. При небольшом росте такая пластичность! Такая реакция! А прыгает как?!

– Это точно. Его же англичане Тигром прозвали?

– Они. После турне «Динамо» по Великобритании. Две победы и две ничьих в четырех матчах в Лондоне, Кардифе и Глазго. В общей сложности около трехсот тысяч зрителей, представляешь?

– Еще бы!

– И бурные овации трибун после каждого прыжка и сейва. Ну и свое прозвище Тигр Петрович получил именно в той поездке…

За разговорами о футболе друзья покинули территорию комплекса и подошли к остановке трамвая. Рабочий день заканчивался, народу на улицах становилось больше.

Отойдя чуть в сторону, Яшин достал пачку сигарет, закурил.

– Ты говорил, у тебя и брательник есть? – спросил Володя.

– Есть. Малой пока – всего одиннадцать.

– В футбол-то играет?

– Ну а как же? Каждый вечер после школы во дворе. Я вот часто думаю, – затянулся дымком Лев, – если б не война, представляешь, насколько лучше мы бы сейчас играли в футбол.

– Это точно. А ты в эвакуации был или в Москве оставался?

– Война в Подольске застала, где я отдыхал у родственников. Быстренько собрал вещички, вернулся к семье в столицу. А в октябре вместе с отцовским авиационным заводом перебрались под Ульяновск. Там, Володя, и закончилось мое детство.

– В каком смысле?

Лев грустно усмехнулся:

– Да в прямом. Как прибыли, так и началась моя трудовая вахта: разгружал вместе со взрослыми оборудование из товарных эшелонов, обустраивал новые цеха и бараки для рабочих, потом встал к станку…

Понимающе кивнув, друг помолчал. Затем поинтересовался:

– Трудно там было?

– Трудно. За первую зиму наша семья в соседней деревне выменяла все лишние вещи на картошку, брюкву, муку и крупу. Для себя оставили лишь самое необходимое, чтобы выжить. В конце февраля завод заработал и стало немного полегче. Все, кто его заново отстраивал, встали к станкам. Весной сорок третьего несколько старших ребят ушли на фронт и заменить их оказалось некем. Пришлось отцу взять меня учеником. Александра Петровна перешила старую отцовскую спецовку, и отправился я в свои тринадцать лет на первую рабочую смену…

* * *

Этим же вечером, попрощавшись с Володей Шабровым, Яшин приехал на ту остановку у радиостанции, где сошла из трамвая приглянувшаяся девушка и где он в последний раз ее видел. После тренировки он хорошенько отмылся в душе, привел в порядок одежду, а по дороге сюда купил букетик цветов. И теперь, стоя в сторонке, встречал каждый вагон, напряженно всматриваясь в тех, кто его покидал.

Он пробыл у остановочного павильона дольше часа, но девушка среди потока пассажиров так и не появилась.

В отчаянии Лева направился к стоящему тут же табачному киоску.

– Пачку сигарет «Новость», пожалуйста, – протянул он продавщице купюру.

И вдруг услышал звонок очередного трамвая, вывернувшего

из-за угла. Схватив пачку, он бросился назад к остановке.

– Молодой человек, а сдачу?! – крикнула продавщица.

Но Льву было не до нее. Заняв прежнюю позицию, он опять принялся вглядываться в выходивших из вагона людей…

Девушки среди них не было.

Дав короткий звонок, трамвай мягко покатил дальше. Расстроенный парень опустил голову, отошел в сторонку и принялся открывать сигаретную пачку.

– Молодой человек! – вдруг послышался за спиной приятный женский голос.

Он резко обернулся. И увидел ту самую – улыбчивую, стройную, симпатичную. Необыкновенную.

Позабыв о сигаретах, Лев шагнул навстречу. И внезапно понял, что не знает, о чем сказать, как с ней заговорить.

– Здравствуйте, – промямлил он. – А я вас… тут вот… жду…

Девушку явно забавляло его смущение. Вроде бы такой большой, высокий, статный и… теряется. Прямо как ребенок.

– Я так и думала, что кого-то ждете, – улыбаясь, сказала она. – Вы ведь здесь уже два часа стоите.

– Почему два часа? Разве уже два?..

– Потому что я уже два часа на вас в окно смотрю. Я вот тут работаю – на радио, – кивнула она на ближайшее здание.

– А-а-а…

Улыбка не сходила с ее милого, приятного и светлого лица.

– Вы всегда такой красноречивый?

Лева нахмурился, отвел в сторону взгляд.

– Ну, не обижайтесь. Кстати, это мне?

– Да, – вспомнив, потянул он букетик.

– Мои любимые. А как вы догадались?

– Просто понравились, – пожал он плечами. – Я даже не знаю, как они называются.

– Ну, а вас как зовут?

– Лев.

– Вы серьезно? – звонко рассмеялась девушка. Имитируя его интонацию и низкий голос, повторила: – Лев. – И тут же, протянув руку, представилась: – А я – Валя.

Яшин осторожно пожал хрупкую ладошку.

– Вот и познакомились…

Он был на седьмом небе от счастья – мало того, что встретил ее, да еще и познакомился, прикоснулся к руке.

Но девушка вдруг решительно шагнула к подошедшему трамваю и запрыгнула на подножку.

– Извините, Лев, мне пора! – крикнула она. – Спасибо за цветы!..

Молодой человек был явно обескуражен таким поворотом событий. С растерянным видом он стоял на остановке и печальным взглядом провожал трамвай, уносивший в неизвестность ту, которая так понравилась, запала в душу и… снова исчезла.

Глава третья

СССР, Москва
1950 год

После сильнейшего удара из-за штрафной мяч пушечным ядром летел в ворота. В красивом акробатическом прыжке Алексей Хомич поймал его и, мягко приземлившись на газон, зафиксировал. Трибуны взорвались аплодисментами.

Дерби двух московских команд «Спартака» и «Динамо», проходившее на стадионе «Динамо» второго июля 1950 года, комментировал советский спортивный журналист и радиокомментатор Вадим Синявский.

Вадим уютно расположился в комментаторской кабине на самом верху центральной трибуны. На столике рядом с микрофоном стоял термос с кофе, из которого известный на всю страну спортивный комментатор изредка подливал в стакан горячий напиток. За спиной Синявского в уголке кабины скромно устроился его молодой коллега – Николай Озеров. Он только начинал карьеру комментатора и ловил каждое слово учителя.

– …Капитан «Спартака» Игорь Нетто в техничном подкате отбирает мяч у динамовского нападающего и переводит его по диагонали на противоположный фланг атаки… – красочно описывал Синявский каждый игровой момент матча. Телевидение в те годы делало лишь первые шаги, основным средством передачи информации являлось радио, поэтому комментаторам и приходилось дотошно описывать происходящее на футбольном поле. – Анатолий Ильин мягко, «по-кошачьи» обрабатывает мяч и делает передачу Исаеву. Тот играет в «стеночку» с Паршиным и отправляет мяч на фланг Никите Симоняну. Нападающий «Спартака» Симонян аккуратно пробрасывает мяч мимо динамовского защитника Кузнецова, набирает скорость и рвется вдоль бровки к воротам соперника. Можно сделать острую передачу!..

Момент на поле у динамовских ворот действительно вышел опасным. Симонян выполнил навес на штрафную площадь. Хомич своевременно вышел на перехват и в последний момент снял мяч с головы спартаковского нападающего Паршина.

Запасные игроки обеих команд эмоционально переживали происходящее на зеленом газоне. Динамовцы, среди которых находился и Яшин, расположились на первых двух рядах центральной трибуны – правее от входа. Спартаковцы – левее. После каждого момента игроки и зрители вскакивали со своих мест, хватались за голову, кричали. Одни это делали в порыве

радости, другие от отчаяния.

– …Хомич, по прозвищу Тигр, как всегда, на высоте – в прямом и переносном смысле. Он снова выигрывает верховую борьбу у рослых спартаковских нападающих и вводит мяч в игру, – продолжал репортаж Вадим Синявский. – Мячом завладел капитан «Динамо» – Константин Бесков. Он пасует Трофимову. Тот на левый край – Савдунину. Ну, Савдунин, где твой пушечный удар?! Вот он – этот удар! Штанга! Штанга в этом матче давно уже стала главной защитой спартаковских ворот. Жаль только, забивать ею нельзя. А счет на табло остается прежним: один – ноль в пользу «Динамо»…

На поле и впрямь разгорелась нешуточная борьба: атаки следовали одна за другой – то на одни ворота, то на другие. Защитники постоянно перемещались у своих штрафных, в центре дирижировали полузащитники, на острие выжидали форварды…

Динамовцы потеряли мяч, и спартаковцы ринулись вперед, организуя отчаянную контратаку. Нападающий Никита Симонян нанес сильный удар метров с двадцати пяти. Хомич оказался на месте и отбил мяч, но тот запрыгал по штрафной площади. К нему тотчас устремились нападающий спартаковцев и два динамовских защитника.

Первым к мячу успел Симонян, нанеся из-под ноги защитника прицельный удар в угол ворот.

И снова Хомич дотянулся, отведя угрозу.

У ворот началась настоящая свалка…

В результате Хомич все же завладел мячом, но остался лежать на газоне – получив сильный удар по ноге. Корчась от боли, он не мог подняться.

Протяжный свисток судьи прервал встречу.

Трибуны неистовствовали, а разгоряченные ходом матча игроки подбежали к травмированному вратарю. Двое помогали ему встать и практически на своих плечах отнесли к кромке поля, где осторожно опустили на траву. Возле лежащего голкипера тут же возник врач с чемоданчиком. А рядом склонился озабоченный тренер «основы» Дубинин.

– Как ты, Хома?

– Нога, – сдавленно простонал тот.

– Играть сможешь?..

Вопрос повис в воздухе. Судя по виду, и так было понятно, что о продолжении им игры не может быть и речи.

– Яшин! – крикнул Дубинин в сторону запасных.

Пока игра была остановлена и решался вопрос с заменой, врач ощупывал поврежденную голень. Хомич лишь морщился и тихо стонал…

* * *

Яшин сидел в первом ряду запасных игроков рядом с Кузнецовым и Кесаревым. Все они с тревогой наблюдали за тем, как вдоль бровки поля мимо скамейки запасных пробежали два помощника врача с носилками, как на них бережно укладывали Хомича.

Лева был настолько поглощен происходящим, что не слышал окликов Дубинина.

– Яшин, ты оглох, что ли?! – толкнул его в бок Кесарев. – Тренер зовет! Давай-давай, быстро!

Только после этого Лева обратил внимание на сердито машущего Дубинина, требующего, чтобы он поскорее выходил на поле.

Будто во сне он поднялся, снял тренировочный свитер, надел на голову кепку и, подхватив со скамейки перчатки, побежал на поле.

Встав в «рамку», он постучал подошвами бутс по левой штанге, затем подошел к правой…

– В команде «Динамо» произошла замена, – разнесся по чаше стадиона голос диктора, перекрывшего шум трибун. – Место Алексея Хомича в воротах занял Лев Яшин.

С трибун послышался недовольный свист, от которого молодому вратарю стало не по себе. Он и так ощущал, как от сильного волнения по телу пробегает неприятная дрожь, а тут еще не совсем благожелательная реакция многотысячной толпы…

Тем не менее до сигнала судьи о продолжении матча оставалось не так много времени, и Яшин спешил размять мышцы: делал взмахи руками, хлопал надетыми на руки перчатками, подпрыгивал… Затем окинул взглядом рамку ворот.

И вздохнул. Створ показался огромным, а перекладина и вовсе взмыла в небо. Попробуй не пропусти в такие ворота…

Хомича унесли на носилках в подтрибунные помещения. Раздался свисток, судья бросил Яшину мяч, чтобы тот ввел его в игру ударом от ворот.

Едва справившись с волнением, тот разбежался и выполнил удар.

Игра возобновилась…

* * *

По пандусу первого ряда трибун размашистой походкой вышагивал генерал Министерства внутренних дел. Впереди,

словно ледокол, ему расчищал дорогу юркий и наглый адъютант в звании капитана.

– Освободите проход! Дайте дорогу! – рявкал он на зазевавшихся зрителей.

Те спешили подобрать ноги и молчаливо провожали взглядами тучного генерала.

Добравшись до скамейки запасных, тот на ходу здоровался со знакомыми игроками и вальяжно отмахивался на их желание стоя поприветствовать именитого гостя.

– Сидите… Сидите… Смотрите игру!..

Заметив второго тренера «основы», он направился к нему.

– Здравия желаю, товарищ генерал! – поздоровался Станкевич.

– Привет. Кто забил?

– Бесков! Хлестким ударом в «девятку».

– Молодец, Костя, – довольно отозвался гость, усаживаясь на лавку. – А где Хомич? Почему не вижу его в воротах?

– Травмирован.

– Что случилось?

– Чуть ногу не оторвали.

– Мясники… С-с-у…

– Так точно – грязно играют.

– А кто вместо него в воротах?

– Яшин. Третий вратарь, – по-военному доложил тренер.

– Может, на гостевую трибуну пойдем, товарищ генерал? – суетился рядом адъютант. – Там повыше – смотреть поудобнее.

– Да подожди ты! – цыкнул тот.

И, прищурившись от вечернего солнца, принялся с интересом наблюдать за неуклюжим дылдой, защищавшим динамовские ворота…

* * *

Яшин вел себя в площади вратарской странно. Он то маятником мотался взад-вперед, то подходил к одной штанге, то к другой…

Многие понимали, что молодой вратарь излишне волнуется, однако выглядело это крайне комично. Его волнение и нервное поведение было заметно даже из комментаторской будки, находившейся довольно далеко от футбольного поля – на верхотуре центральной трибуны.

Внутри небольшой будки за столом перед микрофоном все так же сидел Вадим Синявский; Николай Озеров переместился

ближе к нему и устроился рядом – по другую сторону от микрофона.

– Итак, в команде «Динамо» произошла вынужденная замена: вместо выбывшего из игры Алексея Хомича на поле вышел Лев Яшин, – поставленным голосом объявил для радиослушателей Синявский.

Воспользовавшись короткой паузой – на поле еще не прозвучал свисток для продолжении игры, – диктор отвинтил крышку термоса и налил в два стакана кофе.

– Угощайтесь, Николай Николаевич, – предложил он, прикрыв микрофон ладонью. – Этот кофе особенный – он сварен по моему особенному рецепту.

Озеров приподнял стакан и сделал глоток горячего напитка. На лице появилось удивление – кофе ему явно понравился.

* * *

Прошло около десяти минут возобновившейся игры, а Яшин никак не мог унять сильного волнения. Нервозность с волнением были настолько велики, что порой граничили с паникой. Взгляд бестолково метался по зеленой плоскости стадиона, не фиксируясь ни на партнерах, ни на мяче, ни на игроках-соперниках.

Партнеры из числа защитников замечали неладное с молодым вратарем: трясущиеся руки, лишние движения по штрафной, испуганный взгляд. Но помочь ему ничем не могли.

Один из них правда попытался подбодрить: подошел, хлопнул по плечу и сказал:

– Приди в себя, Лев, ты же отстоял в воротах не один матч.

Да, все это действительно было так. Да что толку? За «основу»-то он ни разу не играл.

Лева пытался сосредоточиться, поймать нить игры.

Не получалось. Он выхватывал лишь сумбур из топчущихся ног, мельтешение красных, белых футболок и отдельные выкрики, смысла которых не улавливал.

Не успел Яшин уследить и за быстрым перемещением нападающих «Спартака» на подступах к его штрафной. Он лишь услышал плотный звук удара и заметил взлетевший над головами игроков мяч.

Машинально просчитав траекторию его полета, вратарь ринулся к углу штрафной, куда он должен был упасть. Не добежав трех метров до расчетного места падения, Лева прыгнул и… столкнулся в полете с Блинковым.

Оба упали на газон…

* * *

– …И снова «Спартак» в атаке. Опасный навес с фланга. Мяч по высокой дуге летит в сторону динамовских ворот, – с нараставшим напряжением в голосе комментировал в микрофон острый момент Синявский.

Сидевший рядом с ним Озеров настолько погрузился в происходящее на поле, что, позабыв о Синявском и его «фирменном» кофе, приподнялся и во все глаза досматривал момент.

– …Внимание, Яшин играет на выходе! Прыжок и… он сталкивается в воздухе со своим же полузащитником Блинковым… Ай-яй-яй-яй!.. – искренне горевал комментатор. И после короткого отступления взял еще более высокую ноту: – Внимание! Этим недоразумением поспешил воспользоваться нападающий Николай Паршин! Подхватив мяч, он сместился в сторону и без малейших помех послал его в пустые динамовские ворота!..

* * *

Спартаковец Паршин завладел мячом лишь на одну секунду. Но этого хватило, чтоб без обработки – только слегка подправив его под ударную ногу – прицельно пробить по воротам.

Гол.

Чаша стадиона мгновенно заполнилась ревом, свистом, аплодисментами…

Лев с трудом поднялся с газона. Ему казалось, будто весь этот шум, доносящийся буквально отовсюду, разразился по его душу. Будто каждый зритель в эту секунду посылает ругательства именно в его адрес и смеется именно над ним.

– Мяч в ворота команды «Динамо» забил Николай Паршин, номер одиннадцатый, – пронеслось над стадионом объявление диктора.

Отряхнув трусы и свитер, Яшин побрел к воротам. Мимо – к центру поля – пробежали ликующие спартаковцы.

* * *

К трагическому моменту у динамовских ворот генерал с адъютантом успели перебраться в ложу для почетных гостей. Вместе с ними последовал и тренер «Динамо» Станкевич.

Став свидетелем пропущенного гола, генерал негромко матерился, кляня на чем свет молодого горе-вратаря.

– Твою мать!.. Как же так можно играть на выходе?.. Откуда вы этого сосунка откопали?!

– Ну, а что делать, товарищ генерал, – оправдывался Станкевич. – Второй вратарь Саная на больничном и неизвестно когда вылечится…

– Тоже мне голкипер! Размазня! Кто его из дубля вытащил?!

– Да кто-кто… Якушин.

Кивавший в такт генеральской ругани адъютант подсказал:

– Якушин сейчас в Грузии тренирует.

– Вот и пусть едет в Грузию к Якушину. И пусть пропускает там в самых ответственных матчах! Чтобы больше в команде я его не видел! Ясно?!

– Так точно…

* * *

– Итак, на последних минутах «Динамо» упускает победу в принципиальнейшем матче, – сокрушался в микрофон Синявский. – Да-а… вот так неудачно прошел дебют молодого вратаря Льва Яшина. Ну что же, все победы у молодого поколения еще впереди. Только что прозвучал финальный свисток судьи, известивший об окончании игры. На этом мы завершаем репортаж о матче «Спартак» – «Динамо», который закончился вничью со счетом один – один. Вел репортаж Вадим Синявский.

Диктор выключил микрофон. Затем, разлив в два стакана остатки кофе, спрятал термос в портфель.

Подав один стакан Озерову, сказал:

– Что ж, Николай Николаевич, искренне надеюсь на то, что ваш дебют у микрофона пройдет гораздо успешнее.

Приняв стакан, Озеров проглотил вставший в горле ком. Он только что видел провальное начало карьеры молодого вратаря и очень не хотел повторить его опыт…

* * *

В этот вечер Леве не хотелось возвращаться домой. После матча партнеры по команде общались с ним довольно сухо;

некоторые вообще перестали замечать, будто он стал пустым местом. Только Володька Шабров подошел, приобнял и сказал несколько ободряющих слов. Дескать, не расстраивайся – всяко в игре бывает…

Понурив голову, вратарь переоделся и потихоньку покинул раздевалку, даже не сполоснувшись в душе.

Он решил не пользоваться транспортом, а пройтись пешком. Не хотелось быть рядом с людьми – казалось, что все знают о его провале и посмеиваются вслед.

Однако побыть в одиночестве не получилось – на выходе из спорткомплекса его нагнал друг Вовка.

– Чего голову повесил? – бодрым голосом спросил он.

– Будто не знаешь, – буркнул в ответ голкипер.

– Знаю. Но не одобряю…

Вначале они добрели до Верхней Масловки, затем вышли по ней на Сущевский Вал. Шабров намеренно уводил разговор от футбола, чтобы товарищ отвлекся и забыл о неудаче. Лев неохотно поддерживал разговор, но чуть позже слегка оттаял.

– …И долго ты стоял у станка в Ульяновске? – интересовался Владимир юностью друга.

– Долго. В сорок четвертом, когда война стала откатываться на запад, «пятисотый» завод вернули в Москву. Наша семья снова поселилась на Миллионной, воссоединившись с многочисленными родственниками.

– И ты продолжил работать на заводе?

– Конечно – до победного салюта еще оставалось немало времени. Не бездельничать же, гоняя мяч во дворе. Завод обустроился на старом месте и заработал в прежнем режиме. Вот только сменный график стал посложнее.

– Это почему же? Война-то к концу подходила.

– Вставать приходилось минут на сорок раньше, ведь под Ульяновском жилые бараки находились всего в сотне метров от заводских корпусов, а тут от Сокольников до Тушино дорога занимала куда больше времени. Ну и с работы люди возвращались по этой же причине затемно.

– Так и встретил победу у станка?

– Так и встретил, – кивнул Яшин. – А в сорок пятом даже медаль получил.

– Да ну! Какую?

– «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

– Вот это здорово!..

Так за разговорами парни дошли до парка Сокольники, где присели на пустовавшей лавочке. Лева снова достал сигареты,

закурил.

– Ну а что было потом? – не унимался Шабров.

– Да вроде как все получалось и складывалось безоблачно, – улыбнулся вратарь. – Время летело незаметно: работа, учеба, футбол, хоккей… Всюду дело клеилось, одолел семилетку. В неполные восемнадцать уже был и слесарем, и строгальщиком, и шлифовальщиком; имел рабочий стаж… Но однажды что-то во мне надломилось – я поругался с родней и ушел из дома.

– Совсем?

– Да. Наверное, накопилась усталость. Эхо войны, иначе говоря. Вроде никогда не слыл человеком с тяжелым или вздорным нравом. А тут ходил какой-то весь издерганный, нервный. Всё меня на работе и дома стало раздражать; мог вспыхнуть по любому поводу, по любому пустяку. После одной такой вспышки собрал я свои вещички, хлопнул дверью и ушел из дому. Ходить на завод тоже перестал.

Подумав, Володька рассудительно сказал:

– Знаешь, Лев, я не вижу в этом поступке чего-то странного и удивительного.

– Не видишь? – удивленно посмотрел на него Яшин. – А многие не понимают. И осуждают.

– Многие… Полагаю никто из этих многих в тринадцатилетнем возрасте не стоял по шестнадцать часов у станка. Никто не пахал по две смены подряд в холодном насквозь продуваемом цеху. Никто из них не голодал и не спал по четыре часа в сутки.

– Ты так считаешь?

– Да, Лева. И, хорошо тебя зная, думаю, что ты просто впервые за свою юность захотел что-то решить сам. В войну твое мнение никого не интересовало. В послевоенные годы опять завод, но уже в Москве; с теми же мастерами, с тем же начальством, с тем же жестким производственным планом. Даже на футбольном поле место для тебя выбрал тренер, а не ты сам. Вот и поступил по-своему, сочтя себя вполне повзрослевшим мужчиной…

* * *

Когда Москву накрыли сумерки, друзья попрощались и отправились по домам. Володьке пришлось возвращаться в обратную сторону, так как в сорок третьем году его семья переехала в район Сокола. А Яшин направился на Миллионную.

Общение с другом отвлекло от тяжких раздумий, но,

оставшись наедине со своим мыслями, он вновь погрузился в воспоминания о последнем матче. Вновь корил себя и распекал за нелепую ошибку…

Так и вошел в родной двор с котомкой на плече, вздыхая и пряча печальный взгляд.

Мужики, как всегда, сидели за самодельным деревянным столом и стучали костяшками домино. Пацаны под светом двух уличных фонарей гоняли мяч. Михаил Галунов – соседский парень, ровесник и друг детства Левы – чинил у входа в подъезд старенький велосипед.

Завидев плетущегося домой Леву, мальчишки прервали игру. Но обычного радушного приема и вопросов о большом футболе не последовало. Вместо этого они начали смеяться, показывать на неудачливого вратаря пальцами и свистеть.

– Эй, беспризорники, сейчас рты позашиваю! – цыкнул на них Галунов. Поднявшись и вытерев ладони о рабочую куртку, подошел к Яшину, пожал руку. И ободряющим тоном сказал: – Ничего, Лев, не расстраивайся. С кем не бывает?

Кивнув, тот пошел дальше…

За доминошным столом тоже перестали стучать костяшки.

– Чего не здороваешься, чемпион? – крикнул кто-то из мужиков.

– Так держать! – показал большой палец другой.

Остальные взорвались смехом.

* * *

Зайдя в ту часть квартиры, которую занимала семья Яшиных, Лева бросил котомку в угол, снял и повесил на крючок легкую хлопчатобумажную куртку.

За столом в общей комнате сидел младший брат Борис и уплетал недавно испеченные Александрой Петровной пироги. Рядом восседал отец – Иван Петрович и, размеренно работая ложкой, ел борщ.

Лева осторожно глянул на репродуктор. Тот был выключен.

– Налей ему горяченького, – сказал супруге отец.

Старший сын присел за стол. Мачеха поставила перед ним тарелку и заметила:

– Хоть бы умылся сперва.

– Спасибо, я не голодный, – пробурчал Лева.

Но ложку тем не менее взял. Повертев ее в руке, хлебнул один раз, второй. Потом исподлобья посмотрел на отца.

Заметив побитое состояние сына, тот отодвинул почти

пустую тарелку и кивнул маленькому Борьке:

– Ну-ка, мелочь, кыш отсюда!

– Мам, ну чего он… – затянул тот плаксивым голоском.

Но мама не успела заступиться за ребенка.

– И ты тоже, – поступила команда.

– Пойдем, сынок, – подхватила она Борьку. – Пусть взрослые поговорят.

Александра Петровна увела сына в другую комнату; в дверях она обернулась и одарила Леву неодобрительным взглядом: дескать, что бы ни случилось – нужно держать себя в руках.

Отец встал, подошел к буфету, открыл дверку левого шкафчика и достал из его недр початую бутылку водки с двумя граненными стопками. Вернувшись, одну поставил себе, другую – перед старшим сыном.

– Я не буду, – накрыл Лев стопку ладонью.

Иван Петрович не настаивал. Налив себе, он снова сел за стол и спросил:

– Неприятности в клубе?

– Гол пропустил в ответственном матче.

– Бывает. Но это всего лишь игра. Ты про Мишку Тумайкина слыхал?

Лева пожал плечами:

– Нет.

– Жениться, между прочим, собрался. Комнату молодым обещали дать от завода. А ведь вы с ним вроде погодки?

Кивнув, сын поморщился, понимая, к чему клонит отец.

– Я вот думаю… – продолжал тот. – Может, тебе на завод вернуться? А что, не пошло дело в футболе, так пойдет на производстве. У тебя же неплохо в цеху получалось – даже наградой начальство отметило. Лет через пять, глядишь, и мастером бы стал. Как думаешь?

Съев еще пару ложек борща, Лева отложил ложку и молча уставился в пол.

– Не пойму я тебя, Лев… Вроде руки на месте, голова работает неплохо. Ну чего тебе этот футбол дался?

– Что же, в футбол только криворукие дураки должны играть?

Отец улыбнулся:

– Ну так ногами же…

Не отреагировав на шутку, Лева с упрямым видом молчал.

Тяжело вздохнув, Иван Петрович встал из-за стола и убрал бутылку в буфет…

* * *

Двор на Миллионной, как и прежде, освещали две тусклые лампочки – одна над входом в подъезд, вторая чуть в глубине у деревянного самодельного стола. Яшин стоял у полутемной кирпичной стены, на которой были в натуральную величину нарисованы мелом футбольные ворота.

Его друг Миша Галунов в сотый раз установил мяч на одиннадцатиметровую отметку, также обозначенную мелом, разбежался и ударил. Вратарь в прыжке намертво поймал пущенный «снаряд» и катнул его другу.

– Давай еще!

– Да сколько можно, Лев? У меня уже сил нет. Может, завтра, а?..

– Бей, говорю!

Галунов опять поставил мяч на отметку, коротко разбежался, ударил.

И снова Яшин поймал мяч.

– Еще бей! – со злостью бросил он его.

Следующий удар.

– Еще!..

Меж тем Левина семья готовилась ко сну: маленький Борька уже перестал возиться на короткой тахте в углу спальни. Мачеха застилала свежее белье на кровати, отец раздевался. А с улицы через открытое окно доносились звонкие удары по мячу.

– Ни днем, ни ночью покоя от него нет… – негромко ворчала Александра Петровна. – Пропади он пропадом, этот футбол…

Отец вступился:

– Неприятности у него. Пусть подышит воздухом – развеяться ему надо.

– Так я ж не против… Но сколько раз просила его: береги одежду – ее брату донашивать! Так разве он послушает? Кто я ему? Мачеха…

– Не гневи бога, мать! Он тебя ни разу ни единым словом не обидел…

При внешнем недовольстве и строгости по отношению к пасынку, Александра Петровна все же оставалась довольно доброй и заботливой мачехой. Обстирывала, чинила одежду, изредка – по мере возможности – покупала вместе с мужем для него обновки.

В глубине души и она понимала: непростой возраст, плюс сложное время. И далеко не все складывается так, как того хочет Лев.

* * *

На следующий день Яшин пришел в Центральный московский госпиталь МВД СССР. В одной руке у него была котомка со спортивной формой, в другой – букет цветов. На первом этаже травматологии дежурил врач – мужчина средних лет. Узнав, что Яшин является игроком футбольной команды «Динамо», он вручил ему халат и беспрепятственно пропустил в стационар.

Поднявшись на нужный этаж, он подошел к палате, взялся за дверную ручку, но входить постеснялся – из помещения доносились веселые голоса, звон бокалов и женский смех.

Потоптавшись у двери, он все-таки решился и робко постучал.

Через пару секунд дверь распахнулась. На пороге палаты стояла молодая раскрасневшаяся медсестра в белом халатике.

– Алексей Петрович Хомич здесь лежит? – смущенно спросил Лева.

– Хо-о-омич, – передразнила девушка. – Ну, здесь. А что?

– Я к нему.

Оглянувшись, она крикнула:

– Алексей Петрович, тут к вам!

Позади послышалось постукивание и шарканье по полу. Пока звуки приближались, девушка с интересом осмотрела молодого человека с ног до головы.

Наконец над хрупким плечиком медсестры навис слегка нетрезвый Хомич. Опираясь на костыль, он держал на весу больную ногу; штанина госпитальной пижамы была завернута до колена, а поврежденная лодыжка перевязана плотной бинтовой повязкой.

– О, привет! – воскликнул травмированный вратарь, узнав молодого коллегу.

– Здравствуйте, Алексей Петрович.

– Маша, иди – я сейчас, – затолкнул тот девушку в палату и прикрыл за ней дверь. Снова повернувшись к Яшину, с удивлением посмотрел на цветы. – А это кому?

– Вам.

– Я вроде еще не помер! Да и не дама. Ну, раз принес… – забрал он букет. – Давай, заходи! Давай-давай, не стесняйся!

Хомич попытался затащить Леву в палату, но тот уперся:

– Нет, не могу. Некогда мне – я на минутку только…

– Ну, смотри – а то б посидели, выпили… А ты чего тогда пришел-то?

– Проведать вас.

– Вот чудной. Что меня проведывать?.. Кости и связки целы. Так… сильный ушиб да растяжение связок. Бывало и похуже.

– А еще… я… извиниться пришел.

– За что? – удивился Алексей Петрович.

– За пропущенный гол.

Наставник посмотрел на молодого вратаря с еще большим удивлением.

– Ну, ты даешь, ей-богу! Это ж игра – в ней всякое бывает. Хотя… Может, оно и правильно. Если винишь себя в ошибке, значит, для тебя это – по-настоящему. Значит, все еще у тебя впереди, – сказал Хомич с теплой отеческой интонацией. Потом, вспомнив о чем-то, невесело улыбнулся: – Слыхал песенку: «Удар – и Хомич не берет»?

– Да что у меня впереди? – отмахнулся Лев, пропустив мимо ушей вопрос про обидное народное «творчество». – Меня в дубль перевели! Теперь опять все начинать сначала…

– Ты давай, нюни не распускай! Делов-то! Просто попал под горячую руку. Что поделаешь – иногда и такое происходит.

– Я вот еще что, Алексей Петрович, сказать хотел… – замялся Яшин. – Чернышев в хоккей зовет. Как считаете, стоит попробовать?

– Стоит попробовать девку до свадьбы. А в хоккей играть – надо уметь…

Глава четвертая

СССР, Москва
1953 год

– …Ты что, правда решил остаться в хоккее?

– Да, а что? Я с детства люблю эту игру. Вот прямо здесь сами заливали каток, – кивнул Яшин на открытое окно, выходящее во двор. – Делились по-честному на две команды и играли. Правда, не с шайбой, а с мячом. О шайбе тогда и не догадывались.

– А как же футбол? – глянул в глаза другу Шабров. – Разве футбол ты не любишь?

Вопрос был поставлен прямее некуда. И ответ нужен был таким же прямым и честным.

– И футбол люблю, – тяжело вздохнул Лева.

– Так в чем же дело?

– А сам не догадываешься?

– Ну, положим, догадываюсь. В дубль тебя опять отправили. Но разве это причина, чтобы навсегда рвать с делом всей жизни?! Я же знаю, насколько для тебя важен футбол!

«Володька, конечно же, прав – решение уйти в хоккей далось мне непросто. Очень непросто, – нахмурив брови, размышлял у окна Лева. – Но разве способен он представить, что я пережил после того злосчастного матча? Ему хорошо… Он играет на поле правым крайним в линии нападения и может по ходу матча ошибаться. Ну ударил, ну не попал. Через пять минут еще раз ударит и попадет. А каждая моя ошибка стоит команде пропущенного гола…»

– Слушай, пойдем пройдемся по городу, – вдруг предложил товарищ. – Погода сегодня отличная!

– Пойдем, – пожал плечами Яшин.

* * *

– Брось… На самом деле ничего страшного после моего ухода из дома не случилось – родители знали, где и у кого я остановился, – рассказывал Лева о своей юности. – Страшное могло произойти не в семье, а на заводе, где я тоже перестал появляться. Ты же помнишь, какая дисциплина оставалась в стране в послевоенное врем.

– Еще бы не помнить, – уверенно поддержал Володька. – Моего батю за пятиминутное опоздание чуть не посадили. Спасло то, что репутация была безупречной и товарищи заступились,

взяв на поруки.

– Вот и я схлопотал бы срок, если бы не спас старший товарищ – коллега из взрослой футбольной команды.

– А что он сделал?..

Друзья неторопливо прогуливались по улицам вечернего города. Несмотря на позднюю осень, погода действительно стояла чудесная: безветренно, тепло, спокойно; под ногами мягко шуршала опавшая листва.

– Он посоветовал отправиться добровольцем в армию, – помолчав, ответил Яшин. – И еще подсобил пожилой мастер цеха, подписавший задним числом заявление об увольнении в связи с уходом в армию. В общем, все обошлось.

– В армию взяли без проблем?

– Чего ж не взять? Высокий, здоровый, болел редко. Ну и понеслось: курс молодого бойца, муштра на плацу, казарма, наряды, учебные стрельбы… Все, как и положено военнослужащему Советской армии.

– А футбол? Играть в армии приходилось?

– Приходилось в свободное время. На тамошнем футбольном поле меня командиры и приметили, после чего предложили поиграть за команду, выступающую в первенстве городского совета «Динамо». Я же служил во внутренних войсках, если помнишь.

– Помню.

– Я, естественно, согласился, ведь футбол по-прежнему оставался мечтой и делом всей моей жизни. Начал успешно выступать за третью команду МВД, чуть позже перевели во вторую. Вот так судьба и связала мою жизнь с «Динамо»…

Друзья сами не заметили, как за разговорами и воспоминаниями дошли до парка.

– Смотри, Лева, ларек пивной работает, – показал влево Шабров. – Пошли, выпьем по кружечке?

– Чего ж не выпить? Тренировки завтра нет, так что по кружечке можно…

Отстояв небольшую очередь, они купили пива, отошли в сторонку и присели на пустующую лавочку.

– Лев, ну ты же всегда по жизни был оптимистом и никогда не падал духом, – сдув пену, произнес Владимир.

– Да я и сейчас оптимист, – отшутился вратарь.

Но товарищ настаивал:

– Нет, я серьезно. Помнишь, ты рассказывал, как Чернышев впервые обратил на тебя внимание?

Яшин улыбнулся.

– Конечно, помню. Такое не забывается…

Сделав глоток свежего холодного пива, он закрыл на секунду глаза и переместился в своих воспоминаниях на несколько лет назад.

Это был один из самых удачных матчей в его карьере, когда удалось отразить несколько десятков ударов по своим воротам. Он постоянно играл за третью команду внутренних войск, но во второй – той, что рангом повыше, – в одной из встреч травмировался голкипер, и Льва поставили на игру вместо него. Матч выдался труднейшим – соперник явно превосходил в скорости и технике. На десятой минуте Яшин пропустил гол и услышал от своих защитников массу обидных упреков. Однако рук не опустил, а, стиснув зубы, продолжил игру. И до конца матча оставил свои ворота в неприкосновенности, «вытащив» все, что в них летело, и обеспечив команде победу со счетом 2:1.

– Да, именно после того матча ко мне подошел Аркадий Иванович Чернышев и спросил: «Хочешь попробовать себя в молодежной команде «Динамо»? – поглядев куда-то в небо, сказал Лева.

– Так и меня Чернышев в «молодежку» подтянул, – воскликнул Шабров. Потом на секунду замолчал и уверенно мотнул головой: – Теперь я все понял.

– Чего ты понял?

– Однажды Чернышев помог тебе – вытащил из заштатного клуба в хорошую команду, и теперь ты веришь каждому его слову и готов идти, куда бы он ни позвал.

Яшин подивился простоте выстроенной товарищем логической цепочки. И все же, невзирая на простоту высказанного предположения, в нем имелось что-то похожее на истину – молодой вратарь действительно доверял Аркадию Ивановичу, потому что это доверие было взаимным.

– Ну что ж с того? – промокнул Лев платком губы. – Просто он нормальный мужик: сказал – сделал. Это во-первых. Во-вторых, хоккей мне тоже нравится. В-третьих… В-третьих, в хоккее у меня есть перспектива сыграть даже за сборную, не говоря уж о постоянной игре в основном составе клуба.

Наверное, он нашел бы еще пару причин, оправдывающих переход из одного вида спорта в другой, но Шабров внезапно завелся:

– Слушай, а если у тебя и в хоккее не сложится? Что тогда?!

– Ну почему же не сложится, когда уже складывается? В марте я с командой выиграл Кубок СССР, стал мастером спорта; в следующем году Чернышев планирует взять меня в сборную для участия в чемпионате мира в Швеции…

– В спорте всякое бывает – ты сам отлично знаешь. Вдруг

опять случится срыв? – позабыв о пиве, кипятился Владимир. – И через пару лет позовут играть в… волейбол? Что тогда? Рост у тебя подходящий, прыгучий, с координацией все в порядке – чем не волейболист. И тоже уйдешь? И тоже начнешь сначала?!

Яшин удивленно посмотрел на товарища. Тот всегда отличался выдержкой и умением в любых ситуациях держать себя в руках, а тут внезапно рассердился: глаза горели, на щеках выступил румянец.

– Чего ты разволновался, Володька? – примирительно сказал Лев. – Ты же прекрасно знаешь, каким сложным и тяжелым для меня выдался этот сезон.

– Знаю. Только ты забыл, что у каждого спортсмена в карьере происходят и взлеты, и спады. Вспомни хотя бы про Хомича!

– А что Хомич?

– У него тоже случались неудачные чемпионаты! Да и за сборную ни разу не сыграл – это тебе ни о чем не говорит?!

И опять товарищ был прав. Яшин и сам не раз задумывался о данной несправедливости: Алексей Петрович несомненно являлся лучшим вратарем в стране, а в играх за сборную команду почему-то участия не принимал.

– Володя, но у меня действительно неплохо получается в хоккее, – попытался оправдаться Лева. – За этим видом спорта будущее…

Он хотел добавить еще что-то и рассказать о последнем разговоре с Чернышевым, но не успел. Шабров выплеснул остатки пива на асфальт, резко поднялся и направился к ларьку. Шибанув пустой кружкой о прилавок, он быстро пошел в сторону дома…

* * *

Зимним днем на открытой хоккейной площадке неподалеку от стадиона «Динамо» шла тренировка хоккейной команды. Крытых ледовых дворцов в далеком 53-м еще не было – игроки тренировались на свежем воздухе. С одного боку хоккейной коробки расположились тренеры, доктор и пара ассистентов. С другого – немногочисленные зрители, пришедшие поглазеть на еще диковинную в те годы игру.

Руководил тренировкой Аркадий Чернышев.

– Так, внимание, парни! Отрабатываем броски с дальней дистанции, – громко объявил он. И, щелкнув секундомером, скомандовал: – Начали!

Одетый в теплый свитер и ватные штаны Яшин встал в ворота. В руках он держал вратарскую клюшку, на голове был

шлем, а на ногах специальные щитки.

Метрах в двенадцати от ворот нападающие установили в ряд на льду два десятка шайб. К крайней подъехал первый игрок, размахнулся. Послышался звонкий щелчок, и пулей устремившаяся к воротам шайба, пролетела в опасной близости от головы вратаря.

Второй щелчок – шайба пролетает рядом с правой штангой.

Третья шайба угодила по слабой защите на ногах.

Темп щелчков ускорялся – нападающие буквально расстреливали вратаря, не давая ему сосредоточиться и подготовиться к очередному удару. Какие-то шайбы он пытался ловить руками, другие по-футбольному отбивал ногами.

– Лева, Лева, клюшкой отбивай – сколько раз тебе говорить?! – покрикивал от борта Чернышев.

Внезапно на левой трибуне – там, где расположился тренерский состав команды, – появился Якушин. Первым его каким-то чудом заметил Яшин. И сразу разволновался. Ведь именно этот великий футбольный тренер когда-то разглядел его вратарский талант и по-настоящему поверил в него.

Лев так заинтересовался его появлением, что пропустил одну шайбу, вторую, третью.

– Лева, это что такое? Давай повнимательнее, – сделал замечание Чернышев.

Но куда там! Какое может быть внимание, когда за твоей игрой наблюдает такой человек!

И Яшин тут же пропустил следующую шайбу.

– Да что ж такое?! – недоумевал Аркадий Иванович.

И вдруг заметил подошедшего Якушина.

– Здорово, Аркадий! – улыбаясь протянул тот руку. – Как дела у лидеров советского хоккея?

– Все путем, – ответил Чернышев крепким рукопожатием.

– Побьете армейцев?

– Побьем! И чемпионат выиграем. Слышал, ты в Москву вернулся? Надоело, что ли, на югах?

– Да как тебе сказать?.. В гостях хорошо, а дома лучше.

– А чего к нам? Хоккеем решил заняться?

– Да так, просто… – пожал плечами Михаил Иосифович. – Посмотреть пришел. С другом повидаться…

Чернышев вздохнул:

– Знаю я твое «посмотреть»…

– Чаем-то угостишь?

Аркадий Иванович жестом подозвал второго тренера и приказал закончить тренировку. А через секунду заметил, как давний товарищ пристально глядит на Яшина.

– Чаем, говоришь? – недовольно проворчал он. – Так я и знал, Михей! Вот никогда не придешь просто так! Всегда с какой-то своей целью…

Второй тренер дал длинный свисток, сигнализирующий окончание тренировки. Хоккеисты по традиции постучали клюшками об лед, подъехали к вратарю, похлопали его по щиткам. И стали покидать ледовую площадку.

Меж тем напряженный разговор у бортика хоккейной коробки продолжался.

– Ты забыл, как вы его в дубль сослали? А парень, между прочим, талантлив! И физические данные, и реакция, и быстрота, и желание играть! – кипятился Чернышев. – Он пришел к нам как веник развязанный. Мы его собрали, подготовили, и он заиграл!

– Да ну?! – улыбнулся Якушин.

– Еще как заиграл! Мастером спорта стал и является кандидатом в сборную страны! А ты опять ему голову морочить собрался?!

– Аркадий, да не ори ты так! – примирительно сказал коллега. – Парень он талантливый, работоспособный – я это отлично знаю. Но, согласись: по своим физическим данным он больше подходит к футболу…

Яшин задержался на льду. Катаясь у своих ворот он собирал в ведро разбросанные по площадке шайбы и осторожно наблюдал за двумя великими тренерами. Судя по накалу и жестикуляции, сцепились они не на шутку. Изредка он ловил их взгляды, а до слуха долетали обрывки фраз, из чего он сделал вывод, что спор идет о его персоне. И поэтому, оставаясь в пределах коробки, Лева предпочитал находиться на безопасном расстоянии.

– …Не отдам! – упрямо повторял Чернышев. – У тебя Хомич есть и Саная!

Якушин парировал:

– У Хомича возраст критический, а с одним Саная не проживешь – его травмы замучили.

– Замечательно! Значит, у тебя в клубе наметились проблемы, и ты собираешься их решать за счет моей команды. Я правильно понимаю?

– Давай так, по-честному: я ему предложу вернуться в футбол, а он пусть сам выбирает, что ему ближе.

Пожалуй, данный вариант устроил обе стороны. Не сговариваясь, тренеры повернулись в сторону хоккейной коробки, где только что крутился Яшин.

Но его на льду уже не было…

* * *

Спустя некоторое время Яшин шел по длинным коридорам подтрибунных помещений малой спортивной арены «Динамо». В руках у него была медицинская карта, и направлялся он в закуток, где заправляли врачи спортивного общества «Динамо». Повернув в нужный «аппендикс», он вынужденно сбавил шаг – впереди из ближайшего кабинета шумно и с руганью вылетел разгоряченный Хомич.

– Раньше все кипятком ссали, сволочи! А теперь «Хромой тигр»?! Да пошли они все! И ты вместе с ними! – хлобыстнул известный голкипер дверью об косяк.

Не заметив обалдевшего молодого коллегу, он быстрым шагом прошел мимо по коридору.

– Ну что, выговорился? – вывалился следом из того же помещения Якушин.

– Иди ты!..

– Это футбол, Леша, и в нем старые заслуги не в счет! Важен только результат!

Лев стоял посреди коридора и удивленно смотрел то на тренера, то на удалявшегося Хомича.

Вздохнув, Михаил Иосифович подошел к Яшину и посмотрел на него в упор.

– Прошел? – кивнул он на медицинскую карту.

– Так точно, – по-военному ответил тот.

– Пошли…

Они двинулись дальше по коридору. Позабыв о перепалке с Хомичем, Якушин рассказывал о ближайшем будущем футбольного клуба. Молодой вратарь молча внимал…

В расположенных слева и справа по коридору помещениях вовсю кипела работа: кто-то изучал календарь будущего сезона, кто-то «сидел на телефоне» и бронировал билеты для переезда команды в другие города, кто-то возился с бухгалтерскими документами. Из одного кабинета вышел незнакомый функционер в аккуратном костюме; увидев Якушина, подбежал и затараторил:

– Михаил Иосифович, звонили из райкома с разнарядкой по коммунистам…

– Это не ко мне, – отмахнулся тот. И вновь повернувшись к Яшину, продолжил: – Ситуация, Лев, простая: ветераны уходят, в состав вливается молодняк. И это никак не связано с моим возвращением. Это элементарная логика! Развитие игры! Ты со мной согласен?

Тот кивнул. Слушая оптимистичные откровения наставника, Лева посматривал на тех, кто попадался навстречу, оглядывался по сторонам, читал таблички на дверях…

– …Я строю новую команду, новую! – запальчиво продолжал Якушин. – И единственный приемлемый результат для этой команды – первое место. Согласен?

– Согласен, Михаил Иосич. Но смогу ли я помочь?

– Сможешь! В руководстве клуба все поменялось. Про ту игру со «Спартаком» сейчас никто и не вспомнит…

Позади кто-то окликнул:

– Михаил Иосифович!

– Да.

– Новую форму привезли, а размеры не те.

– К Станкевичу, – коротко ответил тот. Взяв медицинскую карту Яшина, он полистал ее, мельком просмотрев результаты медосмотра. – Врач команды заключение подписал?

– Да, порядок вроде.

Якушин остановился посреди коридора.

– В общем, так: будешь основным вратарем команды. Справишься?

– Справлюсь, – твердо ответил Лев.

– Значит, так и порешим.

– Михаил Иосич, а как же Хомич?..

Старший тренер не ответил. Хлопнув его по плечу, он исчез в одном из многочисленных помещений подтрибунного пространства, оставив молодого вратаря наедине со своими мыслями.

* * *

Несколько человек, в основном мужчин, стояли возле специального уличного стенда и читали свежую прессу. Проходя мимо, Яшин обратил внимание на крупный заголовок одной из центральных газет: «Хромой тигр».

«Наверняка про Хомича!» – с досадой догадался он.

Оглянувшись на читающих, Лева попытался усмотреть их реакцию.

Не получилось. Каменные лица и ничего не выражающие взгляды, скользящие по газетным строчкам. И… по большому счету безразличие.

Хомича Яшин увидел через несколько минут, войдя в сквер неподалеку от стадиона. Тот сидел в одиночестве на скамейке, опустив голову вниз. Рядом у ног стоял знакомый чемоданчик, с которым тот всегда приходил на тренировки.

Лев подошел ближе, встал в двух шагах.

Заметив его, Алексей Петрович спросил:

– Читал?

Молодой вратарь пожал плечами: не читал, но о статье слышал.

– Тигр – надо же! Тигр… Я ведь это дурацкое прозвище не сам себе придумал, – с грустной усмешкой сказал наставник. – Англичане, черти, постарались. А какой из меня тигр? И где они видели, чтобы тигры играли в футбол?

Он вдруг улыбнулся, будто вспомнив о чем-то радостном.

Яшин присел рядом.

– Но вы тогда здорово сыграли! Третий матч в Лондоне был с «Арсеналом». Я не отходил от репродуктора и прослушал весь репортаж – от свистка до свистка.

– Веришь, туман во время игры стоял такой, что в тридцати метрах ничего не видно! От ворот даже центр поля не просматривался. Как я тот летящий мяч увидел и отбил – до сих пор не понимаю… – с печалью в голосе вспоминал Хомич. – А теперь благодаря тому прыжку я для всех герой.

– Вы и сейчас для многих герой, – пытался поддержать наставника Лев.

– Время тогда сам знаешь, какое было, – война только-только закончилась, людям требовалось дать хоть немного радости, чтобы отвлеклись, жизнь почувствовали. Понимаешь? Так что не могли мы проиграть тот матч. Не могли, понимаешь?..

– Алексей Петрович… – хотел было спросить о чем-то Яшин.

Но тот перебил:

– Хорош уже «Алексей Петрович»! Я для тебя дядя Леша. Ты молодец, что вернулся в футбол. Правильно сделал.

– Вы так считаете?

– Уверен. И отныне, Лев, ты – первый вратарь клуба. А когда станешь за сборную играть…

– Да ну, куда там!

– Станешь, станешь. Короче, помни: ты не просто так дерьмо пинать на поле выходишь; за тобой вся страна, люди. У них и так жизнь – не сахар. Так что постарайся их не огорчать.

– Понял, дядь Лёш.

– Ну и ладно, – кивнул он. Затем, будто вспомнив о чем-то, протянул свой знаменитый чемоданчик: – Во, держи.

Яшин бережно принял подарок:

– Зачем?..

– Что значит «зачем»? Так и будешь вечно с авоськой ходить? Это ж настоящий чемодан! Дай-ка…

Щелкнув замками, Хомич открыл крышку чемоданчика, сунул внутрь Левину потрепанную котомку, запер и вернул новому владельцу.

– Ну вот, другое дело. Сразу на человека стал похож.

– Спасибо.

– Кстати, он еще в Англию со мной ездил. И всегда удачу приносил. Может, и тебе в этом смысле сгодится…

Встав со скамейки, Алексей Петрович вздохнул и направился ко входу на стадион.

Лев посмотрел ему вслед и только теперь заметил висящий на плече кожаный футляр с фотоаппаратом.

* * *

Над малой спортивной ареной «Динамо» развевались флаги. На газоне стадиона проходила тренировка главной динамовской футбольной команды. Яшин стоял в воротах, отбивая или намертво забирая мячи после довольно редких ударов нападающих и полузащитников.

Понаблюдав несколько минут за ходом тренировки, второй тренер Станкевич подозвал капитана команды Царева.

– Витя, вы чего дурака валяете? – рассерженно спросил он.

– В каком смысле?

– Почему не напрягаете молодого? Заставьте-ка его хорошенько поработать. Устройте ему настоящую «карусель»!

– Понял, сделаем, – с усмешкой кивнул тот.

Станкевич дал свисток, сигнализирующий о старте тренировочной «двухсторонки». Игроки тут же разделились на две команды, надев футболки разных цветов: синие и белые.

Яшин приготовился к началу игры – выдвинулся немного вперед, глянул на позиции защитников, встал в стойку. И вдруг приметил, как вернувшийся на поле Царев что-то негромко сказал своим партнерам.

Игра началась.

Силы команд были примерно равны, атаки накатывались то на одни ворота, то на другие. Но при этом молодой Лева с удивлением наблюдал, как его защитники не очень-то стараются – соперники запросто комбинировали на подступах к штрафной и почти без помех били по воротам с разных позиций. Удары по его воротам наносились и с дальней, и со средней дистанции, и даже в упор, когда в штрафную одновременно врывались два или три нападающих.

Яшин отбивался как мог и тем не менее за пятнадцать минут игры умудрился пропустить несколько голов.

Тем временем позади яшинских ворот прохаживался, наблюдая за «избиением младенца», Якушин.

Не дотянувшись в прыжке до мяча, Лева пропустил очередной гол и рухнул на газон. «Нет, в настоящей игре такого быть не может, – тяжело дышал он и не торопился подниматься с травы. – Защитники не должны позволять нападающим беспрепятственно бить по воротам…»

Старший тренер через сетку легонько толкнул мяч в его сторону и, обойдя ворота, подошел к голкиперу.

– Ну что, хватит или еще хочешь?

Забрав мяч в руки, Яшин встал.

– Еще…

– Ладно, на сегодня достаточно. – Забрав у него мяч, Якушин бросил его в поле. – Я хочу, чтобы до тебя дошло: один вратарь игру не сделает – забивать тебе все равно будут. Как бы ты ни старался.

– Посмотрим, – упрямо пробурчал Лев.

Михаил Иосифович по-доброму улыбнулся:

– Упрямый, значит? Ну что ж, это хорошо. Только на одном упрямстве, знаешь ли, не вылезешь. Вот, к примеру, Хомич. Ты видел, как он выходит на поле?

– Видел. Спокойно выходит, уверенно.

– Именно! Солидный, спокойный, уверенный. Все – и свои, и чужие – сразу видят, что он хозяин в своей вратарской. И партнеров по команде это успокаивает – они знают, что за их спинами все надежно. И еще один серьезный момент.

– Какой?

– Надо уметь предугадывать действия соперников.

Яшин успел отдышаться. Переминаясь с ноги на ногу, он смотрел на тренера и изо всех сил пытался вникнуть в смысл его фраз.

– Ну вот смотри… – опустился тот на корточки перед вытоптанной проплешиной и стал пальцем рисовать схему на пыльной поверхности. – Это ты в воротах. В центре поля происходит потеря мяча… Мамедов обыгрывает Царева, пасует на правый фланг Федосову…

Якушин настолько образно объяснял ход игры, что Лева воочию представил все, о чем он говорил. Как нападающий Аликпер Мамедов в центре поля на скорости обыгрывает полузащитника Виктора Царева и отдает точный пас на ход правому нападающему Генриху Федосову.

– …Федосов идет вдоль бровки, перед ним защитник… – усиливал напряжение в голосе Михаил Иосифович.

И опять Яшин отчетливо видел рвущегося вперед Федосова и то, как перед ним пятится защитник Борис Кузнецов. А Федосов не просто рвется вперед, а пытается «раскачать» соперника

обманными движениями…

– Что, по-твоему, он будет делать? – вернул его в действительность неожиданный вопрос.

– Ну… в обводку пойдет.

– Хорошо. А твои действия?

– Выйду вперед, чтоб сократить угол.

Якушин быстро начертил две стрелки у самой штрафной.

– А рядом уже Шабров и Сальников выполняют набегание…

Лев представил, как левый нападающий Шабров бежит от бровки к боковой линии штрафной площади, а по центру прорывается Сальников. И тот, и другой были опытными и техничными игроками, обладающими хорошо поставленными ударами с обеих ног. И оба, получив пас от Федосова, могли бы с ходу заколотить мяч в сетку ворот.

Глядя на схему, Яшин дернулся вправо, будто и в самом деле стоял в нарисованных воротах.

– Направо надо! Направо!

– Но Федосов тянет и не отдает пас. Обходит защитников. Ты переместился вправо, открыв левый угол. И что в результате?

– В результате гол, – ответил Лев. И тут же спросил: – А если бы защитник не вышел бы далеко вперед? Что тогда?..

И снова перенесся в игру, в острый момент у своих ворот.

Вот он дергается, пытаясь сократить дистанцию с нападающим, но, увидев его рывок, бросается вправо. Туда же, торопясь перекрыть возможную опасную передачу, спешит защитник Константин Крижевский, страхующий центральную зону…

* * *

Часом позже Якушин с Яшиным расположились на уютной веранде столовой спорткомплекса «Динамо». Вратарь к этому времени успел помыться в душе, высушить волосы и переодеться в раздевалке.

На подносах стояли пустые тарелки из-под первого и второго блюд. Оба неторопливо потягивали из стаканов чай.

– Красотуля, пожалуйста, принеси еще чайку! – крикнул Якушин симпатичной буфетчице.

– Сахару как обычно, Михал Иосич? – справилась та.

Не прерывая беседы с молодым голкипером, тренер поднял руку и жестом показал: «Два кусочка».

Буфетчица перевернула чистый стакан и принялась наливать в него чай. При этом подвинулась к стоявшей рядом официантке

и мечтательно произнесла:

– Какой мужчина наш Якушин, а?! Люсь, пасни сахарку.

– Ой, смотри не растай, красотуля! – улыбнувшись, «отпасовала» та сахарницу.

Оправив фартук, буфетчица бросила на Людмилу снисходительный взгляд:

– Не боись, мелюзга. С моим-то опытом как-нибудь не растаю…

Тем временем тренер продолжал обучать молодого голкипера премудростям тактики. Только сейчас – за столом – наглядными пособиями были не рисунки на вытоптанной проплешине штрафной площадки, а приборы, стаканы, солонка и все остальное, что попадалось под руку.

– А теперь смотри! Федосов подходит отсюда… Кузнецов чуть ближе к твоим воротам… Прорабатываем этот момент еще раз…

Прищурившись, Яшин представил: между нападающим Федосовым и воротами остается один защитник Кузнецов и метров тридцать свободного пространства. Федосов делает резкое движение в сторону, уходит от Кузнецова и бросается вперед. Опекавший Сальникова защитник не успевает вернуться. Как и Яшин, оказавшийся всего на каких-то два шага правее, чем нужно, – Федосов бьет, и мяч залетает в ворота…

– …Возможно, Хомич придумал бы что-нибудь другое, – закончил свою пылкую речь наставник.

Льва смутило это замечание, но он продолжал слушать.

Забросив в рот последний кусочек хлеба, Якушин добавил:

– То, что ты не сидишь во вратарской, – это правильно. И то, что к Хомичу присматриваешься, – молодец. Во вратарской и на линии ему равных нет. Вот только…

– Что «только»? – нетерпеливо спросил Яшин.

Михаил Иосифович мечтательно улыбнулся и произнес так, словно говорил о самом любимом деле:

– Футбол, Лев, он ведь… живой, понимаешь? Растет, меняется, развивается. Сейчас одной реакции уже мало. Игра становится более комбинационной, разнообразной, скоростной, и надо уметь просчитывать ее на шаг вперед. Но в этих комбинациях каждый игрок пытается просчитать и тебя, значит, ты должен думать и за них. Так что второй Хомич сейчас не нужен.

– Как же мне быть? – растерянно спросил Яшин.

– Ты должен найти свою игру.

– Понял. Постараюсь.

– Материал сегодняшнего тактического занятия уяснил?

– Кажется, да…

* * *

После обеда началась теоретическая часть тренировки, длившаяся около полутора часов. Далее тренерский состав распустил игроков по домам.

Футболисты «Динамо» покидали стадион небольшими группами. Рядом с Яшиным вышагивал его друг Шабров, с которым он помирился накануне возвращения в клуб.

– Лев, ты помнишь, что сегодня танцы? – радостно вещал товарищ. – Мироныч обещал на автобусе подбросить. Ты с нами?

Они направлялись к автобусу, за рулем которого сидел пожилой водитель – Мироныч, много лет возивший команду от «Динамо» до тренировочной базы и обратно. Сзади двух друзей нагнали более опытные игроки «основы»: Генрих Федосов, Борис Кузнецов и Сергей Сальников.

– Нет, Володя, – мотнул головой Яшин.

– Почему?

– Меня Валя ждет…

Идущая сзади троица шутки ради решила принять участие в разговоре.

– Везет ему – у него Валя! – театрально вздохнул Сальников. – А у нас кто, Федос?

– А у нас… – Федосов начал загибать пальцы, – Марина, Оленька, Иришка…

Обнаружив позади еще троих участников разговора, Лева улыбнулся:

– Ну, хватит, дуралеи. Вам бы только поржать.

* * *

На радиостанции, где работала Валентина, заканчивалась очередная смена. Все программы и репортажи, значившиеся в графике следующего дня, были подготовлены, и народ дружно покидал здание. Поток людей проходил через турникеты, возле которых расположились дежурные вахтеры.

– Антонина, сходи наверх и найди Шашкову! Ейный ухажер замучил мельтешить под дверью!.. – прокричала одна из женщин.

Вахтер Антонина – крупная пожилая женщина, тяжело поднималась по лестнице на второй этаж для проверки коридоров и помещений.

– Сейчас разыщу, – не оборачиваясь пробурчала она.

В длинном коридоре второго этажа, окна которого выходили на улицу, стояли две девушки: Валентина Шашкова и ее подруга

Лида. Обе переговаривались и время от времени поглядывали в окно, сквозь которое был виден вход в здание и переминавшийся с ноги на ногу долговязый Лева. Держа в руке букетик цветов, он беспрестанно поглядывал на тех, кто выходил из здания радиостанции.

– И сколько ты с ним уже встречаешься? – любопытствовала Лида.

– Три года, – запросто отвечала Валя.

– Так он правда футболист?

– Да. Вратарь.

– Из самого «Динамо»?

– Из «Динамо».

– Неужели он на каждое свидание приходит с цветами?

– Представь, на каждое, – гордо улыбнулась Валентина. – В любое время года и в любую погоду!

Лида опять оперлась о широкий подоконник и с интересом поглядела на молодого человека.

– Чудеса… А может, он вообще всем цветы носит?

– Ой, ну конечно!..

У выхода на лестничную площадку в начале коридора послышались неторопливые шаркающие шаги.

– Ну, чё прилепились к окошку?! – с напускной строгостью окликнула девушек вахтерша Антонина.

Девушки растерянно оглянулись на женщину. Первой нашлась Лида.

– Антонина Андреевна, мы тут по заданию редакции, – выпалила она.

– Знаю я ваши задания, птицы перелетные! – проворчала вахтерша. – Освобождайте помещение.

– А можно мы еще минуточку постоим, Антонина Андреевна?

– Освобождайте, говорю! – повысила та голос. И кивнула Валентине: – Твой-то вон все глаза проглядел у крыльца, тебя ожидаючи.

Валя схватила сумку и подалась к лестнице, но Лида ухватила ее за руку.

– А давай его проверим, а? Хочешь? Я сейчас к нему спущусь первой, а ты немного задержись…

Валентина даже не успела что-либо ответить – подруга рванула вперед и через несколько секунд уже стучала каблучками по лестнице.

– На автобус не опоздай! – крикнула вслед Валя.

И неторопливо пошла в том же направлении…

* * *

Лев все так же прохаживался с букетиком у входа в знание радиостанции. Мимо то и дело проезжали трамваи, пешеходы спешили после работы домой; поток выходящих из радиостанции служащих почти иссяк, а Валентина все не появлялась.

Изредка он поглядывал на часы и удивлялся про себя ее опозданию. Обычно она появлялась вовремя, а если имелась возможность, то прибегала и раньше.

– Привет, вратарь! – вдруг послышался позади девичий голос.

Обернувшись, он увидел Лиду – подругу своей девушки. Он почти не знал ее, лишь несколько раз видел мельком, когда девушки вместе покидали работу.

Хитро улыбаясь, Лида скороговоркой выпалила:

– Валя не сможет сегодня прийти и просила ее подменить.

– То есть как это… подменить?.. – опешил Яшин.

– Что непонятного? Я сегодня вместо нее.

– Ты что такое говоришь?!

– Не может она, – пояснила девушка. – Срочное задание от начальства на весь вечер. Сам понимаешь – работа есть работа.

Помрачнев, молодой человек проворчал:

– А зачем эта глупость с подменой-то? Можно было просто сказать, что не может…

Лида продолжала улыбаться, но Валин ухажер не чувствовал подвоха.

– Ладно, извини, Лев. Я побежала на автобус, – повернувшись, зашагала она по тротуару.

Тот вздохнул и хотел было направиться в другую сторону, да внезапно на глаза легли прохладные девичьи ладошки.

Повернув голову, он увидел сиявшую Валентину.

– Зачем ты так, Валь? – наконец догадался он об устроенной проверке. Поморщившись, добавил: – Настроение теперь все испортилось…

Взяв его под руку, та зашагала по тротуару в привычном направлении.

– А если бы я согласился и повел ее, скажем, в кино? – возмущенно ворчал Лев. – Или купил бы ей твое любимое мороженое?..

– Ну-ну, продолжай, – улыбалась она.

* * *

Лев с Валентиной шли под ручку по вечерней Москве. Рабочий день на большинстве предприятий столицы закончился, вокруг было много пешеходов, по улицам проезжали вереницы

машин, трамваев и автобусов.

Рядом со зданием Главпочтамта недавно установили пять автоматов с газированной водой – молодые люди повернули к ним, отыскали в карманах нужные монетки и с наслаждением выпили по стакану холодной воды с ароматным клубничным сиропом.

– О чем продолжать? – пожал плечами молодой человек.

– Ну, о том, что вы дальше стали делать с моей подругой Лидой.

– Погуляли бы по вечерней Москве, – решил подыграть Лева. – Потом проводил бы ее до дома, зашел бы в гости…

– Все правильно, – театрально вздохнула Валентина. – И ничего бы с тобой не случилось. Продолжал бы ездить на тренировки, играть в футбол и встречаться с моей подругой…

– И ты не стала бы ревновать?

– Нет. Ты защищал бы ворота своего «Динамо», а я вышла бы замуж за красивого молодого лейтенанта. Он обязательно дослужился бы до генерала, и мы ходили бы на стадион смотреть матчи с твоим участием. И то, как ты ловишь свои мячи.

– Ах так?! Значит, за молодого? За красивого? – шутливо попытался он схватить ее за ладошку.

Смесь, она вырвалась, но он догнал и подхватил ее на руки.

– Пусти, Лев, – смутилась Валя. – Люди вокруг смотрят.

Он аккуратно поставил ее на асфальт.

– Давай измеряем твой рост, – предложила она и потащила молодого человека к одетому в белый халат дядьке, сидевшему на табурете рядом со специальной вертикально установленной линейкой.

– Не стоит, – засмеялся он.

– Почему?!

– Я тебе и так его назову с точностью до сантиметра – недавно измерял на медкомиссии…

Солнце клонилось к закату. Валя уже дважды посматривала на часы – завтра ей предстояло дежурить на радиостанции в первую смену. Это означало, что в студии она должна была появиться в шесть утра.

Прогулявшись по центру, парочка направилась в сторону дома Валентины. Дождавшись зеленого света, влюбленные пересекли широкий проспект. Оказавшись на тротуаре, Яшин внезапно рванул к витрине ближайшего магазина.

– Валя, иди скорее сюда! Посмотри! – увлек он ее за собой.

– Лев, ты что? – смеясь, подчинилась девушка.

Над входом в магазин красовалась большая вывеска: «Посуда».

Показав на выставленный в витрине сервиз из множества предметов, молодой человек уверенно заявил:

– Этот сервиз мы обязательно купим, когда поженимся.

– Лев, ну ты опять?.. – смутилась Валентина.

Яшин обнял ее, посмотрел в глаза:

– Что значит «опять»? Валька, ну сколько можно тянуть? Я жить с тобой хочу, семью хочу, детей…

Договорить он не успел – сбоку послышался строгий женский голос:

– Молодые люди, немедленно прекратите обниматься!

Оба повернули головы влево и заметили пожилую продавщицу посудного магазина, вышедшую на крыльцо для того, чтобы пресечь «нарушение общественного порядка».

– Неужели вы не понимаете, что ведете себя неприлично! – добавила она не терпящим возражения тоном. – Здесь, между прочим, центр города и ходят люди!

Опустив глаза, Валентина беззвучно смеялась. А Лева, схватив ее за руку, увлек за собой подальше от «стража морали».

У следующего перекрестка парочка сбавила темп, отдышалась. При этом девушка шутливо заметила:

– А генерал, между прочим, жене шубу купил бы вместо сервиза…

Глава пятая

СССР, Москва
1954 год

Следуя джентльменской договоренности, два великих тренера предложили Яшину сделать выбор между футболом и хоккеем с шайбой. Выбор оказался крайне сложным: в футбольном «Динамо» Лева практически не вылезал из дубля, был на вторых ролях; а после первых успехов в хоккее сразу стал кандидатом в сборную страны. Было над чем подумать.

После важного разговора он попросил небольшую паузу для принятия решения. Понимая ответственность момента, Аркадий Чернышев и Михаил Якушин не торопили.

На принятие решения ушла неделя, и это был один из главных, переломных моментов в его жизни. Советовался Лев лишь с самыми близкими людьми. Кстати, предложение Якушина явилось отличным поводом для того, чтобы помириться с Володей Шабровым. Он всегда был настоящим другом, и размолвка на почве ухода из футбола не давала Яшину покоя. И в один из вечеров он отправился к нему домой.

Увидев Льва на пороге, друг нисколько не удивился. Поправив висевшее на шее полотенце, кивнул:

– Проходи…

Сидя на кухне и потягивая крепкий чай, они проболтали дольше часа. Узнав о решении Яшина вернуться в футбольное «Динамо», Володька расцвел и от радости даже обнял товарища.

– Вот это мужское решение! – воскликнул он. – Одобряю!

На душе у Левы тоже полегчало, словно сбросил непосильный груз.

На следующий день он встретился с Якушиным и Чернышевым и твердо сказал:

– Я выбираю футбол.

Так начался следующий этап в спортивной карьере Льва Яшина.

Несколько сезонов он отыграл за динамовский дубль. Отыграл, можно сказать, блистательно, отразив множество одиннадцатиметровых ударов и выручая команду во многих других игровых моментах. Большим мастером в отражении пенальти ему стать не довелось, но тогда – по молодости – будто прорвало. Брал почти все, что летело в ворота. И на выходах действовал безошибочно и уверенно. И перехватывал острые передачи нападающих. И своевременно делал подсказки защитникам при исполнении соперниками «стандартов». В

общем, рос на глазах – с этим соглашались и тренеры, и опытные игроки.

Постепенно его стали пробовать в «основе», чередуя матчи с первым вратарем Вальтером Саная. Нельзя сказать, что дебют удался – опять сказывалось волнение, и молодой вратарь частенько пропускал. Нет, грубых ошибок он не допускал, но и до свойственного мастерам спокойствия было далековато.

Вальтеру опыта хватало. Да что там говорить – он считался не просто дублером Хомича, а по-настоящему хорошим голкипером, способным в любом матче заменить Алексея Петровича. Поэтому, если бы тренерский состав «Динамо» доверял ему защиту ворот в каждом матче – никто бы этому не удивился и не воспротивился. Но помимо яшинского таланта существовала еще парочка серьезных причин, позволявшая юному дебютанту едва ли не через матч занимать место в «рамке». Во-первых, Вальтер был почти на пять лет старше Льва, а подобная разница в спорте весьма существенна. Во-вторых, более возрастного голкипера постоянно преследовали травмы. К сожалению, в футболе и хоккее часто происходят подобные вещи: один отыграет весь сезон и не получит ни одной ссадины. А другой не вылезает из «лазарета» с ушибами, растяжениями и даже переломами…

К концу первого круга футбольного первенства 1953 года Лев Яшин сравнялся по количеству матчей за основой состав «Динамо» с Саная, а во втором и вовсе прочно занял место в стартовом составе команды.

* * *

На стадионе «Динамо» шло принципиальное дерби между земляками – хозяева поля принимали торпедовцев. Динамовские ворота защищал Лева, одетый в черный свитер и свою «фирменную» кепку из коричневого вельвета.

Далеко забросив рукой мяч, он начал новую атаку…

Тем временем в комментаторской будке работал успевший освоиться в новой профессии Николай Озеров. За минувший год он многому научился у своего наставника – Вадима Синявского. Во-первых, он стал хорошо разбираться в тонкостях футбольной игры, ведь ранее его родной стихией в спорте являлся большой теннис. Во-вторых, запомнил практически все фамилии игроков высшей лиги. В-третьих, перенял манеру комментирования матчей. И даже кофе для работы заваривал в термос по рецепту Синявского.

– …Мы продолжаем трансляцию увлекательнейшего поединка между московскими командами «Динамо» и «Торпедо», – говорил он в микрофон, поглядывая из кабинки на поле. – Место Алексея Хомича и Вальтера Саная в воротах команды московского «Динамо» уверенно занял молодой вратарь Лев Яшин. Да, незаменимых игроков в спорте нет, и выигранный динамовцами Кубок СССР в прошлом году – явное тому подтверждение…

Динамовцы потеряли мяч в центре поля, и торпедовцы начали организованную контратаку.

– …И снова «Торпедо» в атаке. Изобретательно действует впереди атакующая линия автозаводцев. В этом сезоне их ряды пополнили талантливые молодые футболисты… Мяч у Эдуарда Стрельцова – одного из таких новичков. Пас Валентину Иванову. Удар! Вот это да!..

Стрельцов действительно на подступах к штрафной площади действовал мастерски и решительно. В этом моменте он обыграл Бориса Кузнецова, после чего прокинул мяч в штрафную. Нагнав его, он увел за собой Константина Крыжевского и неожиданно для всех сделал пас пяткой Валентину Иванову, «расстрелявшему» в упор ворота Яшина. В невероятном прыжке тот вытащил мяч и с трудом перевел его на угловой.

Болельщики неистово переживали, крича, поддерживая и подгоняя свои команды вперед. Голос диктора, объявившего время до окончания матча, потонул в нескончаемом реве трибун.

– …И снова, достав мяч из «девятки», Яшин буквально спасает свою команду от неминуемого гола, – смочив горло теплым кофе, продолжал вести репортаж Озеров. – Да, все было разыграно торпедовцами как по нотам. А какой в высшей степени оригинальный пас сделал пяткой Эдуард Стрельцов! Кстати сказать, он является дебютантом и самым юным игроком нынешнего чемпионата. Похоже, из него вырастет большой мастер! Но и ему не так легко пробить динамовского вратаря…

Динамовская атака после неудачной передачи Трофимова захлебнулась в центре поля. В ответ развернулась молниеносная контратака торпедовцев. После длинного навеса одного из форвардов на штрафную, Яшин выбежал вперед и, сорвав на ходу кепку, выбил мяч головой.

Трюк пришелся зрителям по душе. По трибунам покатились восторженные возгласы:

– Видали?!

– Во дает!

– Ну, Яшин! Ну, артист!..

Вскочив со стула и схватив микрофон, Николай Озеров с

юношеским восторгом комментировал:

– Воспользовавшись оплошностью динамовцев, Иванов сделал отличную передачу в направлении Стрельцова. Удар! И… Оригинально действует вратарь «Динамо» Яшин. Очень оригинально! Прерывая опасную атаку торпедовцев, он как заправский защитник головой выбивает мяч далеко в поле…

Якушин следил за игрой, расхаживая вдоль бровки. Станкевич словно тень ходил за ним.

– Цирк какой-то! – не удержался от критики второй тренер. – Ну, посмотрите! На что это похоже?! Кто так играет?!

Пряча улыбку, Якушин удовлетворенно заметил:

– Вот именно – никто!

* * *

В середине пятидесятых годов неподалеку от улицы Миллионной находилась одна из немногих мастерских по ремонту радиоприемников и редких в те времена первых телевизоров. В ее центральном витринном окне стоял телевизионный приемник в огромном деревянном корпусе. Перед его крохотным экраном находилась наполняемая водой линза для увеличения изображения.

Рядом с витриной почти всегда останавливались любопытные прохожие и во все глаза глядели на мерцающее черно-белое изображение. На картинке отсутствовала нормальная резкость, да и само оно, несмотря на линзу, оставалось маленьким, неудобным. Тем не менее в те дни, когда велись футбольные репортажи, у мастерской собирались болельщики со всего квартала и с удовольствием следили за трансляцией с московских стадионов.

Матч между «Динамо» и «Торпедо» смотрела большая толпа зрителей, среди которых были мужчины, подростки и совсем мелкие пацаны. Присутствовал в первых рядах и младший брат Левы – Борис. Недавно ему исполнилось тринадцать лет; все свободное от школьных занятий время он гонял во дворе в футбол, отчаянно болел за «Динамо» и во многом старался походить на старшего брата.

Позади толпы задержался прохожий – пожилой сухощавый мужчина в шляпе. Понаблюдав за ходом игры, он поинтересовался:

– Какой счет?

– Два – ноль, – с гордостью ответил Борька. – «Динамо» ведет!

Голос Озерова из-за толстого витринного стекла был почти не

слышен. Но в редкие периоды затишья, когда зрители заканчивали бурное обсуждение игровых моментов, он все же проникал на улицу.

– …Яшин снова далеко выходит из пределов штрафной площади. Похоже, это становится фирменным стилем молодого динамовского вратаря – кроме него, так никто не играет в нашем чемпионате… – азартно комментировал Николай Николаевич. – Завладев мячом, Яшин тут же отправляет его точным броском Байкову. Тот низом посылает мяч Савдунину на правую половину поля. Савдунин проходит вдоль бровки, навешивает на Сальникова, но… передачу перехватывают торпедовцы. К сожалению, замечательная быстрая атака, начатая динамовским голкипером, не нашла своего завершения…

– Вот это я понимаю – вратарь! – с восхищением сказал кто-то из зрителей. И толкнул соседа в бок: – Ты видел, как он мастерски подстраховал защитников?!

– Конечно, видел. Здорово играет!

Борька не удержался:

– Между прочим, это мой брат!

– Чего?

– В воротах брат мой стоит!

– Хорош свистеть, – усмехнулся прохожий в шляпе. И надвинул Борису на глаза подаренную старшим братом старую кепку.

Поправив головной убор, Борис обиженно замолчал.

– …Отличный скоростной рейд Эдуарда Стрельцова по центру поля застает оборону динамовцев врасплох. Передача на Валентина Иванова… Он приближается к штрафной, смещается к центру и… Его сбивают почти у угла вратарской. Звучит свисток, матч остановлен. Это нарушение правил в пределах штрафной площади. И наказание за такое нарушение, разумеется, только одно – пенальти. Иванов тяжело поднимается. Арбитр встречи Виктор Архипов уверенно показывает на одиннадцатиметровую отметку.

Толпа зрителей у витринного окна напряженно затихла. А Борька, переживая за брата, и вовсе затаил дыхание…

* * *

После свистка судьи зрители на трибунах шумели: болельщики «Торпедо» радовались возможности сократить счет; динамовские, наоборот, возмущались и освистывали решение арбитра.

Тихо было только на скамейке запасных «Динамо». Пенальти – это всегда опасно и чревато голом. А счет всего лишь два – ноль. Не такое уж большое преимущество, чтобы уверовать в близкую победу. Как бы ее не упустить…

Забрав у судьи мяч, к одиннадцатиметровой отметке подошел сам пострадавший. Аккуратно установив мяч, он медленно отошел назад для разбега.

Стадион затих. И только подбежавший к бровке Якушин продолжал громко кричать:

– Лева, центр! Сместись в центр!..

К удивлению многих, Яшин стоял не по центру «рамки», а немного левее, оставив неприкрытой ее правую сторону. Трибуны в ожидании зрелища шумели, и Лев то ли не слышал криков тренера, то ли не хотел выполнять его указаний.

Разбежавшись, Иванов нанес прицельный удар в открытый угол и сразу же, не останавливаясь воздел руки к небу, празднуя гол. Но… гола не состоялось – Яшин в красивом прыжке намертво взял летевший мяч.

Валентин Иванов в растерянности остановился. Оглядываясь на партнеров по команде, он явно не понимал, как такое могло произойти. Ведь гол просто обязан был состояться!

Зато стоявший у бровки Якушин смеялся и аплодировал своему воспитаннику.

– Нет, ты видел?! – хлопнул он плечу молчавшему Станкевичу. – Он же не случайно сместился в сторону! Он специально оставил неприкрытым угол, предлагая Иванову пробить в него! Всех перехитрил! А ты говоришь – цирк!

– Повезло просто, – проворчал помощник. – А я все равно настаиваю: цирк…

* * *

На заводской радиостанции вовсю кипела работа. Редактор за столом у окна готовил текст для следующей передачи, корреспондент в углу комнаты щелкал по клавишам печатной машинки, «облагораживая» текст сочиненного репортажа, Лида сидела в соседнем студийном помещении перед микрофоном и читала новости:

– На Кузнецком металлургическом комбинате начато строительство нового современного блюминга. С его пуском производство проката на комбинате возрастет на шестьдесят процентов. Наблюдение за всеми циклами технологического процесса отныне будет производиться при помощи

телевизионных камер…

В студию неслышно вошла Валентина, на цыпочках приблизилась к подруге и осторожно положила перед ней листок с только что полученной новостью.

Лида кивнула и, закончив с производственными новостями, перешла к свежему тексту.

– К спортивным новостям, – произнесла она поставленным голосом. – Футболисты московского «Динамо» в упорной борьбе завоевали золотые медали чемпионата СССР…

Последний абзац новости был почему-то написан от руки.

Быстро пробежав по нему взглядом, Лида улыбнулась Валентине и, поправив микрофон, закончила:

– Наряду с заслуженными мастерами, огромный вклад в победу динамовцев внес и молодой перспективный голкипер Лев Яшин…

* * *

Передача закончилась. Попрощавшись с сотрудниками радиостанции и Лидой, Валентина легко сбежала по ступенькам лестницы в фойе и к проходной.

На крыльце у выхода ее, как всегда, ждал Лев. Только сегодня он почему-то был при параде – в новеньком ладно сидящем костюме и с огромным букетом цветов.

Подбежав, Валя чмокнула его в щеку.

– Извини, у нас сразу две сотрудницы ушли в декрет – приходится подменять.

Он понимающе кивнул – дескать, ничего страшного.

– Поздравляю с победой, – улыбнулась она. И указала пальчиком на букет: – От преданных поклонниц?

– Каких еще поклонниц? – не был настроен на шутки Яшин. – У тебя паспорт с собой?

– Да, а что? Мы куда-то едем?

– Узнаешь…

Держа девушку за руку, молодой человек подошел к краю тротуара и махнул рукой проезжавшему такси. Автомобиль с шашечками на дверцах подвернул вправо и остановился рядом.

– Куда путь держим? – крикнул из салона таксист.

– В ЗАГС на Ленинградской, – склонившись к окошку, ответил Яшин.

– Прыгайте, голуби! Домчим за двадцать минут!

– Сейчас, минуточку…

Лева деловито распахнул заднюю дверцу, помог Валентине

устроиться на заднем сиденье и только после этого уселся с ней рядом.

– Поехали…

* * *

Спустя сорок минут, наскоро написав заявление, молодые люди стояли перед восседавшей за большим столом важной сотрудницей ЗАГСа. Это была дородная женщина средних лет – хмурая, нервная и вовсе не похожая на ту, которая должна устраивать счастье будущих молодых семей. На лацкане строгого женского пиджачка поблескивала маленькая брошь – единственный предмет, не укладывавшийся в созданный ею образ неприступной чиновницы.

Листая паспорт Яшина, женщина изредка поднимала настолько придирчиво-подозрительный взгляд, что ему становилось жутко неловко. Он волновался и нервничал, словно стоял перед судьей, пограничником или сотрудником таможни.

Вспомнив про букет, Лев спохватился и передал его Валентине.

Она держала избранника под руку. В отличие от него, ее ритуал в ЗАГСе явно забавлял.

– Первый раз брачуемся? – сурово спросила «таможенница», заканчивая изучение паспорта.

– Что значит «первый»? – пробурчал молодой человек. – Первый и последний.

Та переключилась на чтение заявления.

– Все так говорят… Невеста, вот здесь фамилию будущего мужа забыли поставить и подпись, – вернула она заполненный бланк.

Валентина приняла документ, нашла пустующую графу.

– А если я свою фамилию хочу оставить? – неуверенно произнесла она. – Нет, ну правда – мало ли что?..

Яшин изумленно посмотрел на нее, медленно повернулся и, громко хлопнув дверью, покинул кабинет…

* * *

Выйдя из здания ЗАГСа, он машинально повернул влево и побрел в сторону Миллионной улицы.

Спустя несколько секунд из той же парадной выскочила Валентина. Оглядевшись по сторонам, она увидела Льва и

бросилась за ним.

– Лев! Ну подожди, Лев!.. – попросила она, почти нагнав его. – Ты мне даже подумать не дал… Да еще фамилию заставляешь менять…

Он резко остановился, повернулся к ней. И, рубанув рукой воздух, громко воскликнул:

– Или Яшина, или не жена!

Девушка стояла в полном недоумении. Таким она его никогда не видела. Они встречались почти каждый день и довольно много времени проводили вместе. Лева всегда оставался спокойным, тихим и даже застенчивым. А тут вдруг такое…

Пока она подбирала слова, пытаясь объяснить свои сомнения, он повернулся и быстро пошел прочь…

* * *

Яшин широко вышагивал по одной стороне улицы, Валентина спешила за ним по другой, опасаясь подходить ближе. Так и шли в сторону Миллионной.

На ходу он выдернул из кармана пачку сигарет. Вынув одну, полез в карман за спичками… В коробке оказалась всего одна. Трясущимися пальцами он достал ее, чиркнул. Спичка сломалась и тут же погасла. Лева раздраженно отбросил пустой коробок, остановился и закрутил головой в поисках курящих прохожих…

Навстречу шел солидный мужчина в сером плаще; в руках он держал тлевшую папиросу.

– Разрешите? – шагнул к нему молодой человек.

Сбавив шаг, прохожий подул на огонек своей папиросы.

– Да, пожалуйста…

Пока Яшин раскуривал сигарету и жадно затягивался дымком, незнакомый мужчина с явным интересом присматривался к нему.

– Спасибо, – кивнул Лева, намереваясь продолжить путь.

В это время рядом проходила молодая пара. Узнав вратаря, парень склонил голову к спутнице и зашептал:

– Посмотри, это же Яшин из «Динамо»!

Узнал его и прохожий в плаще.

– Постойте, вы ведь Яшин? – радостно воскликнул он.

– Ну, Яшин.

– Футболист?

– Я не футболист. Я – вратарь… – бросил тот недокуренную сигарету и зашагал дальше.

* * *

– Лев, ну чего ты нос повесил? Подумаешь, трагедия – с девушкой поссорился! Все ссорятся. И у меня в Лидой не все гладко…

– Я не с девушкой поссорился, Володь.

– А с кем же?

– С невестой. А это несколько другое – понимаешь?..

Друзья сидели на лавочке в парке. По краю аллеи тянулась чугунная ограда, за которой рябила от легкого ветерка и отсвечивала блики солнца поверхность паркового пруда. Шабров держал в руках свернутый трубочкой спортивный еженедельник, Яшин курил сигарету.

– Так и у меня намерения серьезные, – возразил Владимир. – Хочу через пару недель сделать Лидии предложение.

Известие не успокоило вратаря, а, напротив, расстроило. Выходит, у Лиды в личной жизни все налаживалось, а у ее подруги Валентины началась черная полоса.

– Поздравляю, – вздохнул Лева.

– Рано еще поздравлять. Если согласится, тогда…

– Согласится. Парень ты видный, положительный. Кстати, ты уверен, что она возьмет твою фамилию?

Вопрос застал врасплох.

– Не знаю, – пожал плечами Шабров. – Мы пока не говорили об этом…

– Так поговори. Я вот напрасно не обсудил с Валей заранее. Да и вообще…

– Что вообще?

– Может, зря я так, а?.. Поймал у редакции, без предупреждения поволок в ЗАГС… Огорошил ее, одним словом.

Мимо медленно прошла молодая красивая женщина с коляской, в которой спал годовалый ребенок. Парни проводили ее взглядами.

Резко выдохнув, Владимир вдруг хлопнул по коленке друга журналом.

– Думаю, тебе надо встретиться с Валей. Встретиться, поговорить и помириться.

– Встретиться? – неуверенно повторил Яшин.

– Да. А что в этом такого? Скорее всего, она действительно не была готова к такому повороту. Вот и растерялась в ЗАГСе, а ты рубанул сплеча. Она наверняка уже жалеет, что все так нескладно получилось.

– Не знаю… Надо подумать… Возможно, ты и прав. Но только не сегодня. И не завтра.

– Почему?

– Я пока тоже не готов.

– Ну, как знаешь…

* * *

На малой арене стадиона «Динамо» проходила очередная тренировка основного состава футбольной команды. Вратари тренировались отдельно от полевых игроков, выполняя упражнения в паре: Яшин отжимался от газона, второй вратарь – Володя Беляев – поддерживал на весу его ноги.

– Лев, там какая-то девушка на трибуне все время смотрит в нашу сторону, – негромко оповестил Беляев и кивнул в сторону одного из секторов.

Яшин бросил туда взгляд. Узнав в сидящей девушке Валентину, он принялся с еще большим ожесточением отжиматься.

Неподалеку от вратарей занималась другая пара: Шабров с Царевым.

– Симпатичная девушка, между прочим, – нарочито громко сказал один из них. – Где-то я ее раньше видел.

– И что? – с вызовом спросил Лева.

– Да так, ничего… – подмигнул одноклубник.

А Шабров негромко подбодрил:

– Отличный момент, Лев, чтоб исправить все ошибки.

В этот момент Яшин оглянулся по сторонам и понял, что внимание всех собравшихся на поле футболистов приковано к Валентине.

Послышался резкий свисток.

– Хорош по сторонам глазеть! – крикнул Якушин. – Работаем, парни! Работаем!

Но где там! Парни то и дело отвлекались от тренировки, посматривая на трибуны, посмеиваясь и отпуская шуточки.

Старший тренер вздохнул:

– Нет, так дело не пойдет. Яшин!

– Да, Михаил Иосифович!

– Я так понимаю, это тебе с трибуны машут?

– Мне, – понурив голову, ответил вратарь.

– Так пойди и успокой свою знакомую!

Под смешки товарищей Лева направился к трибунам. Возле бровки он подхватил свободный футбольный мяч, сунул его под мышку и, стараясь не смотреть на Валентину, стал подниматься по ступенькам меж двух соседних секторов.

Прохаживаясь позади Якушина, второй тренер Станкевич язвительно заметил:

– Чего пришла?.. Шнурки, что ли, на его бутсах забыла погладить?

– Ну, зачем ты так? А вдруг у них все серьезно? – не оборачиваясь, предположил Михаил Иосифович.

– Серьезно, это когда заявление в ЗАГС и свадьба. А так… кадриль какая-то.

– Иван, ну хватит тебе уже бухтеть? – раздраженно махнул рукой Якушин. И передразнил помощника: – Бу-бу-бу, бу-бу-бу!..

Меж тем Лев, поднявшись по ступеням до нужного ряда, подошел к Валентине.

– Здравствуй, – кивнул он.

– Дай-ка мяч, – вместо приветствия задорно сказала она.

Молодой человек молча отдал мяч и удивленно глядел, как она одной рукой удерживает его, а другой роется в дамской сумочке…

Наконец, она достала перьевую ручку, сняла с нее колпачок, что-то написала на кожаном боку мяча и вернула его Льву. Тот прочитал выведенное аккуратным девичьим почерком: «Согласна. Яшина В.»

Расплывшись в улыбке, он поднял счастливый взгляд на Валентину…

* * *

Над Москвой вторые сутки неслись низкие серые облака; постоянно шел снег, и дворники, не прекращая работы, едва справлялись со стихией.

Вечерело. Детвора радостно играла в снежки, кто-то из прохожих тащил домой купленную на еловом базаре елку.

По узкому московскому переулку торопливо шел Левин друг детства – Мишка Галунов. Зажав под мышкой коробку с подарком, он через каждые полсотни шагов машинально оголял запястье левой руки и посматривал на часы. Время поджимало. До начала торжества оставались считаные минуты…

К зиме 1954 года Лев Яшин получил долгожданную комнату в общежитии на Маяковской. В те нелегкие послевоенные годы это было непростым делом – обрести хоть и неказистый, зато свой отдельный угол.

У окна в конце длинного коридора, пронизавшего от начала до конца весь этаж общежития, стояли Лев с Валентиной. Он был одет в новенький костюм, она – в самое лучшее платье. Яшин

положил руку на ее плечо; перед молодыми супругами крутилась Лида с фотоаппаратом, выбирая наиболее удачный ракурс для снимков.

– Так… давайте еще раз, – щелкнув в очередной раз затвором, скомандовала она. – Теперь горячий поцелуй любящих друг друга людей.

Лева осторожно прижал к себе Валю. Она запрокинула голову, а он потянулся к ее губам…

– Стоп! – недовольно взмахнула рукой Лида. – Ну кто так целуется?! Опозоритесь же! Валюша, давай-ка я покажу.

Та отстранилась от молодого человека и недовольно посмотрела на подругу.

– Спасибо, не надо. Мы как-нибудь сами справимся.

В этот момент дверь комнаты четы Яшиных шумно распахнулась.

– Лида! – воскликнул выглянувший в коридор Шабров. – Ну сколько можно ждать, в самом деле?! Чего вы тут застряли?

– Танцы репетируем, – отшутилась Валентина.

– А почему без меня?

С лестничной площадки в коридор ввалился запыхавшийся Галунов.

– Я успел?.. Не опоздал?.. – спросил он, отряхивая с пальто мокрый снег.

– Не, Миш, в самый раз, – успокоил Яшин. – Проходи.

– Тогда разрешите поздравить, – протянул тот коробку. – С общежитием, так сказать вашу молодую семью!

– Чего ж в коридоре-то? За столом поздравишь. Пошли, товарищи, – пора усаживаться за стол…

* * *

В центре небольшой комнаты стоял накрытый стол, вокруг которого сидела шумная и дружная компания. Подруги Валентины – Лида и Нила. Друзья Льва – Миша Галунов и Володя Шабров. Игроки «Динамо» – Сальников, Царев, Федосов, Крижевский, Кесарев, Кузнецов. Некоторые из футболистов привели своих девушек.

На стоявшем посередине длинной стены комоде красовался тот самый фарфоровый сервиз из множества предметов, некогда понравившийся Яшину. Он исполнил свою мечту и купил его сразу же, как только получил от Вали согласие стать его супругой.

Отгремел салют вылетающих из бутылок с шампанским

пробок. Бокалы были наполнены прозрачным игристым вином.

Слово решил взять тамада праздника – Шабров. Встав, он постучал кончиком вилки по бокалу и произнес:

– Дорогая Валя!

Однако разговоры и шум за импровизированным столом не прекратились.

– Товарищи спо-о-ортсмены и просто сочувствующие! – рявкнул Галунов. – Дайте сказать тамаде!

За столом стало тихо.

Поблагодарив за помощь, Шабров начал сначала:

– Дорогая Валя! Спасибо тебе огромное!

– Мне-то за что? – оглядев присутствующих, смутилась девушка.

– Как за что?! За то, что помогла нам взрастить такого замечательного спортсмена и удивительного вратаря! За то, что так долго и упорно не выходила за нашего Льва! Благодаря этому он все свои молодые годы отдавал футболу и стал отличным голкипером – буквально народным достоянием! И сегодня это достояние мы с гордостью вручаем, Валя, в твои нежные и заботливые руки!

– Спасибо, конечно, – иронично ответила девушка. – Постараюсь оправдать ваше доверие, товарищи, и не уронить честь советского спорта.

Концовка ее фразы потонула в дружном хохоте.

– Да ладно вам – «достояние»! – отмахнулся Яшин и встал с бокалом в руке.

Галунов тотчас отреагировал:

– Вот что ты, Валентина, с ним сделала? Раньше из него слова нельзя было вытянуть. А сейчас?! Даже тост вместо тамады собрался произнести!

Лева покашлял в кулак, призывая гостей к тишине.

– Позвольте мне и вправду произнести другой тост, – сказал он.

– Давай!

– Слушаем! – смилостивились гости.

– Давайте лучше выпьем за наш коллектив, за нашу команду. Ведь если бы не футбол, я бы никогда не встретил Валю. И не подружился бы с такими замечательными людьми. За наше «Динамо», ребята!

Тост всем пришелся по душе. Послышался звон бокалов.

Трофимов выпил до дна первым и крикнул:

– Горько!

– Горько!! Горько!! – подхватили остальные.

Яшин обнял Валентину. Их губы слились в поцелуе…

Гости дружно считали:

– Раз, два, три, четыре, пять…

Обстановка за столом стала непринужденной и теплой. Впрочем, по-другому и не могло быть, ведь все собравшиеся в этой небольшой комнате давно друг друга знали.

Праздник продолжался…

Глава шестая

СССР, Москва – Австралия, Мельбурн
Бразилия, Рио-де-Жанейро
1955–1956 годы

– …Ты ни разу не была на матче с участием «Динамо»? – В вопросе Валентины прозвучало искреннее удивление.

– Ни разу, – спокойно ответила Лида. – А что в этом такого? Володька ведь тоже никогда не приходил ко мне в редакцию радиостанции.

– Да помилуй! Они после тренировок и календарных игр еле ноги волочат. Им бы до дома добраться да отдохнуть…

Отработав свою смену в редакции, подруги шли на рынок за продуктами. После рынка им предстояло разъехаться на общественном транспорте в разных направлениях.

– А я посмотрела несколько игр, – с гордостью сказала Валя. И со вздохом добавила: – И даже на тренировке побывала.

– Ну и как впечатление?

– Знаешь, матчи на переполненных стадионах мне понравились больше. Есть в них что-то от театрального представления: торжественность, большое скопление народа, зрелищность. А вот наблюдать за тренировкой больше не пойду.

– Почему?

Супруга Яшина поморщилась:

– Иногда они выполняют такие упражнения, от которых мороз по коже. К примеру, «обстреливают» Леву мячом и с дальних, и со средних дистанций. А некоторые удары он принимает на себя буквально в упор. Представляешь, каково мне было с трибуны на это смотреть?..

– Представляю. Мой Володька тоже постоянно с синяками и ссадинами возвращается. И на боли в коленных суставах стал жаловаться. Вот зачем они себе такую профессию выбрали?

– Чего уж об этом теперь говорить-то? – улыбнулась Валя. – Футбол для Левы – дело всей жизни. Он бредит им и ни на что другое не променяет…

Добравшись до небольшого базарчика, устроенного на пустыре под деревянными навесами, молодые женщины неспешно направились по торговым рядам. Обе намеревались купить свежих овощей и фруктов.

– Квартиру-то отдельную не обещают? – поглядывая на ценники, интересовалась Лида.

– Поставили в очередь. Лева говорит, что года два-три придется ждать.

– У нас такая же история. Хотя я думала – быстрее получится перебраться из коммуналки.

– Это заслужить надо, заработать.

– А они разве не заслужили? В прошлом году чемпионами СССР стали, в этом на первом месте идут!..

Закупив нужные продукты, подруги покинули рынок, дошли до трамвайных путей.

– Я все-таки попробую убедить Володьку найти работу поспокойнее, – сказала Лида, поглядывая в сторону ближайшего перекрестка. – Хорошо еще, что он в сборную редко привлекается.

Валентина промолчала.

Ее супруг, напротив, в последнее время выступал за сборную команду СССР едва ли не в каждой игре. Сначала он неплохо сыграл в товарищеском матче со сборной Германии, носившей на тот момент титул чемпиона мира. Встреча получилась и зрелищной, и напряженной, и драматичной. В какие-то моменты, Лев спасал положение, а в какие-то ошибался и пропускал. И все же наши на силе характера одержали важную победу.

Потом последовали неудачные товарищеские матчи в Италии с «Фиорентиной» и «Миланом». А следом случилась поездка в Венгрию – в страну, с которой отношения Советского Союза становились все хуже и хуже. Венгерское политическое руководство вознамерилось развернуть страну лицом к капитализму. В общем, ссорились политики, а доставалось, как всегда, рядовым гражданам. Попросту говоря – невиновным. И в данном случае им стал молодой Валин супруг. Венгерские футболисты играли чрезвычайно грубо, но судья из Великобритании смотрел на это сквозь пальцы. В результате Лева лишь чудом избежал в этом матче тяжелых травм, хотя в одном из перехватов получил сильнейший удар по голове и на короткое время потерял сознание.

Из-за угла вывернул трамвай с нужным номером.

– Ладно, подруга, давай прощаться, – кивнула Валя.

– До завтра, – ответила та. И добавила вслед: – Не опаздывай – твой материал пойдет в эфир первым!

Отыскав в наполненном пассажирами вагоне местечко у окна, Валентина ухватилась за поручень. Трамвай весело побежал по рельсам в сторону ее дома, а она размышляла над последними словами Лиды. «А может быть, и мне поговорить с Левой по поводу смены профессии? Понимаю, что шансов убедить его мало, но… – скользил ее взор по зданиям, магазинным вывескам и прохожим. – Он же сам жаловался на головные боли по возвращении из Венгрии. А гематома после того жуткого удара прошла лишь через месяц…»

* * *

Поговорить с ним по этому поводу не получилось. Вскоре он вернулся с командой из Минска, где блестяще отстоял в воротах весь матч. Далее безошибочно отработал в московских играх с киевлянами и торпедовцами и пребывал на седьмом небе от счастья. Наконец-то у него стало получаться! Поэтому любые намеки на поиск другой работы он отмел бы и не стал слушать.

1955 год вообще складывался для него неплохо. Начал его Лев в составе «Динамо» с побед над сложными соперниками, причем все перемещения молодого вратаря по штрафной и выходы на перехват уже никто не называл «цирком», ведь они стали его фирменным стилем, к которому зрители и тренерский состав понемногу привыкли. Более того, данная тактика обороны ворот и помощи последней защитной линии себя полностью оправдала – динамовцы пропускали значительно меньше голов, чем их конкуренты.

Случались, правда, не слишком удачные матчи за сборную, но в основном и главная команда страны побеждала.

Выиграв в последнем туре в гостях у «Шахтера», футболисты московского «Динамо» в седьмой раз стали чемпионами страны, опередив «Спартак» лишь на одно очко. Вся команда решила отпраздновать успех.

По соседству со стадионом располагался отель «Советский», на первом этаже которого зазывал неоновой вывеской знаменитый ресторан – любимейшее место всех футболистов. Лева не любил ходить по ресторанам, но если игроки «Динамо» или сборной решали что-то отметить в полном составе, то деваться было некуда – шел туда вместе со всеми.

В этот день команда арендовала небольшой банкетный зал.

Лева, как всегда, уселся рядом с Володей Шабровым в компании других молодых игроков; «старички» – Ильин, Крижевский, Царев, Савдунин, Родионов – устроились поближе к тренерскому составу. Официанты быстро разнесли холодную закуску.

Наполнив рюмку, Якушин поднялся и сказал:

– Хочу поздравить всех с удачным завершением сезона. Немного нам не хватило, чтоб помимо золотых медалей чемпионата завоевать и Кубок страны, однако не будем жадничать и расстраиваться – не взяли в этом году, так возьмем в следующем. Коллектив у нас подобрался мастеровитый, дружный. Это доказал как чемпионат, так и зарубежные поездки…

Поговорить Михаил Иосифович любил. Умел настроить ребят на игру, подбодрить в перерывах между таймами. Умел и

«толкнуть» речь за столом.

– …Особо хотел бы отметить наших бомбардиров, – продолжал он. – Владимир Ильин, забивший в ворота соперников тринадцать мячей, Генрих Федосов – одиннадцать. И наконец Алекпер Мамедов, оформивший в ворота миланского «Интера» покер, а в чемпионате и Кубке наколотивший восемь голов…

Сидевший рядом Шабров толкнул Яшина в бок и радостно шепнул:

– А ты хотел променять такую команду на хоккей!

– Ну так не променял же, – отшутился Лев.

– В следующем году начинается подготовка к Олимпийским играм. Слышал?

– Конечно.

– Вот бы попасть в сборную. Тебя-то точно возьмут. А по моей кандидатуре – одни вопросы.

– Ты лучший правый нападающий в стране – как же не возьмут? Тем более два матча в этом году за сборную отыграл, два гола забил.

– Э-э… – отмахнулся Володька. – То был товарищеский матч с Индией. А в Мельбурне будет совсем другой футбол…

– …Ну и в заключение не могу не отметить нашу талантливую молодежь: нападающего Владимира Шаброва, забившего четыре мяча, и вратаря Льва Яшина, – завершал тост Якушин. Взоры присутствующих обратились к двум друзьям, которые тотчас примолкли. – Лев отстоял в этом сезоне двадцать два матча в чемпионате и четыре в Кубке. В общей сложности провел двадцать шесть игр, а пропустил всего девятнадцать мячей. Каков показатель, а?! Молодцы, ребята! За всех вас!

* * *

Спустя несколько месяцев хмурым ноябрьским днем сборная Советского Союза по футболу улетала в Мельбурн. Валентина была беременна, чувствовала себя неважно и проводить мужа до аэропорта не смогла. Зато приехал друг Володька Шабров. В олимпийскую сборную он не попал, хотя и надеялся до последнего момента.

– Не расстраивайся, – утешал его Лева. – У тебя такой возраст, что все грандиозные события еще впереди – за горизонтом.

– Вот именно – за горизонтом, – вздыхал тот. – То ли появятся, то ли нет. А ты уже в их гуще…

На самом деле он был горд за своего друга. Если по

большинству кандидатов в сборную у руководства имелись сомнения – их тасовали и меняли до последнего момента, то вопрос с тем, кто будет защищать ворота, был решен моментально и бесповоротно.

– Ты уж там постарайся, – сказал Шабров. – Мы тут все за тебя болеть будем.

– Это само собой…

Обняв на прощание Володьку, Яшин подхватил чемодан и направился к стойке регистрации. На перроне сборную ожидал новенький «Ту-104». Лететь в Мельбурн предстояло долго и с двумя промежуточными посадками: в Ташкенте и Бирме.

* * *

– Все облазили, Гавриил Дмитриевич.

– Ничего подозрительного не нашли?

– Ничего. Абсолютно чисто.

– Тогда рассаживайтесь и начнем…

Игроки сборной СССР собрались в небольшом холле гостиницы.

К этому времени мир уже погрузился в холодную войну, и старший тренер Качалин опасался того, что тема серьезной беседы с командой, а также план на следующую игру могут с помощью западных спецслужб просочиться в стан противника. Поэтому перед началом разговора он попросил ребят проверить мебель и предметы интерьера на предмет наличия «жучков». Но, к счастью, ничего подобного не обнаружилось.

– Товарищи, я предупреждал вас о том, что на Олимпийских играх слабых соперников не бывает, – приступил Гавриил Дмитриевич к разбору предыдущей игры. – Скажите, как такое могло произойти? Мы разнесли в двух матчах отбора Израиль с общим счетом 7:1. За несколько дней до начала Игр в товарищеском матче разгромили австралийцев 15:1. В одной восьмой сумели обыграть сильнейшую команду Германии. А на Индонезии, в которой о футболе узнали позавчера, вдруг забуксовали. Как?

Обращенный ко всем вопрос повис в воздухе. Ответа на него никто не знал. После некоторой паузы лишь капитан команды Игорь Нетто попытался оправдать нулевой ничейный результат:

– А как прорвать такую оборону, Гавриил Дмитриевич, если они играют по схеме 8–1-1? Восемь человек в защите, не считая вратаря!

– И тем не менее, Игорь, у тебя был хороший шанс забить, но

ты его не использовал, – парировал тот. – И у Бори Татушина был. А за несколько минут до финального свистка мог отличиться Миша Огоньков. Нельзя так расточительно относиться к моментам, когда соперник стеной стоит у своих ворот…

Яшин сидел в дальнем углу и молчал. Вид у него был мрачный.

Прошедший матч с Индонезией он вспоминал, как страшный сон. Почти все девяносто минут игры ему пришлось простоять в одиночестве возле своих ворот, не прикасаясь к мячу. А в конце он едва сумел спасти команду, когда юркий индонезийский форвард Дану ворвался в нашу штрафную и нанес опаснейший удар.

«Будь этот похожий на пацана индонезиец более мастеровитым – не сидели бы мы тут, а чемоданчики бы паковали перед отплытием на родину, – размышлял он под споры о том, как необходимо построить повторный матч. – Вот позорище-то случится, если не пройдем Индонезию! А как ее пройти, если они буквально кидаются в ноги владеющему мячом сопернику?..»

– А я предлагаю чаще использовать удары с дальней дистанции, – громко высказался сидящий рядом с Яшиным Алексей Парамонов.

– С дальней? – задумчиво переспросил Качалин.

– А что еще делать, если соперник не позволяет бить из пределов штрафной?!

– Это один из вариантов. Что ж, давайте подводить итоги. Предлагаю слегка изменить состав команды с тем, чтобы дать отдохнуть некоторым ведущим игрокам, включая нашего основного вратаря.

Яшин встрепенулся.

– Да-да, Лев, отдохни перед полуфиналом, – повторил наставник. – Индонезийцев в повторном матче мы одолеем – я в этом нисколько не сомневаюсь. А в полуфинале в любом случае нас будет ждать соперник посерьезней…

* * *

Лева отлично отдохнул перед полуфиналом, пропустив повторный матч с Индонезией. Качалин оказался прав – со второй попытки крепкая индонезийская оборона лопнула, как переспевший орех. Только в первом тайме в их ворота влетело три безответных мяча, во втором Сальников закатил и четвертый.

В полуфинале вышли на Болгарию. За пару дней до матча Гавриил Дмитриевич снова собрал команду в холле и предложил

свой план на игру.

– Футболисты Болгарии не относятся к мировым грандам, однако ж, как мы все понимаем, они на две головы выше индонезийцев, – размышлял он вслух, прохаживаясь вдоль дальней стены. – Легким матч не получится, поэтому состав на игру – самый боевой…

Последняя фраза Качалина еще раз подтвердила его намерение поставить защищать ворота в полуфинальном матче Яшина.

После первого матча с Индонезией Лева был сильно расстроен. Повторный матч он смотрел со скамейки запасных и переживал за его исход с другими игроками, коим старший тренер сборной дал возможность перевести дух. Слава богу, уже на семнадцатой минуте Серега Сальников из трудного положения забил головой первый гол, а на девятнадцатой Валентин Иванов удвоил результат. Нервишки понемногу успокоились.

– Значит, играем, – прошептал сидевший рядом Леша Парамонов. Он тоже пропустил последний матч и горел желанием выйти на поле.

– Играем, – улыбнулся вратарь.

– …Матч будет тяжелым, – продолжал Гавриил Дмитриевич. Мы всегда играем с болгарами тяжело – неудобный для нас соперник. Теперь перейдем к конкретике. План игры предлагаю следующий…

* * *

– Коля, активней! Не отпускай Найденова! – покрикивал Яшин правому защитнику Тищенко.

Но тот почему-то не обращал внимания на вратаря и держался за плечо. Только что в борьбе с нападающим за мяч он на скорости упал на газон. Встав, морщился от боли и выключился из игры. А болгары и не думали останавливаться – напирали и напирали на наши ворота.

– Что с тобой? – улучив пяток секунд, подбежал к товарищу Лева.

– Ключица, – простонал тот.

– Ушиб или сломал?

– Не знаю. Боль адская…

– Доиграть сможешь?

– Постараюсь…

Яшин обернулся к скамейке запасных и жестом показал, что нужна медицинская помощь. Судья дал свисток, остановив

встречу. К травмированному игроку устремился врач команды, его ассистент и Гавриил Качалин.

Сорок тысяч зрителей двухъярусного стадиона «Мейн Стадиум» на время паузы притихли.

Осмотрев и ощупав поврежденную ключицу, доктор мрачно заключил:

– Перелом.

– Мать их!.. – процедил старший тренер.

Замены во время матча по регламенту не разрешались. Надо было как-то выходить из положения.

Наклонившись к сидящему на газоне игроку, Качалин спросил:

– Если сделаем обезболивающий и наложим тугую повязку, доиграешь?

– Доиграю, – стиснув зубы, кивнул Николай.

Спустя три минуты защитник поднялся и с примотанной к торсу рукой трусцой побежал на свою позицию. Судья дал свисток к продолжению матча, и второй тайм продолжился…

Беда, как известно, одна не приходит. Спустя несколько минут в жесткой борьбе с болгарским защитником травму колена получил Валентин Иванов.

И снова тот же вопрос от Качалина:

– До окончания основного времени дотянешь?

– Попробую, – кивнул нападающий, понимая, что вдесятером его товарищи могут и не сдержать рвавшихся вперед болгар.

До перерыва дотянули.

Покидая на короткий перерыв поле, Яшин бросил взгляд на табло. «Ноль – ноль». И тридцать минут дополнительного времени. Физической усталости Лева не чувствовал. Куда сильнее ощущалось нервное напряжение и боязнь допустить ошибку, которая может стать роковой.

– Парни, я понимаю, вы здорово устали. Да еще два травмированных, – негромко говорил Качалин собравшимся вокруг него футболистам. – Но мы должны продержаться эти два пятнадцатиминутных тайма. Не подпускайте их к нашим воротам, не позволяйте наносить прицельные удары. Если получится сохранить ничейный результат, то послезавтра выйдем на переигровку. А это уже будет совсем другая игра с обновленным составом. Но сегодня, ребятки, надо стиснуть зубы и потерпеть.

Ребятки все прекрасно понимали. И, когда помощник судьи попросил составы команд вернуться на поле, безропотно поднялись с бровки и пошли отдавать последние силы…

* * *

Футболисты болгарской сборной начали первый тайм дополнительного времени очень напористо и резко. Одна атака следовала за другой.

«Откуда у них столько сил? – удивлялся Лева, отслеживая перемещения нападающих и полузащитников. Он только что отвел угрозу от ворот, выбив кулаком мяч далеко от ворот, и вот его снова перехватили соперники. – Да, болгарам не пришлось играть повторный матч – в отличие от нас они сразу раздавили англичан с разгромным счетом 6:1. Но ведь и некоторым нашим ведущим игрокам Качалин дал отдохнуть. Почему же соперники выглядят свежее нас?..»

Ответить на этот вопрос или хотя бы предположить ответ он не успел – игроки в светлой форме организовали по центру быструю атаку. Нападающий Иван Колев получил отличный пас, чуть подработал мяч под ударную ногу и сильно послал его в сторону наших ворот.

Сам удар закрытый защитниками Яшин не видел, а потому немного запоздал с прыжком, и мяч влетел в сетку ворот.

– Твою мать, – тяжело поднявшись, пнул он его в поле и посмотрел на табло.

Прошло всего пять минут дополнительного времени, а счет уже был 0:1…

Теперь стало бессмысленно тянуть время в надежде на переигровку в полноценном составе. Следовало идти вперед и отыгрываться. И, собрав волю в кулак, наши парни пошли.

Остаток матча они играли вовсе не вдевятером. Играли все, включая травмированных. Валентин Иванов, ковыляя и прихрамывая на своем фланге, боролся до конца, и один из футболистов болгарской сборной вынужденно отвлекался, прикрывая его.

Тищенко и вовсе принял в игре полноценное участие. Плотно прижимая больную руку к телу, он умело маневрировал по полю, открывался, делал рывки, обводил и обманывал соперника.

На исходе сто одиннадцатой минуты матча Лева поймал летевший в ворота мяч.

– Игорь! – окликнул он капитана и отпасовал ему точно в ноги.

После короткого розыгрыша мяч оказался у Эдуарда Стрельцова, и тот точным ударом сравнял счет.

– Ну вот, пошло дело, – облегченно выдохнул Яшин. – Молодцы ребята…

А спустя всего четыре минуты Тищенко со своей сломанной ключицей получил мяч от защитника, мастерски прошел центр поля и отдал отличный пас Татушину, который забил победный

гол.

* * *

– К сожалению, в финале не смогут сыграть травмированные Валентин Иванов и Николай Тищенко. Хочу еще раз поблагодарить их за мужество и самоотверженную игру, – сказал за день до игры на установке Гавриил Качалин. – Также последнюю игру пропустят Парамонов, Стрельцов и Рыжкин. Но это уже продиктовано тактическими соображениями. Полуфинал выдался тяжелым, напряженным и продолжительным, поэтому ставку делаем на свежих спартаковцев: Симоняна, Исаева, Ильина…

Спустя три дня Игорь Нетто вывел на тот же стадион слегка обновленную советскую сборную. Яшин опять оказался в составе команды и был невероятно горд тем фактом, что тренерский состав доверяет ему защиту ворот в олимпийском финале.

– Ну что, Лев, готов костьми лечь в воротах? – пошутил, выходя на поле защитник Башашкин.

– А как же иначе, Толя? – ответил в том же духе голкипер. – Раз дошли до финала, надо бороться.

– Согласен…

Соперники были молоды, амбициозны, боевиты. Матч получился корректным и зрелищным. В его стартовом отрезке наши уступили инициативу, и Яшину с защитниками пришлось несколько раз выручать команду. Но вскоре советские футболисты выровняли игру и отодвинули ее от своих ворот. На перерыв обе команды уходили под аплодисменты ста тысяч болельщиков.

– Так, ребятушки, отыграли нормально, смогли перехватить инициативу и главное – не пропустили, – встретил в раздевалке игроков Качалин. – Садитесь…

Парни расселись по лавкам. Кто-то снимал бутсы, чтобы дать немного отдохнуть ногам, кто-то потянулся к бутылочкам с прохладной водой.

– Много не пейте, – предупредил врач команды. – Понимаю, у них сейчас лето и очень жарко, но лучше потерпеть, чем бегать с полными желудками.

Подождав, покуда подопечные утолят жажду, Гавриил Дмитриевич приступил к указаниям:

– Тактическую схему на второй тайм оставляем прежнюю, но с одним небольшим изменением…

Футболисты отдыхали, потягивали воду и слушали.

– Вы заметили, что у них проваливаются фланги защиты и полузащиты? – развивал мысль старший тренер. – Центр в полном порядке, а фланги за вами не поспевают.

– Есть такое дело, – подтвердил Игорь Нетто. – Не успевают они за нами.

– Совершенно верно. А теперь внимание: спартаковцы, ваш выход. Исаев Толя, ты должен затерзать югославского визави на своем фланге и сделать несколько своих фирменных навесов на штрафную соперников. Ну, а центральным нападающим быть наготове. Задача ясна?

– Ясно, – закивали футболисты московского «Спартака».

* * *

План Качалина на второй тайм не просто сработал. Он сработал почти моментально – всего через две минуты после возобновления игры.

Едва Лева освоился в воротах, постучав по штанге одной бутсой, затем второй, как Исаев получил от партнеров мяч, прорвался с ним вдоль правой бровки и мастерски исполнил навес на штрафную. Его тезке и товарищу по команде – Анатолию Ильину – осталось лишь замкнуть прекрасную передачу головой.

– Гол! – вскинул руки Яшин. – Молодцы, ребята! А теперь пусть они попробуют отыграться…

Югославы попытались спасти положение, однако и футболисты сборной СССР не оставались в долгу, отвечая острыми контратаками, начинал которые от своих ворот Лева.

Он не пропустил, с десяток раз перехватывая опасные передачи или забирая мяч в красивых прыжках. Финальный свисток судьи зафиксировал победу нашей сборной. Тяжелейшую и очень дорогую, позволившую советским спортсменам-футболистам впервые завоевать золотые медали Олимпийских игр.

Возвращение из Австралии на Родину получилось долгим. Сначала команда две недели прожила на борту корабля, плывшего к родным приморским берегам. Затем почти десять суток путешествия через всю страну по железной дороге…

* * *

По заснеженной равнине резво бежал скорый пассажирский поезд Владивосток – Москва. То тут, то там мелькали темные

пятна тайги, лесистые взгорки или редкие сибирские селения. На небе изредка проплывали облака, на время закрывая бледное зимнее солнце. Днем третьего дня путешествие протекало в районе Байкала – за окном красовались бескрайние бирюзовые льды великого озера, разбавленные «пенкой» снежных заносов.

Дав гудок, паровоз начал сбрасывать скорость, и вскоре состав остановился у невзрачного полустанка на краю небольшого населенного пункта.

В купе одного из вагонов столпились футболисты сборной СССР, у некоторых на груди блестели золотые олимпийские медали. На столике стояла шахматная доска, над ней в глубоком раздумье склонились Эдуард Стрельцов и Игорь Нетто. Рядом нависали болельщики – Иванов с Ильиным.

В разгар партии в наполовину сдвинутую дверь просунулась голова Симоняна.

– Ну, кто выигрывает? – громко спросил он.

– Никита, не ори! Льва разбудишь!

На верхней полке действительно сладко посапывал Яшин, обняв футбольный мяч. Он здорово устал после тяжелого графика олимпийского футбольного марафона и теперь его мало интересовали красоты за окном вагона или ход затеянной товарищами шахматной партии.

Симонян понимающе кивнул и тихо прокомментировал:

– Я смотрю, он даже во сне с мячом не расстается.

Нетто двинул вперед ферзя и с довольным видом откинулся назад:

– Мат, Эдуард.

– Нет, ну так нельзя! – в сердцах сплюнул тот. – Я же этого ферзя видел и контролировал! Как же я его прозевал?!

Симонян улыбнулся:

– Эдик, друг! Хочешь, я тебе свою медаль отдам?

– Не надо! Я еще молодой – свою заработаю.

Валентин Иванов выудил из спортивной сумки бутылку, откупорил ее и разлил по стаканам коньяк.

– Ну и ладно, – примирительно сказал он. – Когда заработаешь – тогда и поставишь. Давайте по чуть-чуть. За победу!

– По «чуть-чуть»?! – покосился на открытую дверь Нетто. – Качалин увидит – в два счета из сборной вылетим.

Ильин отмахнулся:

– Остынь, Игорь. Не увидит. Да и когда еще Олимпиаду выиграем?..

Все дружно подняли стаканы. Симонян предусмотрительно встал у двери и посматривал в коридор, чтоб компанию никто не

застукал.

– Поехали!..

Выпив по глотку коньяка, все закусили нарезанным лимоном.

Вдруг относительная тишина нарушилась громкими звуками – со стороны тамбура в вагон ворвались звуки игравшей гармони…

* * *

– Не пущу! – грудью загораживала проход раскрасневшаяся проводница. – Не велено! Куда прете? Куда?!

В тамбур вместе с клубами пара ввалилась компания в полушубках и шапках-ушанках. Один из мужиков играл на гармони, второй держал в руках ведро, из которого торчали бутылки водки и шампанского. Остальные мужики напирали на проводницу, требуя срочного свидания с героями-футболистами.

– Да брось ты, мать! – уговаривал ее предводитель. – Мы же не погреться зашли! Мы же к нашим футболистам!

– Мы же тут все болели за них, переживали!

– Поздравить только пришли!

– От всей души! – поддерживали его друзья-товарищи. – Пару слов, и сразу освободим твой вагон!..

Перепалка в тамбуре происходила на глазах высыпавших в длинный коридорный вагон футболистов. На шум из своего купе вышел заспанный Гавриил Качалин, за ним подтянулись остальные представители тренерского штаба.

Поняв, в чем суть, Гавриил Дмитриевич пришел на помощь проводнице.

– Не пускать! – строгим голосом сказал он. – Мы же вас просили!

– Товарищ Качалин! – узнал его предводитель шумной компании.

Но его друзья не дали договорить, громко скандируя позади:

– Да здравствуют наши славные футболисты! Ура!!

Старший тренер с проводницей аккуратно оттеснили их в тамбур.

– Нельзя, товарищи, нельзя!

Молодые мужчины стали сдавать позиции, но внезапно уперлись в твердо стоящего за их спинами дедка, незаметно поднявшегося по ступенькам в тамбур. Старый тулуп, полинялая шапка, валенки; в руках завернутая в промасленную бумагу большая рыбина, по виду похожая на омуля.

– Сынок, – оправив пышную седую бороду, обратился он к

Гавриилу Дмитриевичу, который и впрямь годился ему в сыновья. – Я ж тридцать верст по зимнику протопал. Христом-Богом… мне бы Яшина повидать. Я вот и подарок ему принес…

– Отдыхает Яшин, понимаешь, отец? – слегка смягчился Качалин. – Устал он после Олимпиады. Отработал на все сто и устал.

– Ну, что на все сто отработал, – это мы наслышаны. А как же это?.. – протянул дед гостинец.

– Хорошо, отец, – принял Качалин рыбину, – это я ему передам…

Постояв еще с минуту, поезд тронулся. Полустанок с толпой мужиков и старым дедом стал медленно отдаляться.

Лев Яшин продолжал крепко спать на своей верхней полке. Внизу Нетто со Стрельцовым затеяли новую шахматную партию, а на крючке над яшинской полкой в такт движению вагона раскачивалась золотая олимпийская медаль…

Глава седьмая

Бразилия, Рио-де-Жанейро
1957 год

– Я же тебе говорил, помнишь?

– Не помню. Что ты мне говорил?

– Говорил, что у тебя все впереди! Что все главные события за горизонтом. Забыл?!

– Не, совсем не помню.

– Как же так?! – горячился Яшин. – Когда я улетал в Мельбурн, а ты провожал меня в аэропорту!

– Ну… сколько лет уж прошло…

– Да сколько прошло?! Год всего!

– Да, как провожал – помню. А что говорил про горизонты – нет.

Тут Яшин понял: друг явно дурачится.

– Ах ты чертяка! – сгреб он Шаброва в охапку. – Значит, с памятью плохо стало, да?

Смеясь, товарищ вырвался из цепких объятий друга.

– Помню-помню, Лев. Но так тот разговор про сборную был, а сейчас мы летим в Америку в составе «Динамо»…

Да, футболисты московского клуба большой группой шли на посадку в самолет «Аэрофлота», следовавший рейсом Москва – Прага. Оттуда скандинавская авиакомпания SAS должна была доставить команду в португальский Лиссабон. А далее наших футболистов ждал утомительный одиннадцатичасовой перелет в бразильский город Ресифи.

Яшин устроился в кресле у прохода, Шабров – возле окна. Ему нечасто доводилось бывать за границей, поэтому он беспрестанно ерзал и смотрел в иллюминатор.

– Лев, неужели тебе не интересно? – толкнул он в бок друга.

– А чего там смотреть? Сейчас войдем в облачность и до самой Праги за бортом будет белое марево.

– Сколько до нее лететь?

– Часа два…

– А до Лиссабона?

– Еще часа три.

– А в Португалии теплее, чем в Москве?

– Конечно. Все, отстань. Я спать…

Лева достал из кармана маленький кулек с пищевой содой, высыпал немного на ладонь и проглотил. Затем устроил затылок на подголовнике кресла и прикрыл глаза.

– Что, опять болит? – участливо спросил Володька.

– Немного. Это я так… для профилактики…

* * *

К концу пятидесятых Льва все чаще стали беспокоить боли в желудке – сказывалась голодная военная юность, холод ульяновских степей с ночевками под открытым небом, две-три смены у станка без перерыва. В моменты обострений его успешно подменял в матчах второй вратарь команды Владимир Беляев. Однако в самых важных играх он сам занимал место в «рамке», невзирая на состояние. Глотал горстями прописанные докторами снадобья, терпел боль, но на матч выходил.

На входе в залив Гуанабара – к югу от центра Рио-де-Жанейро – раскинулся четырехкилометровый пляж Копакабана, считавшийся кузницей молодых кадров бразильского футбола.

Тысячи отдыхающих, лежаки, зонтики; чернокожие лоточники, продающие экзотические деликатесы и разнообразные сувениры; местная босоногая детвора, с утра до вечера гоняющая на песке старый мяч. Жара и яркое жгучее солнце. Ведь пока в Северном полушарии правила бал зима, в Южном гостило лето.

При желании футболистов московского «Динамо» не пришлось бы долго разыскивать на территории этой громадной зоны отдыха. Тела бразильцев были покрыты ровным бронзовым загаром, тогда как москвичи выделялись специфичной «раскраской»: темные от загара ноги до колен, и руки – до локтей. Ну еще разве что шеи и лица. Остальные части тел поражали первозданной белизной.

Отыскав свободный участок на песке, тренерский состав решил провести легкую тренировку, и футболисты самостоятельно разминались у самой кромки прибоя. У Яшина с утра побаливал желудок, и он, надев на голову соломенную шляпу, устроился на лежаке. В руках у него колыхалась газета «O Globo» с фоторепортажем о только что прошедшем матче «Васко да Гама» – «Динамо».

По команде тренера разминка закончилась. Федосов – один из динамовских нападающих – направился к ватаге местных пацанов, чеканящих неподалеку мячик.

– Пойду, поболтаю с детворой, – кивнул он товарищам.

– Ага, покажи им класс, – бросил ему вслед Царев.

Остальные решили освежиться в океане и побежали к набегавшей волне. Настроение у всех было отличное. Еще бы не радоваться – игра с чемпионом штата «Васко да Гама» закончилась боевой ничьей.

К Яшину подошел Шабров и иронично спросил:

– Лев, докладывай, что пишут в местной прессе?

– Пишут, что они определенно бы выиграли, – серьезно ответил тот, – если бы за «Динамо» не играл футболист со странной фамилией.

– С какой еще странной фамилией? – раскрыв рот, замер товарищ.

– Шабров.

– Хватит заливать! – дошел до него смысл шутки.

– На, сам почитай. Здесь все ясно написано.

– Да ну тебя, Лев! Ты же сам ни в зуб ногой в этой писанине!..

Добродушно посмеявшись, Яшин отбросил газету и легкой трусцой побежал к купавшимся друзьям.

Тем временем в полусотне метрах Федосов перепасовывался с местными пацанами, демонстрировавшими весьма неплохую технику владения мячом.

– Федос! – крикнул ему Царев. – Не соглашайся играть с ними на деньги! А то домой без подарков вернемся!

– И без штанов, – добавил кто-то из футболистов.

Последняя фраза потонула во взрыве хохота…

* * *

После окончания перерыва Якушин возобновил тренировку и планировал закончить ее минут через тридцать, как вдруг на пляж примчался иностранный импресарио команды «Динамо» в сопровождении переводчика. Пришлось дать свисток и уделить ему время.

– Поверьте, этот матч Бразилия запомнит надолго! – отчаянно жестикулировал бразилец, а переводчик озвучивал каждую сказанную фразу. – То, что мы проиграли вам в Москве, – полбеды. Но ничья у себя дома на «Маракане», да еще в присутствии ста тысяч своих болельщиков… Это… Это… феноменально!

Якушин тоже был доволен результатом. Но, глянув в сторону отдыхавших подопечных, отвел бразильца чуть подальше и негромко сказал:

– Согласен: игра получилась зрелищной. Только я попрошу вас об одном одолжении.

– Да-да, пожалуйста.

– Придержите при ребятах свои восторги. Им еще играть в Уругвае и в Чили, а команды этих стран, как известно, – крепкие орешки.

Импресарио выслушал перевод и одобрительно закивал:

– Да-да, согласен! И прекрасно вас понимаю! Настрой команды – это очень важно. И серьезно!

– Значит, договорились?

– Договорились. И… пожалуйста, не забудьте – Яшин сегодня принимает участие в телевизионном шоу.

– А нельзя ли на шоу вместо Яшина отправить Беляева? – осторожно поинтересовался старший тренер. – Беляев тоже хороший вратарь.

– Вы с ума сошли! – всплеснул руками бразилец. – Только Яшин! Ведь его участие прописано в условиях договора! Или вы хотите нарушить условия договора и лишиться части прибыли от турне?

– Нет, конечно.

– Тогда ждем на шоу Яшина.

– Ну, хорошо-хорошо – будет вам Яшин…

Оживленный разговор прервал появившийся второй тренер Станкевич. За ним покорной тенью следовал местный абориген, тащивший полную тележку кокосовых орехов.

– Вот, Михал Иосич, достал! – гордо доложил помощник.

– Что это? – обернулся на груженую тележку Якушин.

– Как что?! Кокосы!

– Вижу, что не арбузы. Куда столько?

– Так я и не хотел столько, – виновато пробормотал Станкевич. – Подарок от местных болельщиков. Как узнали, что кокосы для игроков «Динамо», – все пальмы в округе оборвали…

Старший тренер сунул в рот два пальца и по-молодецки свистнул игрокам.

– Эй, ребята! Вам тут гостинцы привезли!

Вдоволь накупавшиеся футболисты возвращались на песчаный берег. Последним из воды неторопливо вышел Яшин…

* * *

Студия одного из центральных телевизионных каналов Бразилии была до отказа забита зрителями. Все они расположились на импровизированных трибунах, сооруженных на манер стадиона вокруг обширной съемочной площадки. В центре прямоугольной площадки стояли смонтированные в натуральную величину футбольные ворота. Да и в целом все здесь напоминало обстановку на стадионе.

Шло популярнейшее в южноамериканской стране шоу про футбол. В студии повсюду горели осветительные приборы,

помимо света добавляя и нещадной духоты. Гудящие кондиционеры плохо справлялись со своей задачей – температура в помещении была невыносимой. Одновременно работало несколько камер; перевозбужденные зрители то и дело вскакивали со своих мест и поддерживали коренастого парня, готовившегося пробить мячом по воротам, защищал которые одетый в спортивную форму Яшин.

– Итак, повторяю условия конкурса, – на высоких нотах тараторил ведущий с микрофоном. – Всего будет пробито три пенальти. Каждый участник, сумевший забить гол знаменитому вратарю московского «Динамо» и сборной СССР, чемпиону Олимпийских игр в Мельбурне Льву Яшину, получит в подарок очень внушительную сумму.

– Сколько именно? – нетерпеливо выкрикнул кто-то с «трибун».

– В сто раз больше, чем стоит ваш билет на это шоу.

По местным меркам это было действительно много.

По рядам прокатилась волна восторженных возгласов, после чего зрители начали в такт хлопать в ладоши, поддерживая своего соотечественника.

Волнуясь, тот кивал головой и медленно отходил назад для разбега…

Наконец он решился, подбежал к мячу и пробил в нижний угол ворот.

Совершив прыжок, Яшин намертво взял мяч. Огромный зал взорвался аплодисментами.

– Брависсимо, сеньор Яшин! – воскликнул ведущий. И, повернувшись к ревущей толпе, добавил: – Ему невозможно забить, если ты не Адемир. – Похлопав парня по плечу, успокоил: – А ты не расстраивайся – не забить Яшину также почетно. Пожмите друг другу руки. Фото на память… Так… Кто у нас следующий?..

Следующим кандидатом оказался поджарый молодой человек с крепкими ногами, явно увлекавшийся футболом. Подойдя к одиннадцатиметровой отметке, он уверенно установил мяч и сделал несколько шагов назад.

В студии установилась тишина. Грохнула частая барабанная дробь, добавившая моменту напряженности. Сосредоточенный Яшин встал в стойку и приготовился к прыжку.

После хлесткого удара мяч четко полетел в створ ворот впритирку со штангой. Но советский голкипер, угадав направление, сумел зацепить его кончиками пальцев, после чего тот изменил направление и после удара о штангу отскочил обратно в «поле».

Зрители вновь взорвались овациями, а огорченный молодой бразилец поплелся к трибунам.

– Штанга! Какое удивительное невезение! Сеньор Яшин как будто заколдовал мяч, и он ни в какую не хочет идти в ворота! – пытался перекричать шум ведущий. – Я огорчен не меньше твоего, парень! Но если бы ты пил кока-колу, то сумел бы забить – помяни мое слово!..

Стоявшая за воротами симпатичная переводчица переводила Яшину каждую фразу ведущего, дабы тот был в курсе происходящего в студии действа.

Вратарь пнул мяч к отметке и негромко проворчал:

– Ну и при чем здесь кока-кола?..

– Итак, третий удар! Яшин готов?

Тот кивнул.

– Прошу полной тишины! Решающий удар!

Последний бьющий по всем признакам был профессиональным футболистом: ни грамма лишнего веса, накачанные мышцы ног, уверенный взгляд и четкое умелое обращение с мячом. Вероятно, этого способного парня ведущий специально приберег для третьей попытки. Чтоб, так сказать, наверняка распечатать ворота.

Разбежавшись, бразильский футболист исполнил удар не на точность, а на силу. Мяч, пущенный пушечным ядром, просвистел мимо ворот, разбил пюпитр и отскочил к симфоническому оркестру, сидевшему чуть поодаль от зрителей.

Проводив его взглядом, Яшин резюмировал:

– А этот, похоже, перепил кока-колы…

Студия снова ликовала и бесновалась.

– Какой кошмар! Никому не удалось поразить ворота знаменитого Льва Яшина! Ну что ж, впервые на нашем шоу весь призовой фонд достается вратарю. Самый большой выигрыш за историю наших конкурсов – пятьдесят миллионов крузейро!

Услышав сумму выигрыша, зрители вскочили со своих мест; атмосфера в студии накалялась.

Сияя от радости, бразильская красавица перевела Яшину последние слова ведущего. В студию тотчас внесли кейс внушительных размеров. Приняв его, ведущий открыл крышку и продемонстрировал всем присутствующим, а также объективу основной телевизионной камеры содержимое – аккуратно сложенные пачки купюр.

– Синьор Яшин, это ваш приз – вы его честно заработали, – направился он к русскому вратарю. – Позвольте поинтересоваться, как вы им распорядитесь? Наверное, купите футбольный клуб?

Выслушав перевод вопроса, тот несколько секунд переминался с ноги на ногу. Оказавшись неготовым к подобной развязке, он ощущал себя крайне неловко.

Кашлянув в кулак, Лев наклонился к микрофону ведущего и спокойно выдал совершенно неожиданную фразу:

– Я бы хотел передать эти деньги нуждающимся детям Бразилии.

В студии наступила полная тишина – услышав перевод ответа, зрители потеряли дар речи. У большинства на лицах было изумление и вопрос: «Как можно настолько легко расстаться с такими огромными деньгами?!»

Первым пришел в себя ведущий:

– Вы хотите передать эти деньги детям?! Я не ослышался? Я вас правильно понял?

– Да. Весь призовой фонд. Это будет правильно. И по-человечески.

– Я не могу поверить! – воскликнул искренне удивленный бразильский ведущий. – Вот это поворот! Такого еще на нашем шоу не бывало! Вы могли бы за эти деньги купить половину Бразилии! Давайте так… Подумайте еще раз хорошенько.

– Чего думать-то?! – недовольно проговорил Яшин. – Я же сказал: деньги – нуждающимся детям.

– Ну что ж, – обернулся ведущий к зрителям, – давайте наградим победителя аплодисментами! Пусть сегодня хоть что-нибудь достанется нашему герою!

После этих слов зрители устроили советскому голкиперу настоящую овацию. А он стоял на сцене, скромно улыбался и прикладывал правую ладонь к сердцу, заверяя всех в искренности своего решения и разделяя всеобщую радость.

Дальнейшее тоже случилось в студии известного бразильского телеканала впервые – абсолютно все зрители сорвались со своих мест, спустились с макетов трибун и обступили плотным кольцом героя передачи в надежде получить от него памятный автограф…

Глава восьмая

Франция, Париж – СССР, Москва
1960 год

– Ты меня нормально слышишь?

– Да, Лев, нормально. Спасибо, что позвонил! – кричал в трубку Шабров. – Мы тут все за вас переживаем и болеем.

– Это хорошо. Слушай, до своих почему-то не могу дозвониться – никто трубку не берет.

– Твои сегодня в поликлинику пошли на прививку. Лида им помогает.

– А, понятно, – широко улыбнулся Яшин. – Ну, тогда порядок. Привет им от меня передай.

– Обязательно! Как вы там? Расскажи в двух словах.

Яшин был зачислен в сборную в качестве основного вратаря без каких-либо обсуждений и возражений. А Шабров снова остался «за бортом» и не попал на розыгрыш первого Кубка Европы.

– Ну как… Вот Чехословакию в полуфинале одолели без проблем.

– Да, я смотрел матч по телевизору. На «Велодроме», кажется, играли?

– Точно, на стадионе «Велодром».

– Лихо вы их разделали! Весь матч на таких скоростях – аж дух захватывало!

– Нам с отдыхом повезло – испанцы ведь отказались с нами встречаться по политическим соображениям, вот мы и прохлаждались вместо четвертьфинала.

– И про это читал – все газеты напечатали статьи об их демарше. Ты лучше про финал расскажи.

– Финал будет послезавтра в Париже на «Парк де Пренс». Ребята настроены по-боевому – все говорят только о победе.

– Югославы наверняка захотят взять реванш за проигрыш в финале в Мельбурне, – предположил Володька.

– Это само собой. Хотеть не запрещается, – усмехнулся в телефонную трубку Лев. – Как там погода в Москве, Володя?

– Отличная погода! Солнечно и жарко.

– О как. Завидую. А тут пасмурно второй день. Как бы дождь нам последнюю игру не испортил.

– Ничего. Мы все равно у телевизоров будем. А мысленно – рядом с вами. Как ни крути, а первый в истории Кубок Европы!..

Попрощавшись с другом, Яшин покинул переговорный пункт и направился на поиски магазина, в котором хотел купить

подарок для любимой супруги…

* * *

В отдельную квартиру из общежития семья Яшиных, как и семьи многих других игроков «Динамо», переехала лишь в 1957 году, когда родной клуб в третий раз завоевал золотые медали чемпионата СССР, а жизнь в стране понемногу наладилась.

В новой квартире Яшиных было уютно и светло. Особенно здесь стало хорошо после рождения второй дочери Ирины. Лев и ранее не имел привычки задерживаться после тренировок и матчей, а уж теперь и подавно торопился помочь Валентине, хлопотавшей по дому.

На самом видном месте просторного зала висел один из вымпелов, полученных Яшиным за победу «Динамо» во внутреннем чемпионате СССР. К вымпелу был прицеплен орден Трудового Красного Знамени, рядом с ним красовалась первая награда Льва – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Чуть ниже поблескивали медали чемпионатов 1957–1959 годов.

В углу зала работал телевизор, напротив на диване сидел Володька Шабров и с волнением всматривался в картинку черно-белого экрана.

– …Мы продолжаем наш репортаж с парижского стадиона «Парк де Пренс», где сегодня в финале Кубка Европы встречаются сборные команды Советского Союза и Югославии, – звучал за кадром торжественный голос Николая Озерова. – В точности повторяется финал Олимпиады в Мельбурне. Напомню: тогда нашим футболистам удалось одержать победу над Югославией…

Валентина в это время в другой комнате укладывала спать маленькую Ирину. Ее подруга Лида помогала молодой маме по хозяйству на кухне: мыла посуду и приборы, протирала стол…

Осторожно покинув спальню, Валя прикрыла за собой дверь и жестом попросила Шаброва сделать звук потише. Кивнув, тот подошел к телевизору, покрутил ручку громкости, да так и замер, вслушиваясь в голос комментатора.

– …Огромная заслуга в этом успехе принадлежит нашим выдающимся мастерам кожаного мяча: Никите Симоняну, Виктору Понедельнику, Игорю Нетто, Славе Метревели и, конечно же, голкиперу нашей сборной – Льву Яшину…

Услышав фамилию «Яшин», Шабров с Валентиной переглянулись; лица обоих озарила улыбка. Футболист остался в зале, а Валя отправилась на кухню…

– Ну что, заснула? – заканчивала вытирать полотенцем чистую посуда Лида.

– Да. Устала она. Прошлую ночь плохо спала, да и днем капризничала – как будто за отца переживала.

– Она его сколько раз видела-то? Все время на сборах да на тренировках.

– А что делать? Он без футбола не может.

– Не пойму я тебя, подруга, – присела на табурет Лидия. – Как ты без мужика-то? Вот мой хочет завершить карьеру в большом спорте.

– Разве? И чем же он намерен заниматься?

– Тренером пойдет в юношескую команду «Динамо». И будет, наконец, в нашей семье полный порядок.

– Какой порядок?

– Отработал с мальчишками на тренировке – и домой. От моей юбки, между прочим, ни на сантиметр не отходит!..

В этот момент в кухню забежал разгоряченный Шабров.

– Да вы что, охренели с тарелками возиться, когда там такое творится?! Финал! Финал Кубка Европы! Наши так здорово играют, а вы тут!..

– Тише, Володя! – шикнула на него Валя. – Иришку разбудишь!

Лида взяла Владимира под руку:

– Идем, котик. Без нас им все равно не выиграть…

* * *

С утра небо над Парижем было затянуто тучами, весь день моросил дождь. Аншлага на трибунах стадиона «Парк де Пренс» не случилось – посмотреть на финальный матч Кубка Европы пришли лишь двадцать тысяч зрителей. И на то были две веские причины: отвратительная погода и отсутствие в финале французской сборной. Хозяева в упорном поединке за третье место уступили сборной Чехословакии, а в заключительном и важнейшем матче турнира 10 июля 1960 года встретились футбольные команды СССР и Югославии.

Тяжелое мокрое поле на «Парк де Пренс» не давало возможности быстро перемещаться, менять направление движения, комбинировать и технично обрабатывать мяч. Борьба двух команд скорее походила на отдельные бои гладиаторов. И тяжелее всех в этих скоротечных схватках приходилось вратарям.

– Опять досталось? – участливо спросил защитник Гиви Чохели и подал Льву руку.

Держась за плечо, тот поднялся с газона. И, поморщившись, пояснил:

– Нет, сам ударился. Неудачно приземлился.

– Ты давай поаккуратнее. Не подпускай их к себе…

Через несколько минут основное время матча закончилось. На табло значился счет 1:1.

– После основного времени матча счет остается ничейный: один – один. – В голосе Озерова тоже чувствовались громадное напряжение и усталость. – Ужасное поле, грязная игра в прямом и переносном смысле, потому что английский арбитр Эллис позволяет действовать на грани фола. Никто не хочет уступать в этом принципиальном противостоянии. Всем нужна только победа!

В трех метрах от бровки поля на столике поблескивал в лучах мощных прожекторов Кубок Европы – массивная серебряная амфора с барельефом юноши, останавливающего бедром мяч. Дождь не прекращался, и по сверкающим бокам Кубка то и дело пробегали тонкие струйки воды…

До окончания небольшого перерыва между основным и дополнительным временем оставалось около пяти минут. Советские игроки сидели в раздевалке на лавках – мокрые, грязные и уставшие. Опершись локтями о колени, Яшин опустил голову. Он смотрел на образовавшуюся под бутсами лужу и слушал, как Качалин распекал молодого Маслёнкина.

– Как ты мог остановиться?! Игра продолжается, а он, видите ли, остановился, – энергично всплескивая руками, говорил наставник. – Ты что, услышал свисток?

– Так мяч за боковую линию выкатился, – оправдывался футболист. – Я думал, свисток обязательно будет…

– Думает пусть судья, а твое дело – Еркович! Чтобы после матча он, кроме твоей физиономии, больше ничего не мог вспомнить! Ясно тебе?

– Да, – виновато шмыгнул тот носом.

Сделав несколько шагов, тренер подошел к Яшину:

– Лев, не давай себя бить! Покажи им на хрен, кто хозяин в штрафной!

– Понял, Гавриил Дмитриевич, сделаем, – кивнул вратарь.

Качалин остановился в центре раздевалки, оглядел всех игроков, оценивая их состояние…

Вид их не внушал оптимизма: на лицах и в расслабленных позах было лишь одно – невыносимая усталость.

Но впереди ждали два дополнительных тайма с минутным перерывом, и требовалось настроить ребят на борьбу, отыскав какие-то веские точные слова.

– Ну, что носы повесили, ребята? – нарочито бодрым голосом произнес Качалин. – Разве они играют лучше вас? Нет! Или победа в этом турнире им нужна больше, чем вам? Снова нет!..

В раздевалке стало настолько тихо, слышно было лишь дыхание обессиленных игроков.

– Да мы и сами все понимаем – чего говорить-то? – отозвался из дальнего угла авторитетный Игорь Нетто.

– Тогда добудьте нам эту победу! – воскликнул тренер. – Чтоб страна гордилась вами во все времена! Чтоб… ваши имена вписали золотыми буквами в историю футбола.

– Добудем, выиграем… – раздались голоса и слева, и справа от тренера.

– Все, пошли, ребята. Пора!.. – приказал он.

Все дружно поднялись и направились к выходу из раздевалки. Последним ее покинул Лев Яшин…

* * *

На ворота советской сборной мощной волной накатывала очередная атака югославских форвардов. После короткого перерыва на два дополнительных тайма они вышли с явным настроем одолеть нашу команду.

Получив пас от партнера, центральный нападающий нанес сильнейший удар, но Яшин в прыжке намертво взял мяч. Быстро поднявшись, он окинул взглядом подступы к штрафной, где расположились партнеры по команде, готовые начать свою атаку.

Мокрое от дождя лицо Яшина было сосредоточено. В пылу уже завершившейся борьбы к нему подбежал югослав, но, словно наткнувшись на каменную скалу, отлетел в сторону. Обычно Лева играл корректно против нападающих команд соперников, но сегодня югославы так и норовили его травмировать. К тому же и старший тренер сборной дал в раздевалке недвусмысленное указание не давать себя в обиду.

Удар, и мяч полетел к центральному кругу…

– …Яшин мощно выбивает мяч в поле после очередной неудавшейся атаки югославской сборной – в который раз сегодня наш вратарь спасает команду от, казалось бы, неминуемого гола. Да-а… югославы организуют одну мощную атаку за другой, – комментировал Николай Озеров, едва сдерживая переполнявшие эмоции. – Счет на табло по-прежнему один – один, заканчивается дополнительное время, и любой забитый мяч наверняка станет решающим в этой встрече. А на кону, подумать только – первый в истории Кубок Европы! И как же всем нам хочется, чтобы

советские футболисты завоевали этот трофей для своей страны! Чтобы они стали первыми обладателями этого почетного трофея!..

Тем временем на центральной трибуне стадиона, среди небольшой группы зрителей сидел крупный солидный мужчина лет шестидесяти пяти. Не обращая внимания на дождь и неприятный ветер, он пристально наблюдал за ходом матча. Это был президент мадридского «Реала» – Сантьяго Бернабеу. Один из его помощников держал большой зонт, другой – также сидевший под зонтом – изредка включал дорогую переносную кинокамеру и снимал на нее самые острые моменты у ворот советской сборной.

– …Да, друзья, это финал, до которого слабые команды не доходят. Здесь играют сильнейшие! Напомню: югославы блистательно обыграли в полуфинале хозяев чемпионата – французов, а наши ребята уверенно победили сборную Чехословакии, – позабыв об остывшем кофе, говорил Озеров. – Но пора вернуться к игре. Метревели теряет мяч на фланге, его подбирают югославы. Костич отдает пас Ерковичу…

На поле разворачивалась очередная атака югославских футболистов – сразу все нападающие и полузащитники на высокой скорости приближались к нашим воротам. Казалось, будто они решили вложить в эту атаку все оставшиеся силы и одним разом покончить с советской сборной.

Лев занял позицию у линии вратарской. Чуть присев на полусогнутых ногах, он внимательно следил за соперниками и в любой момент был готов сместиться в сторону или совершить прыжок за летевшим мячом.

Югославы провели на поле ровно столько же, сколько и наши игроки, но усталости в их действиях не чувствовалось – атака развивалась стремительно. По центру с мячом перемещался нападающий; по левому и правому флангам разбегались его крайние коллеги. Защитники сборной СССР спешили перекрыть зоны, а центральный защитник шел на сближением с владеющим мячом.

Левый крайний югослав вскинул руку, предлагая себя для острой передачи; Яшин в ответ на это сделал два шага в его сторону. И тут же увидел, как из глубины поля вырвался югославский хавбек; набирая скорость, он смещался вправо, и никто из наших защитников не заметил его рывка.

Меж тем центральный нападающий грамотно развивал атаку, вытягивая на себя и уводя защитников влево, а заодно оголяя противоположную сторону. А в нее уже целил хавбек и ждал передачу для нанесения решающего удара…

Яшин живо представил, как спустя секунду-две ему на ход

последует пас. Как наши защитники бросятся исправлять свою оплошность, но не успеют ничего предпринять – хав настигнет мяч у линии вратарской и нанесет пушечный удар в неприкрытый угол ворот. Это будет гол. Стопроцентный гол. И крах надежд миллионов болельщиков.

Разгадав замысел соперников, Лев заранее двинулся к той точке, куда через мгновение должна была последовать передача.

И сделал это вовремя. Передача действительно последовала именно в то место, куда рассчитал наш голкипер. И пушечный удар в «девятку» хавбек нанес сразу – без обработки мяча. Да только угол уже был прикрыт – Яшин в прыжке дотянулся до мяча и перевел его на угловой.

Опасность у ворот сборной СССР была ликвидирована.

* * *

Тренерский штаб испанского «Реала» продолжал внимательно следить за напряженным финалом Кубка Европы.

Наблюдая за опасным моментом у ворот советской сборной, президент «Реала» невольно приподнялся над скамьей и вылез из-под зонтика.

– Ты видел?! Нет, ты видел, как он все просчитал?! – воскликнул он. – Яшин как будто заранее знал, что будут делать нападающие югославов!

Знаменитый босс «сливочных» – как тогда называли игроков «Реала» – и в самом деле был впечатлен игрой русского голкипера. Следя за его действиями в штрафной, он буквально не мог усидеть на месте – беспрестанно вскакивал, жестикулировал и восхищенно цокал языком.

– Видел, сеньор президент, – улыбаясь, кивнул помощник.

– Ты успел это заснять?

– Конечно!

– Бесподобно! Просто бесподобно! – не мог сдержать восторга Сантьяго Бернабеу.

– Да, он играет великолепно.

– Я говорю тебе: этот парень – гений! Настоящий гений!..

На поле югославы готовились подать угловой.

Как и в предыдущем эпизоде, Яшин окинул взглядом штрафную площадь ворот, выхватывая расположение своих и чужих игроков. Войнов, Маслёнкин, Чохели, Нетто… Все заняли наиболее эффективные позиции, перекрывая зоны прострелов и блокируя нападающих югославской сборной.

– Юра, закрой дальний угол вратарской! Слава присматривай

за своим! – указывал голкипер ладонью в перчатке. Похлопав по плечу стоявшего у ближней штанги Чохели, негромко подбодрил: – Спокойно, Гиви…

Разбежавшись, югославский футболист навесил на штрафную.

Проскочив между своих и чужих игроков, Яшин высоко выпрыгнул и снял мяч с головы нападающего. Опасные последствия мощной атаки сборной Югославии были полностью ликвидированы.

Теперь предстояло начать свое наступление на ворота соперников.

Глянув вправо и влево, Лев стукнул мячом о газон, сделал небольшой разбег и рукой забросил мяч находящемуся почти в центре поля капитану команды Игорю Нетто. Словно сжатая пружина, сборная Советского Союза внезапно сорвалась в хорошо организованную атаку…

– …Яшин точно в ноги выбрасывает мяч нашему капитану, – поправив наушники и плеснув в стакан минеральной воды, продолжал комментировать матч Озеров. – Нетто пасует на правый фланг Метревели. Передача Бубукину… Наши уже на половине соперников… Бубукин отдает дальше на левый фланг Месхи… Оригинальное обманное движение… Навес в штрафную… – По мере развития атаки голос Николая Николаевича усиливался и становился выше: – Борьба за верховой мяч… Миладинович… Понедельник… Виктор Понедельник бьет головой и, аккуратно перебросив мяч через вратаря, забивает! Го-ол!! – Озеров так резко вскочил с комментаторского места, что кресло опрокинулось назад. Воздев руки к небу, он издал свой фирменный протяжный клич: – Го-о-о-ол!..

* * *

Телевидение в те далекие годы делало первые робкие шаги. Телевизионные приемники – громоздкие, слабые, с минимальным набором регулировок и с маленькими черно-белыми экранами – имелись далеко не в каждой семье. Тем не менее трансляция финального матча Кубка Европы на территории Советского Союза велась, и все, кто имел такую возможность, ее смотрели. Ну а кто не имел – довольствовались радиоприемниками, которые были практически в любом доме или квартире.

В ту секунду, когда на парижском стадионе «Парк де Пренс» мяч от головы Виктора Понедельника влетел в сетку югославских

ворот, а судья зафиксировал взятие ворот и указал на центр поля, из распахнутых окон московских домов донеслись дружные крики: «Го-ол! Ура-а! Го-о-ол!..»

Ликовали буквально все. Порой казалось, будто весь город в едином порыве повторил за Озеровым его победный возглас.

Народ высыпал во дворы, непрерывно сигналили машины на улицах и проспектах, случайные прохожие обнимались… Это была победа огромной страны. Ценная, нужная, добытая в честной и трудной борьбе.

Кричали от радости и Лида с Шабровым и Валентиной. Смеясь и едва не плача от радости, они прыгали в центре зала и обнимали друг друга под радостный голос Озерова, доносившийся из динамика телевизора.

– Тс-с-с. – Опомнившись, Валя поднесла палец к губам.

Затем подбежала к телевизору и убавила до минимума звук. Однако из спальни уже слышался детский плач. Молодая мама бросилась к ребенку, схватила его на руки и принялась успокаивать.

– Ну что ты?.. Тщ-щ… Все хорошо…

При этом у самой по щекам текли слезы радости.

Из открытого окна неслись восторженные крики соседей по дому:

– Го-о-ол! Победа! Ура-а!..

Пришлось прикрыть и створки окон.

– Ну что ты расплакалась? Ведь все хорошо. Все просто замечательно. Тщ-щ…

* * *

В центре вечернего Парижа в шикарном ресторане с видом на Эйфелеву башню проходил торжественный банкет, в котором чествовали победителей первого Кубка Европы – футбольную сборную СССР. На обширной веранде за многочисленными столиками расположилась французская элита: мужчины в смокингах и сверкающие бриллиантами дамы в шикарных вечерних платьях. Здесь присутствовали министры, представители Президента, члены Сената и Национального собрания, спортивные чиновники и известные в прошлом спортсмены.

Наши футболисты, одетые в одинаковые костюмы, выглядели зажатыми и напряженными. На небольшой террасе сбоку от веранды играл оркестр, радовавший публику приятной негромкой музыкой.

Закончилась торжественная речь ведущего – импозантного мужчины в безупречном темном костюме и белой бабочке-галстуке на фоне такой же ослепительно-белой сорочки. Все пригубили по глотку настоящего французского шампанского. Настало время отведать приготовленное угощенье, и два десятка вышколенных официантов бесшумно засновали по веранде, подавая разнообразные блюда и соусы…

Виктор Понедельник неподвижно сидел за столиком и глядел на только что поставленную перед ним тарелку с диковинным блюдом.

– Как это есть-то? – шепотом спросил он у соседа по столику – Валентина Бубукина.

– Наверное, вилкой, – отозвался тот.

– Так тут вилок лежит по левую сторону – не сосчитать!

– Хрен его знает. Возьми любую! – схватил Валентин бокал с шампанским и залпом опустошил. Оглянувшись на официанта, спросил: – А нельзя ли повторить?

Однако в ту же секунду он поймал на себе строгий взгляд Качалина.

Гавриил Дмитриевич, напротив, чувствовал себя невозмутимо; с ловкой уверенностью он расправлялся с поданными устрицами, но при этом успевал и присматривать за своими подопечными. Были среди них любители нарушить дисциплину и распорядок. А уж после громкой победы в европейском чемпионате вообще нужен был глаз да глаз…

– А вообще-то не надо шампанского, – вынужденно передумал Бубукин. – Я лучше минералочки…

Вздохнув, он подхватил зеленоватую бутылку с красочной этикеткой, на которой был изображен Версаль с его прекрасными садами и парками.

Сидящий за соседним столиком Нетто обернулся и кивнул на пустовавший стул:

– Мужики, а куда Лева-то запропал?..

– Да тихо ты! – шикнул Бубукин. – Сейчас придет.

Услышав негромкий вопрос капитана команды и ответ Валентина, старший тренер Качалин тоже обеспокоенно закрутил головой, но не увидел Яшина в зале…

* * *

Яшин, одетый, как и все наши футболисты, в костюм для торжественного приема, бежал по кривой парижской улочке. Беспрестанно озираясь по сторонам, он что-то искал. Навстречу

изредка попадались редкие прохожие, однако, не зная французского, обращаться к ним за помощью он не рисковал.

За время проведения Кубка Лев лишь раз сумел выбраться в город, да и то на полтора часа. Главной целью поспешной прогулки по незнакомому Парижу стал поиск отделения международной телефонной связи, а затем одного магазина. Отыскать он его сумел, но теперь, снова торопясь и посматривая на часы, никак не мог вспомнить улочку, на которой тот находился. Все парижские улицы, за исключением центральных – широких и оживленных, – были для него на одно лицо.

Пропустив на перекрестке легковую машину, он пересек перпендикулярный проулок и радостно улыбнулся, наконец-то обнаружив то, что разыскивал.

«La boutique «Manteau de fourrure» – значилось на красивой вывеске углового дома, что в переводе означало: «Магазин «Шубы из натурального меха».

К нему-то Лев и повернул.

Парадная дверь в магазин оказалась запертой – время все-таки было позднее. С внутренней стороны верхней стеклянной половины двери висела табличка с надписью «FERMÉ».

«Черт… закрыто», – понял Яшин и робко постучал по стеклу.

Никто не появился, и он повторил стук – уже настойчивее и громче.

Спустя минуту внутри зажегся свет, и к двери подошла пожилая француженка – хозяйка магазина.

– Нет-нет, мсье, мы уже закрыты, – отчаянно жестикулируя, объяснила она по-французски.

– Да я на минутку только, – снова постучал он, заставив женщину вернуться.

– О, мой бог! – с недовольным видом отомкнула она замок и попятилась внутрь магазина. – Что вам угодно?

– Бонжур, мадам! Помните меня?

– Нет, – испуганно замотала она головой.

– Я выбирал у вас шубу для своей мадам, – продолжал Яшин изъясняться по-русски.

При этом он показал на пустой манекен, на котором пару дней назад висел выбранный им товар.

Хозяйка действительно узнала его; испуг на лице сменился вежливой улыбкой.

– Да, я припоминаю вас, месье, – сказала она, – но, к сожалению, ту шубу уже купили. Увы, ее нет…

Лева совершено не владел французским и не уловил смысла сказанной фразы. Сначала он подошел и осмотрел пустой манекен, затем приблизился к прилавку, вынул из кармана

деньги.

– Не, я не понимаю. Вы мне просто, мадам, силь ву пле, принесите мою шубу.

Готовность покупателя тотчас расплатиться наличными заставила женщину смягчить жесткую позицию: взяв деньги, она пересчитала их, кивнула и удалилась в смежное помещение.

Вернулась она через минуту, неся в руке другую шубу.

– Вы можете купить эту, – сказала она, развернувшись к горевшей люстре и показывая, как искрится и переливается мех. – Она нисколько не хуже той, что уже купили. Она даже лучше. Но и обойдется вам дороже на пятьдесят франков. Зато ваша мадам определенно будет довольна!

Видя, что покупатель опять ее не понимает, владелица меховой лавки подошла к прилавку с кассой, выдернула из стопки квадратик писчей бумаги, вооружилась авторучкой. Написав на листке цифры, показала.

– Что? Еще пятьдесят франков?! – обомлел Яшин. – Откуда же у меня такие деньги? Я футболист, понимаете? Футбол! Ноу мани!

Из всего сказанного хозяйка магазина поняла лишь слово «футбол» и «ноу мани», однако уступать не собиралась.

– Месье, футбол – это хорошо. Это признак вашей успешности, – уверенно сказала она. – Я знаю, что футболисты зарабатывают очень достойные деньги. Вам нужно добавить всего пятьдесят франков. Будьте так добры – поищите недостающие деньги, и мы совершим с вами сделку…

Из магазина расстроенный Яшин вышел без покупки. Остановившись у витрины, он хотел покурить, а заодно обдумать, как быть с покупкой шубы. Но тут же нос к носу столкнулся с запыхавшимся Бубукиным.

– Тебя где носит, Лева?! – выпалил тот. – Ты же говорил, что отлучишься всего на полчаса!

– Да ну… в магазин вот ходил… – отмахнулся вратарь, передумав прикуривать сигарету.

Валентин настойчиво увлек его за собой.

– Пойдем, там тебя все ищут!

– Кто «все»?

– Все наши! И Качалин волнуется, узнав, что ты куда запропал!

– Да куда я запропал!.. Шубу вот хотел Валентине купить, – кивнув на магазин, признался вратарь.

– Ну и что, купил?

– Нет, как видишь…

– Почему? Не подошла?

Лев вздохнул:

– Пятидесяти франков не хватило.

– Фу ты… Брось расстраиваться! Потом с ребятами скинемся – будет тебе шуба! Пошли!..

* * *

Вернувшись в ресторан, Яшин намеревался незаметно присоединиться к своим товарищам, да не вышло – приглашенные французские гости заметили его рослую фигуру и тотчас окружили со всех сторон. Каждый норовил пожать руку, лопотал по-французски поздравления и восхищался его игрой в финальной стадии Кубка. Пришлось взошедшей футбольной звезде мило улыбаться, кивать и раздавать автографы.

Тем временем Валентин Бубукин обходил игроков сборной и что-то негромко с ними обсуждал. Каждый после разговора с ним начинал копаться в карманах новенького костюма…

Лев этих «интриг» не замечал, так как находился в центре шумной восторженной толпы. Кто-то из почитателей в праздничной суматохе подсунул ему закрытую папку с тисненным гербом и золотой перьевой «Паркер». Он машинально поставил автограф на обложке справа от герба и вознамерился вернуть дорогие вещицы хозяину.

Однако тот почему-то не спешил забирать их обратно.

Опустив взгляд, Яшин получше пригляделся к странному человеку. Перед ним стоял пожилой импозантный мужчина в классическом смокинге.

– Сантьяго Бернабеу, – почтительно улыбнувшись, представился тот.

И снова отказался принять папку с «Паркером».

– Прекрасная игра, сеньор Яшин, – сказал он по-испански.

Тот мотнул головой:

– Простите, не понимаю!

– Уно моменто!

Бернабеу махнул рукой, и молодая симпатичная испанка, весело щебечущая с молодыми футболистами, моментально оказалась возле него.

– Переведите сеньору Яшину, что я являюсь президентом королевского клуба «Реал» из Мадрида.

Девушка с заметным испанским акцентом перевела сказанное, немного добавив от себя:

– Перед вами президент мадридского «Реала» сеньор Сантьяго Бернабеу. Он желает сделать вам выгодное

предложение.

Яшин удивленно протянул:

– Президе-е-ент!.. Во как!

«Реал» был очень уважаемой командой, пять раз подряд – с 1956 по 1960 год побеждавший в Лиге чемпионов УЕФА. Все присутствующие в парижском кафе о «Реале» знали, потому с интересом слушали диалог его президента с советским вратарем.

– Я еще раз хочу выразить восхищение вашей игрой и… приглашаю вас в мою команду! – громко и отчетливо проговорил по-испански Бернабеу. – Это контракт, – ткнул он пальцем в папку. – Вы можете прямо сейчас прописать любую сумму в специально оставленной пустой графе. Любую – какую только пожелаете!

Лев даже смутно не догадывался, о чем говорит этот представительный мужчина, сумевший создать один из сильнейших футбольных клубов в мире.

Переводчица помогла:

– Сеньор Бернабеу выражает восхищение вашей игрой в воротах. Он был бы счастлив видеть вас в составе мадридского «Реала».

В подтверждение сказанного президент королевского клуба раскрыл папку и продемонстрировал несколько скрепленных стандартных листов с текстом на испанском и английском, а также пустой графой внизу.

– Это контракт, – пояснила девушка. – Вы можете написать в нем любую сумму – какую пожелаете.

Яшин усмехнулся:

– Неужели любую?

– Сеньор Яшин интересуется, не шутка ли это? – обратилась переводчица к Сантьяго.

– Какие шутки?! – всплеснул тот руками. – Это действительно так!

– Сеньор Бернабеу заверяет, что это не шутка – он готов платить любые деньги.

Во время этого разговора смех, шутки и музыка вокруг понемногу затихали. В конце концов, когда диалог президента и голкипера коснулся суммы контракта, в ресторане стало тихо. Все смотрели на Яшина, ожидая его ответа. Лишь приглашенная французская элита, зная, насколько богат президент «Реала», потрясенно перешептывалась.

– Лева, не стесняйся! А лучше возьми и напиши такую сумму, от которой у него волосы дыбом встанут! – как всегда не вовремя пошутил Бубукин.

Кто-то из футболистов прыснул смешком, но тут же

замолчал, наткнувшись на строгий взгляд старшего тренера сборной Качалина.

Когда сеньору Бернабеу перевели прозвучавшую шутку, он улыбнулся, а затем повернулся к застывшей публике и серьезно сказал:

– Я действительно готов заплатить за него любые деньги, пускай для этого мне потребуется продать все свои фамильные бриллианты и даже залезть в долги. Но и такая сумма будет недостаточной, так как на самом деле господин Яшин не имеет цены, как и картины величайших живописцев, находящиеся в нашем национальном музее «Прадо».

Гавриил Дмитриевич не порывался остановить разговор, вмешаться в него или каким-то иным способом повлиять на итог спонтанных переговоров. Он был абсолютно уверен в том, что его подопечный сам подберет нужные слова для достойного ответа президенту именитого «Реала».

Так и произошло.

Склонившись к переводчице, Лев довольно громко произнес:

– Скажите, что я очень благодарен за его предложение. Но нам уже пообещали заплатить премиальные.

– Сеньор Яшин благодарит за предложение, – затараторила девушка по-испански, – но не может его принять.

Услышав Левин ответ, товарищи не могли сдержаться от смеха. Даже Гавриил Дмитриевич стер с лица серьезное выражение и расплылся в широкой улыбке.

Яшин вернул Бернабеу неподписанный контракт с золотым «Паркером».

Тот удивленно пробормотал:

– Но объясните, почему вы отказываетесь?!

– «Реал» – это, конечно, здорово, – улыбнулся вратарь советской сборной. – Но я как-то привык играть за «Динамо».

При этом он хлопнул своей большой ладонью по лацкану своего пиджака, на котором поблескивал значок с динамовской символикой.

– Для синьора Яшина существует только одна команда, – перевела ответ испанская девушка. – Эта команда «Динамо», и она навсегда в его сердце!

Только теперь Бернабеу понял, что переубедить Яшина не удастся.

Не растерявшись, он подхватил с подноса проходящего мимо официанта бокал шампанского.

– Достойный ответ! – кивнул он. И воскликнул: – За победителей Кубка Европы и за вратаря моей мечты – Льва Яшина! Салют!

Голос переводчицы потонул в шуме аплодисментов и вновь грянувшей музыке. Все дружно чокались бокалами и пили за чемпионов.

Яшин облегченно выдохнул и случайно поймал одобрительный взгляд Гавриила Качалина. «Молодец. Отлично ответил», – прочитал Лев в глазах наставника.

Неожиданно рядом с голкипером нарисовался Бубукин.

– Лева! – настойчиво зашептал тот под ухом и потащил в сторону.

– Ну чего тебе? – подчинился тот. – Меня опять, что ли, ищут?

– Нет, уже нашли. Держи, миллионер, – сунул Валька ему в карман несколько свернутых пополам купюр.

– Что это?!

– Франки. Здесь ровно пятьдесят.

– Ты с ума сошел! Зачем?..

– Твоей супруге на шубу. Мы все так решили.

– Ну зачем?! – попытался возмутиться Лев.

– Бери-бери! Это от нас подарок.

Приняв недостающие для покупки франки, Яшин растроганно обнял товарища.

– Вот черти…

* * *

На следующий день футболистов нашей сборной встречали на Родине. Еще за час до приземления самолета в аэропорт начали прибывать репортеры, журналисты, фотографы, чиновники из различных министерств и комитетов, а также сотни простых болельщиков, пожелавших поприветствовать и поблагодарить тех, кто добыл для страны Кубок Европы.

К остановившемуся самолету лихо подрулил трап с красной ковровой дорожкой, дверца открылась. Через секунду в темнеющем проеме показался Лев Яшин, бережно держащий в руках ценный трофей – Кубок Европы.

Грянул оркестр. Огромная толпа встречающих безо всякой команды принялась скандировать:

– Мо-лод-цы! Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!..

Валентина тоже была здесь. Она стояла у ограждения рядом с женами других футболистов, крепко держала за руку четырехлетнюю дочь и взволнованно искала взглядом сошедшего по трапу Леву. Оказавшись на родной земле, он попал в плотное кольцо официальных лиц, черные лимузины которых в большом

количестве стояли чуть поодаль от перрона.

На некоторое время супруг пропал из поля зрения Валентны; подхватив дочку на руки, она постаралась протиснуться сквозь толпу и подойти ближе.

Наконец она увидела Льва и помахала ему. Затем, подняв повыше Иришку, показала:

– Смотри, вон твой папа! Видишь?..

Вырвавшись из кольца поклонников, Лев хотел направиться туда, где должна была ждать Валентина, но не успел.

Выкрикивая дружным хором: «Я-шин! Я-шин! Я-шин!..» – болельщики прорвались за ограждения и с громким «Ура!» хлынули к своему кумиру. Голкипер был обескуражен столь теплой встречей и практически не сопротивлялся, когда множество рук подхватили его, подняли над перроном и понесли к выходу мимо растерявшейся Валентины.

Увидев супругу с дочерью, Лев попытался ускользнуть от поклонников, но те не хотели его отпускать и несли на руках до самой машины…

* * *

Дома Яшина ждал праздничный обед – Валя расстаралась и приготовила к приезду его самые любимые блюда. Но сначала он решил порадовать родных привезенными подарками…

В центре зала на столе покоился раскрытый чемодан, на диване и креслах лежали сувениры, пакетики, свертки, блок французских сигарет «Gauloises». Маленькая Иришка сидела рядом с диваном. Вокруг нее были рассыпаны шоколадные конфеты в блестящих обертках, а сама заинтересованно разбиралась с большой коробкой, в которой лежала новенькая кукла в цветастом платье.

Ну а Яшин демонстрировал жене купленную в Париже шубу:

– А?! Видала?! Смотри, как переливается! Настоящая!

Валя с восхищением смотрела на мех:

– Лев, ну зачем?.. Это же, наверное, кучу денег стоит!

– Да ерунда – ребята помогли, скинулись.

– Неужели ты купил ее в самом Париже?

– Конечно! В самом центре – недалеко от Эйфелевой башни. Я эту мадам в магазине полчаса уламывал. Уперлась и ни в какую: давай ей еще пятьдесят франков и все тут!

– Ты же по-французски не компред па! – весело заметила супруга.

– А они меня и так понимают, – накинул он ей на плечи

обнову. – Честное слово! У нас все ребята, если чего купить надо, – меня просят!..

Надев как следует шубу, Валентина подошла к большому зеркалу, повертелась туда-сюда и решила одернуть левый рукав, который почему-то казался короче правого. И тут от легкого движения шов вдруг затрещал.

– Ой, что это?.. – испугалась она.

Быстро скинув с себя шубу, молодая женщина сунула руку внутрь рукава и обомлела – пальцы вылезли наружу сквозь дырки, скрытые под пушистым мехом.

Она принялась осматривать покупку.

– Это же из кусочков… Там даже подкладки никакой нет… Как же так?.. – чуть не плача приговаривала Валя.

– Точно. Драную подсунули… – подключился к осмотру Лев. Улыбнувшись и обняв супругу, пообещал: – Ладно, не расстраивайся – другую купим.

– Ну вот еще! И эта хорошая. А подкладку я сама подошью – делов-то! – моментально стерла она с лица расстроенное выражение и улыбнулась в ответ. Обняв мужа, шутливо спросила: – Лев, а француженки правда такие стройные и красивые, как в кино?

– Всякие, – пожал он плечами.

– Что значит, всякие? Ты что там, со всякими?..

Ответить на провокационный вопрос не дала маленькая дочь. Вся перепачканная шоколадом, она подошла к отцу, потеребила его за руку и пропищала:

– Пап, а есе есть соколадки?..

Глава девятая

СССР, Москва – Чили, Арика
1962 год

Прогулявшись по вечерней Москве, друзья нечаянно набрели на тот скверик, где когда-то пили пиво и разговаривали «по душам» о переходе Яшина из футбола в хоккей.

– Выпьем по кружечке? – предложил Володька.

Лев кивнул:

– Давай…

Четверо мужчин, стоявших в очереди, узнали Яшина.

– Проходи вперед, Лев Иванович, – дружно загудели они. – Бери-бери без очереди, мы подождем…

Друзья купили по кружке холодного пива и присели на ту же самую лавочку. Все было как тогда – в далеком пятьдесят третьем. Разница заключалась лишь в том, что сегодня Яшин отговаривал Шаброва навсегда уходить из футбола.

– Но ты же постоянно играешь в «основе», – сдув пенную шапку, сказал Лев. – Ты и Боря Татушин из «Спартака» – лучшие правые нападающие в нашей стране. Почему же ты принял такое решение?

– Понимаешь, Лев… я хотел дальше расти, играть, как и ты, за сборную. А ничего не получается. Застрял на одном уровне.

– Но ты же играл в составе сборной!

– Играл… Всего два матча.

– Зато каких! И забил, кстати, два мяча. А матч «Динамо» против сборной сильнейших французских клубов «Реймс» и «Рэсинг»! Ты забыл про него?! Это же была лучшая игра нашей команды, и сделал ее ты, полностью переиграв французских защитников и забив единственный победный гол. Ведь тогда вся французская пресса признала, что «Динамо» произвело на Францию более сильное впечатление, чем наша сборная!

Вспомнив тот матч, Шабров улыбнулся. Но тут же отмахнулся:

– Брось, Лев. Я понял, что достиг своего потолка. Мне уже стукнул тридцатник, а это для нападающего – преклонный возраст.

– Все равно не понимаю, – вздохнул Яшин. – Как можно добровольно покинуть такую команду – сбалансированную, волевую, мастеровитую?! У нас же не команда, а… ансамбль! Три года подряд становились чемпионами. Любое призовое место в чемпионате, кроме первого, у нас не считается достижением.

– Согласен. И все это ценю, – кивнул Володька. Немного

помолчав, признался: – Думаю, пару лет я бы еще поиграл бы, если бы…

– Что «если бы»?

– Если бы не они, – похлопал товарищ по своим коленкам.

– Болят?

– Еще как…

Яшин знал о том, что в последние годы из-за частых травм друг страдает артритом – воспалением коленных суставов. Иногда он обращался к врачам, лечился, пропуская календарные матчи.

– Неужели стало хуже? – участливо спросил он.

– Да в основном терпимо. Но в периоды обострения еле-еле поднимаюсь по ступенькам лестницы. В общем, как бы тебе объяснить… Я с этими постоянными болями перестал получать от игры удовольствие. Выхожу на поле через силу…

Да, это была серьезная причина. Лев и сам постоянно мучился с желудком и знал, что такое играть с болью. Играть, когда организм противится и требует покоя.

– Ты с руководством говорил о своем решении?

– Говорил.

– Что-нибудь предложили?

– Да. Предлагают остаться тренером юношеской команды в «Динамо».

– Согласишься?

– Конечно. Не хотелось бы насовсем покидать такой коллектив…

* * *

Весна 1962 года выдалась солнечной и теплой. В Москве снег растаял в конце марта, оставшиеся лужи быстро подсохли. На клумбах появились первые цветы. Недавно проснувшийся город постепенно наполнялся звуками. По улицам медленно ползли поливальные машины, люди спешили на общественный транспорт, чтобы вовремя добраться до работы.

Держа Ирину за руку, Яшин вышел из подъезда. Несколько пенсионеров, давно облюбовавших лавочку во дворе, как по команде поднялись и устремились к прославленному вратарю.

Здороваясь и перекидываясь с ними дежурными приветствиями, Лев Иванович направился к стоявшей поодаль машине, которую яростно натирал ветошью однорукий инвалид Михалыч. Отполированный кузов «Волги» ярко сверкал в лучах утреннего солнца.

По-военному отдав честь, Михалыч с гордостью продемонстрировал результат работы:

– Во, Лев Иваныч! Не хуже, чем у министра!

– Михалыч, ну сколько раз говорить?! – запротестовал Яшин. – Зачем? Неудобно же…

– Неудобно ссыкать против ветра, – довольно парировал тот фразой из народного фольклора. – Я на войне генерала возил, между прочим, так и ему не полировал до такого блеска! А тебе полирую и буду полировать, потому как уважаю и горжусь!

– Ох, Михалыч… Ты меня в краску вгоняешь, Ей-богу…

– Да, ладно, – отмахнулся тот. – Сигареткой не угостишь, Лев Иваныч?

Остановившись у водительской дверцы, вратарь достал из кармана пачку и отдал Михалычу.

– Вот спасибо! – потянул инвалид одну.

– Бери все.

– А как же ты, Лев Иваныч?

– Бросаю…

– Вот это правильно! А у меня никак не получается?

– Это почему же?

– Силы воли не хватает.

Яшин уселся за руль. Михалыч подобострастно захлопнул за ним дверцу и даже помахал вслед…

* * *

Проехав несколько кварталов, «Волга» плавно остановилась у современного здания школы. Спешащие к звонку на первый урок мальчишки, заметив в машине Яшина, позабыли обо всем на свете.

– Смотри, смотри – Яшин! Яшин!.. – остановившись, кричали они.

Ирина поцеловала отца, подхватила ранец, выскочила из машины и, не обращая внимания на стайку мальчишек, побежала к школе.

Тем временем встречавший на крыльце учеников директор – пожилой мужчина в строгом костюме и при галстуке – тоже заметил Яшина. Торопливо спустившись по ступенькам, он быстрой семенящей походкой направился к его машине…

– Лев Иванович! – окликнул он издали. – Лев Иванович, можно вас на минутку!

Тот уже собирался отъезжать, но, завидев директора, остановился, выключил двигатель и вышел навстречу.

– Лев Иванович, сердечное вам спасибо за новые парты! – горячо пожимал его руку мужчина. – Если бы не вы, честное слово, я даже не знаю… Сидели бы наши детки сейчас за старыми развалюхами…

– Да ну, ерунда, – смущенно ответил голкипер.

– Нет, что вы – это совсем не ерунда! Заменить столько старых парт на совершенно новые – это огромное и благородное дело!..

Несколько групп пацанов различного возраста стояли чуть поодаль и с восхищением взирали на кумира. Заметив их, директор переключился на другую тему.

– Лев Иванович, а не могли бы выступить перед ребятами и рассказать о вашем славном пути? Вон посмотрите, какой у них к вам интерес!

– Да я бы с удовольствием, – замялся тот, – но, признаться, у меня сейчас и времени-то нет. Завтра начинаются сборы, а после них сразу в Чили – на чемпионат.

– А после возвращения?

– Тогда что-нибудь придумаем…

Не успел Яшин договорить, как сбоку подлетела старшеклассница в белоснежном фартуке поверх строгой коричневой формы и с красным галстуком на шее.

С кипящей энергией и горящими энтузиазмом глазами, она извинилась перед директором и, постоянно сбиваясь от волнения, затараторила:

– Лев Иванович! Лев Иванович, я как председатель совета дружины… И от лица всей пионерской организации… В общем, мы хотим назвать нашу дружину вашим именем! Вы не против?

– Да я вроде пока еще живой, – вернувшись к машине и взявшись за ручку дверцы, улыбнулся Яшин. – Вот помру, тогда уж…

– Ну-у… это еще когда-а будет… – разочарованно протянула ученица.

Яшин уселся на водительское место и захлопнул дверцу.

Оттеснив свою подопечную, директор заглянул в открытое окно.

– Удачи вам, Лев Иванович, на чемпионате!

– Спасибо…

Машина плавно тронулась по прилегающей к школе улочке.

Расплывшись в счастливой улыбке, директор вскинул руки, сцепленные в замок, и кричал вслед:

– Ждем вас с победой!..

* * *

В одном из элитных московских ателье шла примерка костюмов, пошитых для игроков сборной СССР по футболу. Вдоль одной стены просторного холла висели большие зеркала, по другую были устроены примерочные кабинки с плотными занавесками. У третьей стояли кресла и столики для ожидающих готовую одежду заказчиков.

Некоторые футболисты успели надеть новенькие костюмы и крутились перед зеркалами, другие дожидались своей очереди и спокойно сидели, листая журналы или слушая радио.

Из репродуктора доносился хорошо знакомый им голос Гавриила Качалина:

– …Я бы не стал загадывать вперед, но могу заверить вас в том, что настроение в команде хорошее, рабочее, – отвечал на очередной вопрос репортера старший тренер команды. – Подготовка сборной к чемпионату мира была долгой и напряженной. Во время подготовки нам удалось избежать травм и потерь, что не может не радовать. Хорошую спортивную форму набрали лидеры команды: Валентин Иванов, Игорь Нетто. Органично вписались в коллектив талантливые молодые игроки, такие как Численко, Воронин, Шестернев.

– Ну, а что касается того, кто займет место в воротах, – тут, я думаю, двух мнений быть не может?.. – задал следующий вопрос ведущий интервью журналист.

Качалин спохватился, будто позабыл сказать о главном:

– Разумеется! В качестве основного вратаря сборной на чемпионат мира поедет опытнейший голкипер московского «Динамо» Лев Яшин. Само его присутствие на поле внушает молодым игрокам уверенность в победе…

Тем временем в темные двубортные костюмы переоделись почти все футболисты сборной. Слушая трансляцию и толкаясь перед зеркалами, они тыкали друг в друга пальцами и хохотали.

Картина действительно была веселая: рослые и крепкие парни, одетые в совершенно одинаковые костюмы, казались близнецами-братьями.

– Ладно, полюбовался – дай другим посмотреть. – Иванов шутливо отпихнул от зеркала Воронина. Оценив себя спереди, он повернулся одним боком, другим. – А что? Годится. В таком даже на собственную свадьбу не стыдно прийти.

Отдернув занавеску, из примерочного закутка вышел Гиви Чохели. На нем был такой же, как у всех, пиджак, из-под которого выглядывали семейные трусы и мускулистые волосатые ноги.

– Мужики, штаны мои никто не видел?

Оглянувшись на него, товарищи по команде дружно рассмеялись.

– Кончайте ржать! Я же серьезно. Вот здесь оставил, – показал он на столик с ворохом одежды.

Рядом с пустующим креслом стоял Лев Яшин в своем костюме. Вокруг него деловито суетился пожилой портной, разглаживая складки на пиджаке и поочередно одергивая брючины.

– А брючки не мешало бы сделать поуже, – оглядывая себя в зеркало, заметил дебютант сборной Численко.

– Поуже, молодой человек, это не ко мне, – спокойно парировал портной. – У меня, чтоб вы знали, члены Политбюро одеваются. А если вам нужен лапсердак для ваших танцевшманцев, то через дорогу имеется ателье мужской одежды «Современник»… – Сделав очередную пометку мелком, он поднял голову. – Ну что скажете, Лев Иванович? В плечах не теснит?

– Как обычно, Исаак Яковлевич, – прогудел тот. – Полный ажур. Удобно, элегантно и красиво.

– А после чемпионата можно будет их у себя оставить? – неизвестно у кого спросил Воронин.

Скрипнула входная дверь, а вслед за скрипом послышался голос старшего тренера сборной:

– А это как сыграете.

Народ разом примолк и оглянулся ко входу. В ателье вошел Гавриил Качалин в сопровождении чиновника из Спорткомитета СССР.

– Как же так, Гавриил Дмитриевич? – удивленно спросил кто-то из ветеранов сборной. – Вы же вроде по радио выступаете! И одновременно здесь, с нами…

– Это запись, – отмахнулся тот. И, указав на чиновника, представил: – Прошу познакомиться. Это Василий Григорьевич Мишурин из Управления международных спортивных связей Комитета по физической культуре.

Чиновник сделал два шага вперед, улыбнулся во весь рот и с наигранной бодростью в голосе спросил:

– Ну что, ребята, как настроение?

Ребята давно поняли, как следует разговаривать с бездушными «шишками» различной величины.

Виктор Понедельник с той же театральностью ответил:

– Боевое!

– Мандража нет?

– А чего нам волноваться – у нас Лева в воротах! – воскликнул Масленкин.

Все собравшиеся посмеялись над этой репликой.

– Вот это я понимаю – настрой! – вытирая уголки губ платком, заметил чиновник. – Вы уж, ребятушки, не подкачайте.

Страна вам доверила, партия доверила… Так что, как говорится, чтоб расстараться, чтоб с полной отдачей – не жалея сил! Чтоб гордо нести знамя советского спорта! Сами понимаете: момент, как говорится, политический! Чтоб насмерть стоять! Ну а как привезете «золото» – мы уж, как говорится, и премиальные… И все как положено!..

После расслабленной, спокойной обстановки, в ателье повисла неловкая пауза. Ко всему были привычны футболисты сборной, но речь должностного лица из Спорткомитета все одно отдавала фальшью и напыщенной казенщиной. Один только повторяемый канцеляризм «как говорится» вызывал у них стойкое отвращение.

– А мы не за премиальные едем играть, – подал голос Яшин. – Мы за страну. И уговаривать тут никого не надо.

Судя по лицам футболистов, все до единого поддерживали мнение Льва. Но недовольная гримаса чиновника свидетельствовала о другом: очевидный упрек задел его за живое.

– Ладно, у нас еще будет время поговорить, – разрядил обстановку Качалин. Затем кивком головы пригласил Яшина отойти с ним в сторонку: – Лев, на минутку…

Извинившись перед пожилым портным, тот подчинился.

– Сам видишь, какая завернулась ситуация: от нас ждут только победы, и ничего другого, – взял его под руку наставник сборной. – Так что, не обессудь – на тебя особая надежда.

– Сложная будет задачка, – негромко сказал Яшин. – Компания на чемпионате подбирается солидная.

– Это ты верно подметил – солидная. Сам-то что думаешь по этому поводу? В финал пробьемся?

– В игре всякое случается. Но вы не волнуйтесь, Гавриил Дмитриевич, – сдержанно и уверенно ответил тот без малейшего намека на браваду. – Нормально сыграем – в полную силу. Как умеем…

* * *

Мало кто верил в то, что Чили сможет принять футбольный чемпионат мира, ведь буквально за два года до обозначенных сроков проведения мундиаля в этой стране произошла страшная трагедия – сильное землетрясение, унесшее тысячи человеческих жизней. Несколько городов и десятки селений лежали в руинах, серьезно пострадала инфраструктура. Возникал вполне логичный вопрос о переносе чемпионата в другое место. Однако чилийцы отстояли свое право на его проведение и, надо сказать, сделали

все для того, чтобы футбольный праздник запомнился людям надолго.

– Ну надо же! Постоянно в финальных пульках встречаемся с югославами! – то ли удивлялся, то ли радовался бессменный капитан советской сборной Игорь Нетто.

– Да, югославы стали для нас самым удобным соперником, – соглашался Качалин. – Дай бог, чтобы эта традиция – всегда и везде выигрывать у сборной Югославии – продержалась еще много лет…

Первого июня у нашей сборной был выходной день. Накануне – в последний день мая – ее игроки провели удачный матч против Югославии и довольно уверенно победили со счетом 2:0. Голы забили Валентин Иванов и Виктор Понедельник. После завтрака Гавриил Дмитриевич предложил игрокам прогуляться по чилийскому городу Арика: расслабиться, отвлечься, подышать свежим воздухом. Те с радостью согласились.

Небольшой город располагался на холмах западного побережья страны. Группа советских спортсменов прошлась по центральной улице, полюбовалась католическим собором Сан-Иаркос-Арика, построенным французами в конце девятнадцатого века. Затем футболисты посетили археологический музей Сан-Мигель-де-Асапа, дошли до холма Морро-де-Арика, где задержались на смотровой площадке, с которой открывались великолепные виды на город и его окрестности.

У Льва сложились прекрасные отношения со всеми игроками сборной, и все же он здорово скучал по своему другу Володьке Шаброву. Поглядев вокруг, словно товарищ каким-то чудом мог оказаться рядом, он заметил стоящего неподалеку защитника Чохели.

– Красотища. Тебе нравится, Гиви? – спросил его Яшин.

Приложив ладонь козырьком ко лбу, тот щурился и обозревал прибрежную долину.

– Красиво, конечно. Но в моем родном Телави лучше.

– Так уж и лучше?

– Конечно, дорогой! Алазанская долина, Кахетия, виноградники, прекрасное вино! Вот приедешь ко мне в гости – сам убедишься.

– А море там есть?

– Вот до моря далековато – триста километров. Зато река Алазани рядом течет. Вода вкусная и чистейшая! Настолько чистая, что в ней форель и кумжа водятся. Приезжай, Лев! Мы тебя всем городом встречать будем!

– Ну, раз форель и кумжа – тогда, Гиви, уговорил. Рыбалка для меня первое дело после футбола, – засмеялся вратарь. – Вот

порвем послезавтра Колумбию, потом Уругвай…

– Потом еще три игры, и домой!

– Точно…

* * *

Увы, без труда одолеть сборную Колумбии у наших ребят не получилось – матч вышел упорным и драматичным. По его ходу сборная СССР выигрывала 3:0 и 4:1, но все же умудрилась упустить победу. В итоге обидная ничья – 4:4.

– Да, товарищи, мы сами себе усложнили задачу, – сокрушался после игры Гавриил Качалин. – Югославы разобрались с Уругваем 3:1, поэтому в последнем матче группового турнира нам нужно добыть хотя бы ничью.

Чувствуя свою вину за упущенную победу, парни это понимали.

– Лев, ты как? – посмотрел старший тренер на вратаря.

Тот в матче с Колумбией получил сильнейший удар в голову и чувствовал себя не самым лучшим образом.

– Побаливает, – честно признался Яшин, осторожно потрогав ушиб.

– Я сегодня отправлю телеграмму в Спорткомитет. Попрошу выставить на матч с Уругваем запасного вратаря, а тебе дадим возможность отдохнуть и прийти в себя…

Телеграмму Качалин отправил сразу же после «разбора полетов».

Ответ не заставил себя ждать. «В воротах сборной Советского Союза должен стоять только Яшин», – категорично заявили чиновники из Москвы.

Старший тренер тут же вызвал врача команды Алексеева и его ассистента.

– Вот что, товарищи, – сказал он. – Делайте что хотите, но Лева к игре с Уругваем долен быть в полном порядке. Ясно?

– Так точно, – по-военному ответил доктор.

И принялся за работу…

* * *

Алексеев сделал все возможное: кормил подопечного витаминными препаратами, втирал в ушиб какие-то мази, массировал и даже отстранил от легкой тренировки на следующий день.

К означенному сроку Яшин был полностью готов и прекрасно отработал третий матч подряд. В заключительной игре группового турнира наша сборная сделала даже больше, чем требовалось, победив уругвайцев со счетом 2:1. Но этот матч вошел в историю мирового футбола скорее не из-за нашей победы, а благодаря беспрецедентному поступку капитана – Игоря Нетто.

При счете 1:1, всем показалось, будто Игорь Численко забил уругвайцам гол, однако мяч залетел в ворота с внешней стороны через дырку в сетке. Уругвайские футболисты тщетно пытались это доказать итальянскому рефери Чезаре Йонне, но он был неумолим. И лишь когда подошедший Нетто подтвердил их слова, гол был отменен, за что публика наградила нашего капитана бурными аплодисментами.

– Ну что ж, ребятки, молодцы, – расхаживал по раздевалке после матча довольный Качалин. – И мужество проявили, и волю к победе. И даже показали всему миру пример благородной игры. Молодцы! Сомнений не было, Игорь, когда общался с судьей? Вдруг бы не забили победный гол?

– Да какие там сомнения! – улыбнулся капитан. – Мы хоть и пропустили на пятьдесят четвертой минуте, но давили весь второй тайм. И третий могли забить, и четвертый.

– Это верно. Давили знатно. Однако расслабляться, парни, не стоит. Через четыре дня матч одной четвертой финала. А на этой стадии слабых и проходных соперников уже не остается. Все. Мойтесь, переодевайтесь и марш на пресс-конференцию. Завтра – день отдыха, послезавтра – легкая двухчасовая тренировка.

* * *

Стадион в чилийской Арике не был похож на нынешние гиганты, вмещающие под грандиозными козырьками по сотне тысяч болельщиков. Это был обычный стадион с невысокими трибунами, пятнадцатью рядами лавок «по кругу» и допотопным табло, на котором цифры менялись вручную специальными рабочими.

Однако местную публику его скромность не смущала, и болели они за своих любимцев в полную силу.

Трибуны без умолку ревели и скандировали:

– Chi-chi-chi! Li-li-li! Chi-chi-chi! Li-li-li! Vive Chili!..

Немного согнувшись и подпружинив ноги, будто готовясь к прыжку, Яшин наблюдал за мячом, перемещался по штрафной площади и покрикивал защитникам:

– Толя, низом! Низом играй! Гиви, справа держи!..

Поймав отпасованный защитником мяч, он подбежал к границе штрафной площади и выбросил его точно на ход одному из партнеров.

– Валера, давай по своей!..

Яшин привычно следил за игрой, выхватывая взглядом любое перемещение своих и чужих игроков. Поэтому на десятой минуте матча к быстрой атаке чилийцев после потери мяча в середине поля был полностью готов. Прочитав комбинацию соперников, он занял единственно верную позицию и без труда накрыл летящий в ворота мяч. Однако набегавший на возможный отскок нападающий чилийцев то ли не успел вовремя остановиться или изменить направление движения, то ли не захотел этого делать и здорово врезался ногой в голову лежащего на газоне вратаря.

Острая боль мгновенно пронзила тело от виска до поясницы. В глазах потемнело…

Сознание покинуло на несколько секунд. Очнулся Лев лежа на спине; от слепившего глаза яркого солнца его заслоняли тени чьих-то фигур.

«Врач Алексеев, тренер Качалин, Игорь Нетто», – с трудом узнал он их лица. И начал припоминать последние события: атака чилийцев, удар, бросок за мячом, набегавший нападающий… И яркая вспышка, а за ней… провал и темнота.

Удар пришелся не по старому ушибу, а по другой части головы. В ушах стоял звон, но сквозь него все же прорывались голоса товарищей по команде.

– Лев! Лев, ты меня слышишь?! – требовательно звал Гавриил Дмитриевич.

Алексеев сунул под нос ватку с нашатырным спиртом и осторожно потрогал голову повыше виска.

– Плохо дело. Похоже на сотрясение, – сказал он.

Слух постепенно восстанавливался; стали различаться звуки из внешнего мира: свист и шум трибун, голоса. Яшин поднял руку и потрогал то место, куда пришелся удар. Пальцы нащупали опухоль, под которой пульсировала вена. При каждом сокращении сердца острая боль пронзала голову от затылка до шеи.

– Лев! Лев, очнись! – теребил его руку Качалин. И тут же требовал от врача: – Ну сделай же что-нибудь – ты же доктор! – И снова поворачивался к голкиперу: – Лев, как ты?!

Опершись на руку, Яшин приподнялся, тряхнул головой.

– Где?.. Где мяч?.. Нам забили? – спросил он.

– Нет, Лев, все в порядке – ты его взял.

Посидев еще несколько секунд, голкипер попробовал

подняться с травы.

– Осторожно, не торопись, – помогал Алексеев.

Встав на ноги, Лева покачнулся.

Качалин стоял рядом, поддерживал за руку и с тревогой наблюдал за ним.

– Лев, посмотри на меня. Посмотри, – требовал он. – Как ты себя чувствуешь? Сможешь продолжить игру?

– В порядке… Я в порядке.

– Только без геройства, Лев! Ты мне еще в финале нужен.

Голкипер опять тряхнул головой, дважды набрал полную грудь воздуха и энергично выдохнул, затем совершил несколько легких прыжков.

Наконец, твердо сказал:

– Нормально. Могу играть.

Дождавшись, когда врач и тренер нашей команды покинут поле, голландский судья Хорн дал свисток и возобновил матч.

Яшин подобрал мяч, дважды стукнул им о землю, будто заново привыкая к его форме и весу. Странно, но сейчас он казался ему необычно твердым и тяжелым.

Коротко разбежавшись, Лев выполнил удар от ворот…

Никто из игроков и зрителей не заметил, как после резкого движения вратарь покачнулся и… едва устояв на ногах, сделал несколько шагов к ближайшей штанге, о которую оперся рукой.

* * *

По центру верхнего ряда длинной трибуны было устроено несколько гостевых лож для членов правительства, иностранных делегаций и репортеров. Повсюду уютный стадион, вмещавший от силы двадцать тысяч зрителей, опоясывали кольца бетонных скамеек. А в ложах были установлены удобные мягкие кресла под легким навесом. В одной из таких лож расположилась небольшая делегация из Советского Союза.

Среди журналистов, фотокорреспондентов, дипломатов сидел и Василий Григорьевич Мишурин – чиновник из Управления международных спортивных связей Комитета по физической культуре. Вид у него был покровительственный и слегка расслабленный. В руках он держал кулек, из которого угощал соседей орехами.

– Попробуйте – чилийский орех, – щедро предлагал он угощение сидящим рядом. – Жареный в шоколаде. Местный, как говорится, деликатес.

Взяв для пробы парочку орешков и закинув их в рот,

журналист со значком «ТАСС» на белоснежной рубашке вздохнул:

– Все-таки надо было дать отдохнуть Яшину. Как вы полагаете, товарищи?

– Да, после такого тяжелейшего матча с Уругваем… – согласился сидевший рядом фотокорреспондент. – Сергей Котрикадзе вполне мог бы его заменить.

Чиновник не удержался и, раздраженно скомкав пустой кулек, отрезал:

– Товарищи, Яшин может отдохнуть и во время игры! Он вратарь, и ему не требуется весь матч бегать по полю. А Чили – далеко не самый сложный соперник.

Журналист с корреспондентом переглянулись и примолкли.

– Что касается травм, то этим и отличаются советские спортсмены, – тоном великого знатока продолжил глубокую мысль Василий Григорьевич. – Они могут и должны, как говорится, играть через «не могу»…

* * *

На поле продолжался напряженный матч.

Перемещаясь по вратарской, Яшин то на секунду с силой зажмуривал глаза, то тряс головой, пытаясь подбодрить себя и вернуть прежнее нормальное состояние. По давней привычке он отслеживал движение чужих и своих игроков, однако никак не мог сфокусировать зрение: «картинка» плыла, дергалась или двоилась. А то и вовсе превращалась в какой-то сумбур.

Безуспешные попытки наладить «чтение» игры прервал резкий свисток судьи. Наши защитники сбили у угла штрафной чилийского нападающего, игра была остановлена. Чилийцы бросились к судье, требуя пенальти, так как считали, будто нарушение произошло в пределах штрафной площади.

К шумному негодованию игроков и публики, судья оставил свое решение в силе и назначил лишь штрафной, поставив мяч в метре от белой линии. Но и эта дистанция представлялась довольно опасной.

Стоя в воротах, Яшин руководил партнерами.

– Гиви, чуть левее! Еще чуть!.. Здесь. Так… Нормально…

Спустя полминуты стенка из трех игроков кое-как был выстроена. Кое-как – потому что зрение и восприятие действительности все еще подводили голкипера.

– Правее!.. Еще! – показывал он крайнему в стенке. И совсем тихо, как в бреду, повторил: – Еще на два шага… Еще…

Свисток судьи оповестил о продолжении встречи.

Разбежавшись, игрок чилийцев Санчес нанес мощный удар.

Яшин видел полет хорошо закрученного мяча. Видел, как он, словно в замедленной съемке, по крутой дуге обогнул «стенку» и устремился в правый угол ворот.

Лев не успел даже дернуться в его сторону – нарушенная и замедленная реакция с одеревеневшими мышцами не позволила бы совершить прыжок и защитить ворота. Все, что он успел сделать – лишь проводить взглядом влетавший в ворота мяч.

Дальнейшее происходило как во сне. Восторженный рев тысяч зрителей на трибунах; ликование соперников, взявших в плотное кольцо автора гола – Санчеса; мрачные лица партнеров по команде, забравших мяч и понуро бредущих к центру поля…

Но что делать? Надо было продолжать игру – времени до финального свистка еще оставалось прилично, и следовало побороться за победу.

Футболисты сборной СССР установили мяч на отметку центрального круга и принялись ждать продолжения встречи…

* * *

Меж тем на скамейке запасных сборной СССР о поражении никто и не думал – на поле играли равные соперники, и шансы на победу у наших ребят были приличные. Даже несмотря на не умолкавшие трибуны, весь матч скандировавшие:

– Chi-chi-chi! Li-li-li! Chi-chi-chi! Li-li-li! Vive Chili!..

Полевые игроки советской сборной прилагали все усилия для того, чтобы переломить ход игры и склонить чашу весов в свою сторону. В какой-то степени им это удалось – к середине первого тайма инициатива полностью перешла к ним.

На 27-й минуте вездесущий Месхи подобрал в центральной зоне мяч и без промедления отдал пас Численко. Тот без обработки произвел удар и, поразив ворота противника, сравнял счет.

И все на стадионе враз переменилось: зажглись радостью глаза у запасных игроков и тренеров советской сборной; тренер чилийцев Фернандо Риера напротив – вскочил, замахал руками и, подбежав к краю поля, принялся что-то кричать подопечным.

Голос его был настолько крепок и звонок, что рубленые фразы разносились далеко за пределами тренерской зоны.

– Что он им кричит? – поинтересовался чиновник Спорткомитета у сидевшего рядом журналиста.

– Говорит, что русские сильнее игроков чилийской сборной, что у нас лучшие в мире нападающие, – пояснил тот.

– А зачем он это им говорит?

– Не знаю. Наверное, пытается надавить на самолюбие. Напоминает, что наигранными комбинациями в вялом темпе чилийцы нас не победят. Нужна скорость и нестандартные решения. Только так они смогут взять верх над нами.

– Гонит команду, как говорится, вперед? – догадался Мишурин.

– Да, что-то вроде этого…

Настала очередь чилийцев начинать с центра поля. Судя по лицам, настрой у них был решительный, однако и наши игроки сдаваться не собирались.

Но, увы, секундная стрелка успела сделать лишь два оборота, а соперники организовали быструю и мощную атаку на ворота советской сборной после ошибки в центре Валентина Иванова.

Яшин еще не пришел в себя после удара по голове, тем не менее старался отслеживать передвижения чилийских нападающих и полузащитников. Все игроки были надежно прикрыты нашими защитниками. Все, кроме свободно перемещавшегося по центру Рохаса. Он пока оставался без мяча, однако, умело маневрируя, постоянно находил пустые зоны и предлагал себя для острого развития атаки.

Мяч уверенно вел чилийский нападающий, а наш защитник Масленкин пятился перед ним, не решаясь пойти на отбор.

– Толя! На него! – что было сил кричал ему Яшин. – Смелее на него иди в отбор, Толя!

Но тот либо не слышал, либо слишком поздно принял решение атаковать – нападающий увидел открывшегося Рохаса и отдал ему отличный пас.

Лев моментально сместился к центру вратарской. И вдруг опять почувствовал, как перед глазами все поплыло: игроков на поле стало как будто больше, мяч затерялся в частоколе ног, а шум трибун слился с голосами партнеров.

Удара чилийца он не видел. А сознание частично включилось, лишь когда мяч влетел в нижний левый угол.

Покачиваясь, Яшин стоял у штанги на ватных ногах. А со всех сторон неслось:

– Chi-Chi-Chi! Li-Li-Li! Chi-Chi-Chi! Li-Li-Li! Vive Chili!..

* * *

В пресс-центре чемпионата мира шла привычная для этого шумного и суетного места работа: стучали электрические телетайпы, корреспонденты разных стран наперебой диктовали в

трубки телефонов отчеты о матче в агентства и редакции своих газет.

Британский репортер Г. Джеффри, обозреватель французской спортивной газеты «Экип» Робер Верню и другие их коллеги, успевшие передать материалы, курили в сторонке и обменивались мнениями о состоянии игроков советской футбольной сборной. Особенно их интересовало здоровье вратаря Льва Яшина, ведь многие из них видели, какой силы удар тот получил в своей вратарской площадке и с каким трудом ему далась концовка матча.

Наш журналист в ожидании очереди к телетайпу торопливо сочинял за стойкой свое сообщение. «Сегодня на стадионе в Арике наша команда… – написал он на листе блокнота. На несколько секунд задумавшись, дописал пару строк: – …в равной игре уступила сборной Чили и выбыла из дальнейшего участия в чемпионате мира…»

Внезапно он почувствовал за спиной чье-то тяжелое дыхание. Прервав работу и обернувшись, он увидел Василия Григорьевича из Управления международных спортивных связей Комитета по физической культуре.

– Ну, и что ТАСС уполномочен заявить? – промокнув шею платком, с язвительной улыбочкой спросил тот. Не дожидаясь ответа, подвинул журналиста и прочитал: – «…наша команда уступила в равной игре…»

– А разве не так? – спросил молодой журналист.

– Зачем же вводить советских болельщиков в заблуждение, уважаемый? Нужно максимально точное объяснение неудачи! – строго выговорил Мишурин. – Вы сами пишете о равной игре, значит, не вся команда виновата, а конкретно тот, кто за двадцать минут умудрился пропустить два легких гола!

Журналист с оттенком сомнения в голосе попытался возразить:

– Но после такого удара по голове… Я вообще удивляюсь, как Яшин доиграл этот матч.

– Доиграл, значит – мог! Пишите, конечно, что хотите – диктовать я вам не имею права. Но мое мнение таково: страна должна знать своих «героев»! И, кстати, все члены делегации со мной согласны…

Василий Григорьевич исчез так же незаметно, как и появился. Журналист остался один у небольшого столика с раскрытым блокнотом. Он был растерян и сбит с толку: еще минуту назад вроде бы точно знал, что написать в отчете. А теперь…

Доводы пожилого и опытного чиновника все же подействовали: немного поразмыслив, молодой мужчина не стал

исправлять написанный текст, а просто добавил еще одно предложение, закончив свою телеграмму: «И все же напрашивается вывод о том, что в поражении сборной СССР виноват Лев Яшин, пропустивший два сравнительно легких мяча, непростительных для вратаря такого уровня».

Поставив под сообщением подпись, он посмотрел в сторону телетайпов. Один из аппаратов освободился. Схватив блокнот, журналист поспешил к нему…

* * *

Ближайшей ночью члены сборной СССР по футболу собрали свои вещи, освободили номера отеля, погрузились в автобус и отправились в аэропорт.

Водитель будто нарочно построил маршрут движения таким образом, чтобы проехать по самым освещенным и оживленным улицам города. Вряд ли управлявший автобусом пожилой чилиец хотел добавить неприятных минут нашим ребятам и скорее всего вез их к воздушной гавани кратчайшим путем. Но им от этого легче не становилось. Город шумно праздновал победу чилийской сборной. Буквально все вокруг пели и танцевали, что-то кричали и жгли бумагу, пили вино, залезали на деревья, столбы и крыши автомобилей…

Лев Яшин с серым лицом сидел возле большого окна и молча смотрел на беснующихся болельщиков.

«Это я… Я виноват в поражении… – горестно вздыхая, думал он. – В первом случае надо было лучше поставить стенку. А во втором… Наверное, и во втором случае виноват тоже я. Не могу пока сказать, в чем именно, но… раз пропустил – значит, виноват…»

Когда автобус миновал центральную часть города, он прижался лбом к прохладному стеклу и закрыл глаза.

Голова после страшного удара по-прежнему гудела. Повыше виска образовалась шишка с гематомой, и при каждом сокращении сердца в ней пульсировала острая жгучая боль.

На городских окраинах болельщиков было поменьше, тем не менее и там люди праздновали победу. На небольшой площади гремела музыка, а дальше – над высотными жилыми зданиями вспыхивали «букеты» разноцветного салюта.

Отвернувшись от ярких вспышек, Яшин провалился в сон…

Глава десятая

СССР, Москва
1962 год

Валентина с потерянным видом сидела в одном из кабинетов своей редакции. На столе перед ней лежала газета «Советский спорт». Только что она прочитала разгромную статью журналиста Мартына Мержанова, посвященную последнему матчу советской футбольной сборной на чилийском чемпионате мира.

Взгляд в который раз пробегал по одним и тем же строчкам: «…Иванов владел мячом в середине поля, но, пока он, остановившись, раздумывал, кому его отпасовать, Рохас «украл» у него мяч прямо из-под ног. Что удивительно, Рохасу никто не помешал. Он прошел вперед и метров с тридцати пяти нанес сильный удар по воротам. Яшин запоздал с броском…»

В кабинет заглянула Лида. Увидев подругу, неслышно вошла, присела рядом. В ее руке тоже была газета – свежая «Комсомольская правда».

– Уже прочитала? – вздохнув, спросила она.

Валя кивнула.

– И здесь не промолчали, – бросила девушка на стол «Комсомолку». – Еще один великий специалист по футболу – какой-то Николай Киселев.

Для освещения чемпионата мира в Чили были аккредитованы три советских журналиста: сотрудник «Советского спорта» и «Футбола» – Мартын Мержанов, репортер из «Комсомольской правды» – Николай Киселев и заведующий спортивной редакцией ТАСС – Алан Стародуб. По заведенной тогда традиции в системе информационного обеспечения все они, помимо самостоятельных авторских статей, отправляли в Советский Союз совместные коллективные отчеты – так называемые «тассовки». В «тассовке», которую они сочинили сразу по завершении злополучного четвертьфинала, после слов «запоздал с броском» было приписано, а позже прозвучало по радио на всю страну: «Пропускать такие мячи для Льва Яшина непростительно».

– Ну ведь не Лева ошибся в центре поля, а Иванов! – возмущалась Лида. – И защитники сплоховали – позволил этому… Как его?.. Рохасу беспрепятственно приблизиться к нашим воротам, выбрать позицию и нанести прицельный удар. Так почему же виноват вратарь-то?!

Валентина молчала. Представив, что сейчас переживает ее супруг, она едва не плакала.

– Очень странная логика. А еще говорят, что женщины

мыслят нелогично!.. Ладно, пойду работать – у меня еще две статьи не отредактированы, – поднялась Лидия. Приобняв подругу, спросила: – Встречать поедешь?

– Конечно, – кивнула та.

– Хочешь, вместе поедем?

– Да ладно уж… Сама встречу. Если сможешь, посиди с девчонками.

– Конечно, посижу – о чем речь…

* * *

В день возвращения сборной СССР в Москву погода выдалась под стать настроению – сырой и ненастной.

Футболисты спешно спускались по подъехавшему к самолету трапу. Естественно – ни цветов, ни оркестра, ни встречающих высоких должностных лиц. Лишь справа за ограждением под зданием аэровокзала стояла небольшая группа фотокорреспондентов, приехавших сюда вовсе не по собственному желанию, а повинуясь редакционным заданиям. Левее бесновались те, кому не терпелось бросить в сторону спортсменов несколько обидных фраз. А между этими группами жались родственники футболистов: жены, дети, родители…

Яшин вышел из салона самолета в числе последних. В руках помимо чемодана он держал традиционный букетик цветов для Валентины. Спускаясь по трапу, он искал ее взглядом.

– Лев, я здесь! – махнула она рукой.

Заметив ее, он кивнул и улыбнулся.

Молодая женщина пристально вглядывалась в лицо супруга и не могла не заметить, насколько он расстроен и подавлен.

Едва он прошел через охраняемый милицией проход в заграждении, как она бросилась к нему, поцеловала в щеку и, схватив за руку, буквально потащила к ожидавшей на привокзальной площади машине, чтоб не слышать выкрикиваемых так называемыми «болельщиками» насмешек и оскорблений…

По дороге домой Яшин немного оттаял, в основном за разговором с супругой и в расспросах о детях. Ведь совсем недавно родилась вторая дочка Елена, которую он с любовью называл Аленкой.

– Ну как наши девчонки? – интересовался он.

– Все хорошо, – прижималась Валя щекой к его плечу. – Иришка уже самостоятельная – постоянно читает, помогает мне с младшей.

– С кем они сейчас?

– Лида вызвалась с ними посидеть.

– А Володька?

– Он снова в командировке…

Приехав домой, супруги поднялись по лестнице. Тихонько войдя в квартиру, Яшин оставил чемодан в коридоре, разулся и на цыпочках подошел к спальне. Заглянув в приоткрытую дверь, улыбнулся. Иришка спала в своей кроватке, а Лида прилегла на кровать с младшей Аленкой.

Подошедшая сзади Валентина обняла его.

– Не буди, пусть спят, – прошептала она. – Пойдем ужинать. Я кашу сварила – как ты любишь.

Включать верхний свет они не стали. В зале горел торшер, а на кухне – настенное бра. Супруга поставила в вазу привезенные Львом цветы, достала из шкафчика тарелку…

Яшин снял пиджак.

– Что-то неохота, Валь, есть.

Намереваясь повесить костюм, он подошел к шкафу. Но в этот момент сбоку, нарушив тишину, что-то сильно грохнуло. Это с жутким звоном разбилось оконное стекло, а на стол, уронив вазу с цветами, упал большой булыжник, прилетевший с улицы.

Из спальни тотчас выскочила Лида и послышался детский плач.

Схватив камень, Яшин бросился к входной двери, в несколько прыжков преодолел лестничные марши…

Во дворе горело два фонаря и… никого не было. Лишь в подворотне мелькнули чьи-то тени и донесся топот убегавших людей.

Постояв у подъезда, Лев в сердцах отбросил булыжник, побрел домой…

В квартире, стараясь не шуметь, Валентина с Лидой собирали с пола осколки разбитого стекла. Детей они успокоили, дыру в окне заткнули подушкой. При появлении мужа, Валя на миг прервалась и с тревогой посмотрела на него.

– Не волнуйся, не догнал я их, – ответил он на немой вопрос. – Как девчонки?

– Уснули, – шепотом ответила супруга.

Пройдя на кухню, Яшин уселся за стол, поправил скатерть…

Воссоединившись с семьей, он почувствовал, что на душе становится легче, обидное поражение в последней игре уходило на второй план. А тут прилетело новое напоминание от «доброжелателей». Внутри все клокотало от возмущения, ладони дрожали. Но выпускать это наружу он не хотел.

Придвинув к себе тарелку, Лев Иванович с нарочитым

спокойствием принялся есть кашу. Лида решила не мешать супругам и собиралась в прихожей домой. Валя села напротив мужа и тоже попыталась сделать вид, будто ничего плохого не происходит.

Но… не вышло. Эмоции взяли верх – уронив голову на руки, она заплакала.

Встав, Яшин подошел, обнял ее за плечи.

– Ну-ну-ну, брось… Вставим стекло – делов-то…

Резко качнув головой, Валентина порывисто поднялась, вынула из шкафчика газету и положила на стол перед мужем.

– Там… На четвертой полосе…

Лев развернул газету и среди спортивных новостей прочитал крупный броский заголовок: «В поражении сборной виноват Яшин».

Пробежав статью, он вздохнул:

– Ну что ж… все правильно.

– Не смей так говорить! – негромко, но эмоционально возразила жена.

– Почему? Это же правда.

– Все равно! Даже если ты и виноват – так нельзя! Никто игры не видел, а говорят и пишут, словно сидели на трибуне в первом ряду!

– Да пусть говорят, – тяжело поднялся Лев Иванович.

– Что значит, «пусть говорят»?! Почему всю вину за поражение сваливают на тебя?!

– Не знаю, – вздохнул он. – Ладно, Валь, поздно уже. Пойдем проводим Лиду и будем укладываться спать…

* * *

По улицам вечерней Москвы сквозь моросящий дождь ехала черная «Волга». На заднем диване служебного автомобиля удобно устроился Василий Григорьевич Мишурин из Управления международных спортивных связей Комитета по физической культуре. Рядом сидел Гавриил Дмитриевич Качалин.

От самого аэропорта ехали молча, каждый думал о своем. Наговориться и поспорить они успели в салоне самолета, пока команда и делегация возвращалась на Родину.

Наконец Мишурин прервал молчание.

– Гавриил Дмитриевич, я и сам прекрасно понимаю, что виноват не один Яшин, – поморщившись, сказал он. – Но… и вы поймите: отвечать за такое, как говорится… должен кто-то… персонально.

Качалин вздохнул:

– Я понимаю, что в поражении виновата вся команда. И я как тренер – в первую очередь.

– Все – это никто, Гавриил Дмитриевич. Да и зачем нам всю команду хоронить? Впереди чемпионат Европы… У нас молодая талантливая команда. А Яшин… он все равно свое уже отыграл.

– Яшин, Василий Григорьевич, и есть команда. Саша, – тронул Качалин водителя за плечо, – останови здесь на углу – я приехал.

«Волга» подвернула к тротуару вблизи пустого перекрестка. Подхватив плащ и портфель, старший тренер сборной покинул салон, даже не попрощавшись с чиновником.

Авто умчалось по освещенной фонарями улице. Качалин сделал несколько шагов в сторону дома, затем остановился и в мрачной задумчивости сел на мраморный парапет.

По-прежнему моросил мелкий дождь, а он сидел и, покусывая губы, размышлял о дальнейшей судьбе Льва Яшина…

* * *

Моросивший всю ночь дождь закончился. Слой серых облаков приподнялся, стал реже; изредка сквозь них проглядывало солнце.

Утром Лев Иванович спустился по лестнице и вышел из подъезда во двор. Пенсионеры, как всегда, ни свет ни заря оккупировали лавочки вокруг самодельного стола и стучали по нему костяшками домино.

Проходя мимо, Яшин привычно поздоровался. Однако старики встретили его неодобрительными взглядами и не ответили на приветствие. А дворник Михалыч и вовсе презрительно сплюнул вслед.

Голкипер подошел к своей машине и в недоумении остановился.

Все колеса были спущены, а на лобовом стекле красовалась свежая надпись: «Яшин – дырка!»

Вздохнув, Лев Иванович направился к ближайшей автобусной остановке…

* * *

На кухне в квартире Яшиных работало радио. В зале со своим нехитрым инструментом копошился пожилой стекольщик, меняя

в окне разбитое накануне вечером стекло.

– Ну вот, на сегодня, кажется, все, – сняв очки и собрав свою сумку, доложил он хозяйке.

– Что значит «на сегодня»? – протягивая ему купюру, спросила она. – Я думала, вы все закончили.

– Именно на сегодня, – повторил он. – А обо всем, как говорят в Одессе, не может быть и речи. Я так полагаю, дамочка, что это только начало…

Кивнув, он сунул деньги в карман фартука и, подхватив деревянный столярский ящик, усталой шаркающей походкой побрел в прихожую…

Простившись со стекольщиком, Валентина прямиком направилась в ванную комнату, набрала в ведро теплой воды, насыпала стирального порошка и, подхватив тряпку, вышла в подъезд. Уже пару дней его стены «украшали» похабные надписи в адрес супруга…

* * *

До начала интереснейшего матча на стадионе «Динамо» оставалось несколько минут. Сидя на привычном месте в комментаторской будке, Николай Николаевич Озеров как всегда предварял матч короткой вступительной ремаркой.

– …Последнее время и динамовцы, и армейцы заметно нарастили мощь своих оборонительных линий, – не спеша говорил он в микрофон, посматривая на пустующее поле. – Поэтому нас ждет принципиальное противостояние, тем более что обе команды в нынешнем сезоне по праву претендуют на чемпионский титул. И вот наконец на поле появляются игроки…

Под звуки футбольного марша команды выходили на зеленый газон стадиона. Диктор объявлял по трансляции состав команд.

– Московское «Динамо»: номер один – Лев Яшин; номер два…

Услышав фамилию Яшина, трибуны взорвались криками и свистом. Голкипер же, опустив голову и ссутулив плечи, направился от центрального круга к воротам, которые предстояло защищать. Партнеры пытались подбодрить, поддержать, да разве ж возможно успокоить, когда со всех сторон неслось:

– Яшин, давай на пенсию!

– Яшин – с поля!

– Яшин – дырка!..

Игроки обеих команд распределились по полю, заняли свои позиции. Судья поставил мяч на центр и, стоя в двух шагах, посматривал на секундомер…

Лев был мрачнее темного свинцового неба, нависшего над Москвой. Встав в воротах, он дождался свистка судьи, известившего о начале матча, и попытался привычно настроиться на игру. Не получалось…

Присутствовал на этом матче и Володя Шабров. Став свидетелем нерадушного приема своего старого друга, он чувствовал себя не в своей тарелке – будто обидные фразы в адрес Льва кричит не кто-то, а он сам.

Сидящий по соседству молодой парень оглушительно свистнул и, сложив ладони рупором, заорал:

– Яшин, кепку свою забыл – мозги простудишь!

Шабров не выдержал и одернул:

– Что ты себе позволяешь?! Это же Яшин!

– Был Яшин, да весь вышел, – процедил тот сквозь зубы.

После очередного едкого и обидного выкрика в адрес Яшина, сдали нервы у Численко. Подбежав к трибунам, он погрозил кулаком и в бешенстве что-то прокричал болельщикам.

Однако голос его потонул в оглушительном свисте…

* * *

В бытовке одного из цехов Тушинского номерного завода рабочие собрались у купленного на общие деньги телевизора. На экране транслировался принципиальный матч между «Динамо» и ЦСКА. Рабочие яростно болели, вскакивали со стульев, обменивались репликами.

В бытовку неслышно вошел отец Яшина – Иван Петрович. Всю жизнь проработав на этом заводе, он давно стал слесарем высшей квалификации и незаменимым работником; имел немалый авторитет не только у начальства, но и в простой рабочей среде.

– Какой счет, народ? – спросил он, подойдя к своему шкафчику и вытирая ветошью руки.

– Пока ноль – ноль, – откликнулся мастер. – Садись, Петрович, поболеем.

Иван Петрович присел на край лавки. В этот момент транслировался эпизод, когда игра шла в центре поля. Но вот защитник «Динамо» отпасовал назад вратарю, и, как только мяч оказался в руках Яшина, стадион тотчас взорвался криками и свистом.

– А чего там так орут-то? – не понял старый слесарь. – Вроде никаких комбинаций и опасных моментов…

Сидевший на другом конце лавки рабочий хохотнул:

– Левку твоего приветствуют, Петрович. За Чили благодарят.

Нахмурившись, отец Яшина поднялся и, направляясь к выходу, посоветовал:

– Рот закрой – а то как бы чего не залетело…

* * *

На радиостанции, где работала Валентина, заканчивался рабочий день. Последний выпуск новостей прошел без накладок, материал на следующий день был приготовлен и отредактирован. Валя внесла в текст последние правки, еще раз прочитала его от начала до конца и отправилась в студию.

Лида и несколько работников сидели у репродуктора и слушали трансляцию матча «Динамо» – ЦСКА. Из динамика доносился голос Озерова.

– …Да, негостеприимно сегодня встречают болельщики своего недавнего кумира. Что поделаешь, такова спортивная жизнь: сегодня радость победы, а завтра горечь поражения. Однако, что бы там ни было, что бы ни случалось – не стоит забывать об элементарной порядочности и благодарности в адрес тех, кто еще недавно составлял славу советского футбола…

Сотрудники радиостанции обеспокоенно поглядывали на Валентину, замершую с текстом возле стола.

Не дослушав, та бросилась к двери и покинула студию…

Спустя полчаса она выскочила из такси, остановившегося напротив входа на стадион «Динамо». Всю дорогу в машине работало радио, и таксист увлеченно слушал репортаж о матче. И сейчас вслед молодой женщине, покинувшей салон автомобиля, неслись фразы Озерова:

– …В невысоком темпе проходит сегодняшний матч. Несомненно, причиной тому являются травмы ряда ведущих игроков. А также неясно пока, чем была вызвана замена Льва Яшина – основного вратаря «Динамо»…

Валя подлетела к служебному входу, дернув за ручку, распахнула дверь, намереваясь бежать дальше.

Но неожиданно перед ней возник рослый охранник.

– Гражданка, вы куда?

– Я к мужу! Мне срочно!

– К какому мужу? Он здесь работает?

– Я жена Льва Яшина. Пропустите, пожалуйста, – взмолилась женщина.

– Еще одна! – даже не пошевелился верзила. – Там уже полстадиона его родственников.

– Да как вы смеете?! Хам… трамвайный!

В это время за спиной охранника появился Шабров. Расстроенный и мрачный, он решил покинуть матч сразу после того, как с поля ушел его друг.

Оценив ситуацию, он рявкнул на воротного стража:

– А ну, быстро пропустил!

Обернувшись, охранник увидел крепко сложенного Шаброва и беспрекословно отступил на два шага в сторону.

А Валентина, бросившись к другу семьи, уткнулась в его грудь и расплакалась:

– Ну, что же это такое, Володя?! Как можно так поступать с человеком?!

Тот приобнял ее:

– Валюша, не надо тебе туда.

Упрямо мотнув головой, она оттолкнула Шаброва и побежала по темному коридору…

Вырвавшись из лабиринта подтрибунных помещений, она в растерянности остановилась – впереди было огромное поле, залитое огнями осветительных мачт.

Определив, где ворота «Динамо», молодая женщина тревожно всматривалась в защищавшего их человека. Но вместо мужа в них стоял запасной вратарь – Беляев.

Ее охватила еще большая тревога, граничащая с отчаянием.

Заметив у скамейки запасных наблюдавшего за матчем старшего тренера «Динамо» Пономарева, она кинулась к нему.

– Где он? – воскликнула она, схватив того за руку.

Оглянувшись, Александр Семенович узнал супругу Яшина. И сказал как-то буднично, словно ничего не произошло:

– А-а, это вы. Не знаю… Попросил замену, ушел в раздевалку.

– И вы его отпустили?!

– Ну, он взрослый мужик, – пожал тот плечами. – Я же ему не нянька…

Валя хотела спросить еще о чем-то, но тренер уже отвернулся. Бессильно опустив руки, она пошла к входу в подтрибунные помещения…

* * *

Валентина сидела за кухонным столом и пыталась читать книгу. Дети давно спали, так как время было позднее. Точнее – очень позднее. Супруг никогда так долго не задерживался. Даже в те дни, когда команда в полном составе отмечала свои победы, спортивные праздники или чьи-то юбилеи.

Взгляд пробегал по строчкам, но смысла написанного Валя не

улавливала – мысли постоянно возвращались к мужу и навалившимся на него проблемам…

Так и сидела в полузабытьи, пока из общего коридора не послышался странный грохот.

Вначале она испуганно вздрогнула – подобного шума за входной дверью никогда не случалось. Затем, резко вскочив, она помчалась отпирать дверь.

Кое-как справившись с замком, распахнула ее и… обомлела. Лев лежал на полу и пытался встать, но сверху на нем лежали упавшие соседские вещи: велосипед, раскладушка и еще что-то…

Общая дверь в подъезд была открыта. На ней свежей яркой краской было выведено: «Яшин – дырка».

– Вот зараза… Понаставили тут… – ворчал Лева, пытаясь сбросить с себя барахло и подняться.

– Ты где был? – дрожащими губами произнесла Валентина.

– А-а, Валюша… Ты извини, я тут… немного пошумел…

Щелкнул замок, дверь напротив приоткрылась.

– Что случилось? – испуганно спросила соседка.

– Всполошились… – безуспешно пытался подняться Яшин. – Зояякльна, все путем. Не волнуйтесь…

Соседка строгим голосом выговорила:

– Валентина Тимофеевна, должна вас предупредить: если эти безобразия не прекратятся, то я обращусь…

Бросившись к соседской двери, Валя резко ее захлопнула.

– А ну, вставай! – вернулась она к мужу.

– Я пытаюсь, Валь…

– Держись за меня, – решительно принялась она за дело.

Поднять Льва, учитывая разницу в габаритах и весе, было непросто.

– Да что же ты?.. Ну… Держись крепче… Давай-давай, потихоньку… Прямо… Вот так… молодец…

Она с трудом вела его по коридору. Он же, навалившись на нее всем телом, едва переставлял ноги.

– Вот он… идет… гордость советского футбола!.. – громко вздыхал Яшин, одной рукой держась за жену, другой опираясь о стенку.

– Тихо, тихо. Не шуми…

– Гордость… между прочим. Но это так, в прошлом… А сейчас – просто дырка, – посмеивался он, очутившись наконец в квартире. – Надо же – дырка. И больше ничего.

Упав на стул в прихожей, Лев достал из пачки папиросу, но супруга выхватила ее и потащила его дальше – в ванную комнату…

Через минуту он по пояс раздетый стоял, согнувшись над

ванной; Валентина поливала его голову из душа прохладной водой.

– Все, садись, – закрыла она краны. – Полегче?

Он действительно чувствовал себя лучше. Усевшись на край ванны, Лев вытирал волосы полотенцем и негромко приговаривал:

– Ты бы слышала, как они кричали: «Яшина – с поля! Яшин – на пенсию!» Я думал, что они любят и ценят красоту игры, а им нужны только победы! Победы и точка! А для кого я играю, Валя?! Я ведь для них играю!

– Знаю, знаю… Нужно подождать немного, и все забудется. Все пройдет.

– Не пройдет… Уеду я, Валь. Завтра уеду.

Она насторожилась:

– Куда это ты надумал?

– А к Мишке Галунову. Точнее, к бабке его – в подмосковную деревню. Не могу я тут больше.

Валентина внимательно посмотрела в его глаза, подумала. И сказала:

– Ну и правильно.

Криво усмехнувшись, он мотнул мокрой головой.

– Ну надо же… А я думал – не отпустишь. Что, такой Яшин тебе тоже не нужен?..

Он хотел сказать что-то еще, но не успел, получив от супруги звонкую пощечину.

Дверь закрылась за вышедшей Валентиной, а Яшин так и остался сидеть на краю ванной, размышляя и потирая покрасневшую щеку…

* * *

Всю ночь Лев ворочался на узкой скрипучей кровати; глядя в темный потолок, вспоминал свою жизнь. Окно было приоткрыто, полинялая занавеска изредка покачивалась от дуновений слабого ветерка.

Деревенский домишко Галуновых состоял из сеней, горницы и двух крохотных спален. Постаревшая мама Михаила встретила тепло и наотрез воспротивилась тому, чтобы гость спал в горнице на сундуке.

– Там моя мама спит – ей на сундуке-то привычно. А ты вон какой высокий – разве на нем поместишься? – посмеивалась она, застилая свежее постельное белье.

Пришлось согласиться – кровать и та была коротковата, а уж

на сундуке ему действительно пришлось бы помучиться.

Воздух в деревне пьянил свежестью; на тенистой улочке, что тянулась мимо палисадника, было удивительно тихо. И все же спалось Льву плохо. Хоть и ложился рано, а все одно не оставляли беспокойство и переполнявшие мысли. Вставал еще до зорьки; стараясь не шуметь, одевался, брал снасти, отламывал ломоть каравая и отправлялся рыбачить на речку.

Вот и сегодня, провозившись и подремав лишь пару часов, он поднялся с постели, натянул брюки и свитер. Осторожно выйдя в горницу, подошел к столу, на котором едва просматривались остатки ужина. Нащупав под газеткой хлеб, отломил краюху.

– Чего опять в такую рань? – послышался голос старой женщины – бабушки Мишки Галунова.

– Да порыбалю на утренней зорьке, – тихо ответил Яшин.

Вздохнув, женщина перевернулась на другой бок.

– Неделю уж рыбалишь, а хоть бы на уху наловил.

Лев бесшумно выскользнул в сени, взял стоящие в углу удочки и спустился по ступеням крыльца во двор…

* * *

Ранним утром – едва на востоке просветлело небо – Яшин пришел с удочкой на берег неширокой речки. Выбрал тихую заводь, бросил наземь кусок старого брезента, расположился. Раскрыв авоську, разложил рядом снасти.

Вокруг ни души; тихо и безветренно. По-над водой стелется туман. Закинув удочку, Лев Иванович глубоко вдохнул свежий прохладный воздух и, глядя на поплавок, стал размышлять о своей жизни…

«Вот я и сбежал из города. Как и хотел… Ни телефона, ни телеграфа, ни телевизора с радиоприемником – никакой связи с внешним миром. Галуновых попросил не рассказывать обо мне соседям. Никто не беспокоит. Тишина и спокойствие. В кои веки остался совсем один: прогулки по лесу, грибы, рыбалка… – горестно усмехался он. – Один… Совсем один… Раньше постоянно был кому-то необходим. Без меня ни один матч не обходился, ни одна тренировка. А теперь? Теперь Яшин – дырка. Кому я такой нужен?..»

После неудачи в Чили он оказался на распутье: или продолжать играть, каждый матч, выслушивая обидные оскорбления болельщиков, или закончить карьеру.

Первый вариант, памятуя о последней игре, душу не грел – всякий раз переносясь в тот день, Лев ощущал леденящий грудь

озноб. И желание поскорее покончить с большим футболом.

Второй вариант, конечно, был предпочтительнее, учитывая то, что динамовское ведомство своих в беде не оставляло. Конечно же, Яшину хотелось бы остаться при деле. В футболе. Лучше всего тренировать вратарей в спортивной школе «Динамо». Но возьмут ли? Для игрока клубной команды – вроде уже староват. А для тренера – еще молод…

Лев Иванович и сам не заметил, как за тягостными раздумьями опустил на грудь голову и задремал…

Сон был глубоким, но беспокойным, ярким. Вначале он будто почувствовал, как чья-то рука легла на плечо. Обернувшись, увидел отца. Еще молодого, тридцатилетнего, полного сил.

– Курни, сынок, – протянул он дымящуюся самокрутку, – а то совсем заснешь у станка и, не ровен час, без пальцев останешься.

За спиной отца ни реки, ни леса, ни ясного неба. И слева, и справа за ним виднеются туманные заснеженные поля, среди которых под тяжелыми свинцовыми облаками строятся корпуса военного завода. Кругом на вытоптанном снегу стоят станки, механизмы, суетится народ под красным транспарантом: «Все для фронта, все для победы!» Несколько станков уже успели разместить под навесом-времянкой, за одним из них работает он сам – юный двенадцатилетний мальчишка. Отец рядом. Подбадривает, похлопывает по плечу:

– Молодец, сын! Две смены отработал, как взрослый!

– Да я уже и в самом деле большой, батя! – возражает чумазый Лева.

И вдруг отца уже нет. Вместо него взад-вперед прохаживается тренер заводской команды Чечеров – инвалид войны без руки со штопаным-перештопаным мячом под мышкой. Его хрипловатый голос выплывает, словно из небытия:

– Так… значит, распределились. Все позиции распределили, кроме вратаря. Кто пойдет на ворота?

Пацаны молчат. Никто не хочет стоять на месте и защищать ворота.

– Стало быть, поступим так… Кто самый большой – тому и на ворота!

Яшин стоит перед ним в шеренге своих сверстников; среди них он действительно самый высокий – на голову выше соседей.

– Не хочу я в ворота! – оглянувшись на товарищей, упрямо возражает Лева. – Товарищ Чечеров, я во дворе нападающим был! Я хорошо играл в нападении – честное слово!

Но тот не слушает и выбрасывает мяч в центр площадки.

Начинается игра…

Мальчишки носятся ватагой по небольшой площадке.

И вдруг Яшин замечает, как незамысловатая детская игра, когда все разом устремляются к мячу, толкаются и мешают друг другу, неумолимо превращается в игру взрослую, осмысленную и техничную. Вытоптанная площадка становится большим ровным полем, покрытым сочным зеленым газоном и яркой белой разметкой. Все по-взрослому. Все по-настоящему. Мальчишки, будто по мановению волшебной палочки превращаются в больших и мастеровитых игроков. Вокруг стадиона обустроены трибуны, на которых полно болельщиков, громко и безостановочно скандирующих: «Chi-Chi-Chi! Li-Li-Li! Chi-Chi-Chi! Li-Li-Li! Vive Chili!..»

Сам Лев стоит на воротах, и к нему по центру приближается с мячом чилийский форвард. Удар! Мяч стремительно летит в его сторону, а он не может сойти с места. Группируется, пытается оттолкнуться от земли и исполнить прыжок, чтобы защитить угол, в который летит мяч, и… не может.

* * *

Вздрогнув, Яшин проснулся, поднял голову, огляделся.

Он все так же сидел на берегу речки, держа в руках удилище. На мелкой водной ряби покачивался поплавок, вокруг царили тишина и умиротворение. Разве что солнце успело оторваться от горизонта и выглядывало слева из-за молодого березового леса.

Внезапно он почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернувшись, заметил двух деревенских пацанов, стоявших шагах в двадцати. Одному лет десять, другому и того меньше. Младший ковырял пальцем в носу и не сводил с него глаз.

Яшин кивнул им, но те даже не повели ухом.

«Клюет! – заметил он порывистые движения поплавка. – Наконец-то начался клев!..»

С увлечением занявшись, наконец, рыбной ловлей, вратарь забыл о местных пацанах. А когда вновь обернулся, их уж и след простыл…

К полудню баночка с накопанными в палисаднике червями опустела. Лев Иванович заглянул в небольшое ведерко – улов был невелик: пяток окуньков и три карасика. Но он всегда ценил рыбалку не из-за возможности наловить много рыбы. Ему нравилась первозданная тишина, свежий воздух и единение с природой. А еще подкупала возможность неторопливо подумать, вспомнить свою жизнь, проанализировать поступки, помечтать.

Еще разок полюбовавшись поднимавшимся над лесистыми холмами солнцем, он смотал лесу и начал собираться в обратный

путь…

Подхватив удилище, авоську и ведерко, Лев Иванович осмотрел свое местечко: не забыл ли чего? И вдруг снова почувствовал, что поблизости кто-то есть.

Оглянулся. И верно – шагах в пятнадцати опять стоят деревенские пацаны. Только на сей раз пятеро.

Вздохнув, Яшин зашагал по тропинке к проселку, проложенному вдоль бесконечных полей до самой деревни…

* * *

Ватага не отставала. Так и шли: впереди Лев Иванович с удилищем на плече и ведерком в руке, а позади на почтительном расстоянии – пацаны. Причем постепенно их количество каким-то непостижимым образом увеличивалось.

Когда до деревеньки оставалось пересечь последнее поле, Яшин остановился перекурить.

И тут один из пацанов крикнул:

– Дядь, а дядь!

– Чего? – пыхнул он дымком.

– А ты правда Яшин?

– Ну, Яшин. А что?

Другой – белобрысый и весь в веснушках – мастерски сплюнул через дырку в зубах.

– А чем докажешь?..

Спустя несколько минут на поле соорудили двое ворот из подручного материала: ведерка, палок, полусгнившего пенька.

Пацаны гурьбой носились за мячом – точь-в-точь как в яшинском детстве. А сам Лев Иванович стоял на воротах и руководил игроками.

– Кому сказал: не сбиваться в кучу! Распределитесь по полю и играйте в пас!

Голос его разносился над полем и тонул в детских криках.

Но он в запале продолжал подсказывать:

– Нападающие – используйте фланги! Защита! Куда опять всей толпой на одного побежали?! Один атакует, второй страхует!..

Двигавшаяся ватага мальчишек внезапно повернула в его сторону. Толкаясь и не слушая его советов, она набежала на ворота, подмяв под себя и штанги, и вратаря.

Пока мяч, пинаемый полудюжиной ног, закатывался в импровизированные ворота, Яшин лежал на траве и заливался счастливым хохотом. Впервые за последние дни он позабыл о

пропущенных в Чили голах, о холодном приеме на родине, о травле болельщиков и об их ужасных выходках.

Солнце уж перевалило зенит, а Яшин со стайкой простых деревенских пацанов все гонял и гонял мяч по полю…

Глава одиннадцатая

СССР, Москва
1962 год

Пожив некоторое время среди великолепной природы и простых незлобивых людей, Лев Иванович успокоился, привел нервы в порядок. И чем дальше отодвигало его время от футбола, тем чаще он тосковал по мячу, по команде, по футбольному полю и пахнущей городской пылью траве.

Еще раз взвесив все «за» и «против», Яшин собрал вещички, простился с гостеприимными хозяевами, у которых проживал в деревне, сел в машину и отправился в Москву.

– Как ты? – обняв супруга и с надеждой взглянув в его глаза, спросила Валентина.

– Ты знаешь, я снова хочу играть в футбол, – ответил он.

– Я была уверена: пожив вдали от столицы, ты успокоишься, придешь в себя, и все наладится.

– Как наши девчонки?

– Нормально, – улыбнулась Валя. – Каждый день спрашивают, когда папа вернется.

– Ну вот я и вернулся…

Повесив в шкаф пиджак, Яшин кивнул на стопку газет «Советский спорт».

– Что пишут?

– Ничего особенного. Негативная волна улеглась, в основном обсуждают чемпионат страны…

В этот же день, повидавшись с дочками, Лев Иванович поехал к старшему тренеру «Динамо» Пономареву и заявил едва ли не с порога:

– Хочу играть!

Александр Семенович был не только выдающимся форвардом, талантливым тренером, но и отличным психологом. Внимательно посмотрев в горящие глаза голкипера, он спокойно сказал:

– Что ж, Лев, раз есть желание – приступай к тренировкам.

– Хотелось бы прямо с завтрашнего дня.

– Вот утром и подъезжай. Отъезд автобусов на базу как всегда в десять часов пятнадцать минут…

Домой Яшин ехал счастливый. Он столько раз представлял этот сложный разговор с руководством, столько обдумывал вариантов. А получилось все просто и по-человечески.

– Да… наш Семеныч – душа-человек. Устал играть – не проблема, поезжай отдохни. Хочешь снова в строй –

восстанавливай форму и вперед, – улыбался и бормотал Лев Иванович, управляя автомобилем. – Как же мне повезло в жизни с тренерами!..

* * *

Над восточной окраиной Москвы медленно поднималось солнце, освещая трепетавшие на ветру разноцветные флаги у главного входа стадиона «Динамо».

Утро очередного дня начиналось по заведенному распорядку. У ворот стояло два автобуса: современный и сверкавший новенькой краской – для основного состава клуба, и старенький с потертыми боками и выцветшей краской на крыше – для дублирующего.

Игорь Численко с большой спортивной сумкой на плече остановился у раскрытой дверцы нового автобуса.

– Лев Иванович, давай со мной! – крикнул он курившему неподалеку Яшину. – Я тебе место занял!

Это была одна из первых тренировок вернувшегося в Москву Льва Ивановича. Улыбнувшись, он выкинул в урну окурок.

– Да не… Мне не сюда. Мне – теперь вот куда, – указал он на тарантас дубля.

И, подхватив свой чемоданчик, направился к его дверце.

Численко удивленно посмотрел на Витю Царева:

– Неужели его перевели в дубль?

– Ну, а как ты хотел? Он же и вес лишний набрал, да и мышцы подразмякли.

– Говорят, будто в деревне у друга детства жил.

– Точно. Где-то в Подмосковье. Ну ничего… Поиграет немного, восстановится и вернется в «основу».

– Староват он для дубля. Тебе не кажется? Там же одна молодежь бегает…

– А Льву все равно – лишь бы играть, – пожал плечами Царев.

Составы клуба расселись по автобусам.

Дважды фыркнув и выпустив клуб сизого дыма, видавший виды транспорт тронулся и, неуклюже раскачиваясь, поехал в сторону московской окраины…

После войны столица быстро отстраивалась и расширялась – путь до тренировочного стадиона предстоял неблизкий. Сидя у окна, Яшин любовался новыми проспектами, кварталами, жилыми комплексами и размышлял о чем-то своем.

Молодые футболисты переговаривались меж собой на отвлеченные темы, но при этом часто кивали на ветерана и

незаметно посмеивались. Эти улыбочки подмечал в зеркало заднего вида пожилой водитель Мироныч; при этом он вздыхал и неодобрительно покачивал головой…

Выходить из дому, чтобы поспеть к отъезду автобуса, приходилось рано, и Лев Иванович частенько не высыпался. Потому вскоре, разомлев от согревавших лучей утреннего солнца, задремал…

Разбудил его громкий голос одного из молодых футболистов – высокого и симпатичного Василия:

Наша молодость вышла на поле,
Загораются тысячи глаз,
Весь наш город сейчас на футболе,
Он душою болеет за нас!

Пел Василий неплохо. Приятным баритоном он вывел первый куплет, после чего остальные парни дружно подхватили припев:

Футболисты, в наступление!
Мы, как буря, грозны в нападении,
А в защите, как стена,
Так учила нас война.
Дружбой молодость сильна!..

Внезапно Мироныч ударил по тормозам. Подвернув вправо, автобус замер у тротуара неширокой улочки. Голоса утеряли силу, песня оборвалась.

Яшин в недоумении закрутил головой. За свою продолжительную спортивную карьеру он многократно ездил по данному маршруту и не припоминал, чтобы Мироныч останавливался, не доехав до места назначения.

Выбравшись с водительского места, пожилой водитель вошел в салон.

– Спи, спи, Лев, – все в порядке, – сказал он, проходя мимо.

Почувствовав неладное, молодежь и вовсе примолкла. Прекратилось не только пение, но и разговоры, шепот.

– Вы что, не видите – человек спит! – грозно навис шофер над солистом.

Кто-то из молодых людей ответил:

– Нет, не видели.

– Значит так, хор Пятницкого, еще одно выступление и пойдете на тренировку пешком. А заодно и с тренировки! Усекли?

– Усекли, – буркнул певец. – Если ему не нравится – можем и не петь.

– Не «ему», а Льву Ивановичу Яшину, сопляки. Вы все вместе мизинца его не стоите.

Махнув рукой, Мироныч развернулся и отправился к водительской кабинке.

Автобус продолжил движение и спустя минут двадцать остановился у входа на территорию тренировочной базы. Дверца со скрипом открылась; похватав сумки, молодые футболисты устремились на свежий воздух.

Открыв глаза, Яшин не торопился покидать салон. К чему спешить, если до начала тренировочных занятий еще добрых полчаса? Как раз, чтобы дошагать до раздевалки, спокойно облачиться в спортивную форму и выйти на поле.

Мимо него по узкому проходу между сидений торопливо прошмыгивали игроки дубля. Последним проходил главный солист – Василий. Поравнявшись с Яшиным, он вдруг остановился.

– Лев Иванович, мы тут пошумели маленько, – виновато произнес он. – Как-то нехорошо получилось. Разбудили… Вы уж не сердитесь.

– Да ладно, вы хорошо пели, – махнул рукой вратарь. – Я и сам петь люблю.

Облегченно выдохнув, Василий выскочил из автобуса.

Поднялся со своего места и Яшин. Подхватив реликвию – подаренный Хомичем чемоданчик, он направился к передней двери.

Возле водителя задержался:

– Мироныч, ну чего ты накричал на них? Молодые же – хочется порой и подурачиться. А так вполне нормальные ребята.

Тот по-стариковски возразил:

– Знаешь что, Лев, пусть думают в следующий раз и дурачатся в другом месте! И старших смолоду уважать научатся!

– Ну да, ну да, – улыбнулся Яшин, спускаясь по ступенькам. – А поют все равно неплохо…

* * *

Александр Семенович Пономарев нередко посещал матчи дублирующего состава – присматривался к молодежи и подбирал кандидатов для игры в основном составе. Поглядывал он и на ветерана команды – Яшина.

– Отлично «рамку» защищает, – поймав его взгляд,

обмолвился тренер дубля. – Вся команда им довольна.

– Когда Яшин на поле – за тылы всегда спокойно, – ответил Пономарев.

– А чего ж в «основу» не вернете?

– Рановато.

– Почему? – не понял коллега. – Вес он скинул, форму набрал.

– Ты реакцию столичной публики на его появление на поле помнишь?

– А, ты об этом.

– Исключительно об этом. В воротах он стоит, как и прежде, – превосходно. Но если опять встретят, как после Чили, то человек может сломаться навсегда.

– Согласен…

В этот момент у ворот динамовского дубля возникла суматоха: соперники организовали грамотную атаку, а защитники заметались по штрафной, пытаясь ее прервать. В итоге по воротам Льва Ивановича в течение нескольких секунд было нанесено три удара. И все их он успешно отбил, а в последнем прыжке перевел мяч на угловой. Динамовцы получили возможность перевести дух.

– Видал, что творит, а? – улыбнулся тренер дубля. – Прям как в лучшие годы!

Глядя на яшинские кульбиты, потеплел лицом и Пономарев.

– Молодец, Лев, – кивнул он. И спросил: – Как он на тренировках?

– Все бы так тренировались, как он. Как говорится: и в жару, и в холод, и в зной. До седьмого пота. Между прочим, он и молодежи тон задает. Глядя, как он выматывается, и они не стоят в сторонке.

– Наверное, и по воротам постучать просит?

– Каждую тренировку стучат – часа по два.

– Значит, нормально наш ветеран с молодыми контактирует?

Тренер дубля подивился вопросу:

– Да откуда же взяться проблемам? Ты же знаешь Леву – человек он простой, порядочный, работящий. Поэтому по-другому и быть не может. Так что вы там подумайте с руководством.

– О чем?

– О том, как его в «основу» вернуть.

Пономарев засмеялся:

– И не жалко будет такого вратаря отдать?

– Жалко. Еще как жалко, Семеныч! Но не нашего он уровня! Ему самое место в сборной СССР…

* * *

Вечером будничного дня на балконе центральной трибуны главного динамовского стадиона стояли старший тренер клуба Александр Семенович Пономарев и Константин Иванович Бесков. В данный момент Бесков исполнял обязанности главного редактора спортивных программ на Центральном телевидении, но со дня на день готовился вступить в должность старшего тренера сборной СССР по футболу – данный вопрос в Спорткомитете уже был решен. Оба были в дружеских отношениях и нередко встречались на столичных стадионах.

Находясь у края балкона, они делились впечатлениями о проходившем чемпионате страны. По итогам прошлого сезона, «Динамо» оказалось всего лишь на одиннадцатом месте, а в этом – при грамотном руководстве Пономарева, уверенно боролось за медали, и несколько игроков из клуба являлись кандидатами в сборную Советского Союза. В ту сборную команду, руководить которой готовился Бесков.

Покончив с вопросами, касавшимися предстоящих тренировочных сборов первой команды страны, Константин Иванович достал из кармана свернутый бланк международной телеграммы и протянул его давнему другу.

– Вот, ознакомься…

Пробежав текст, тот расплылся в широкой улыбке:

– Это же здорово, Костя! А главное – очень вовремя!

– Согласен, – кивнул тот. – Лучшего момента для завершения карьеры и не придумать.

– Да ты что, Иваныч?! Какое завершение?!

– А что? Это же мечта любого футболиста! Ты только представь: прощальный матч на глазах у всего мира! Согласись, далеко не всех так провожают из футбола и вообще из спорта.

– Нет, он на это не пойдет, – возразил тренер «Динамо». – Человек после вынужденного перерыва сбросил вес, усиленно тренируется, рвется играть. И главное – может играть! У меня дубль меньше всех соперников пропустил в чемпионате!

– Ну это сегодня. А что будет завтра? Ты пойми, Саша, я обязан думать о будущем сборной. Тридцать четыре – это возраст! А за широкой прославленной спиной Льва никого из молодых вратарей не разглядеть. Так ведь?..

Пономарев задумался. Бескову предстояло руководить сборной, потому и мыслил он совсем другими масштабами. И, возможно, был прав…

* * *

К служебному входу главного динамовского стадиона подрулил старенький автобус с дублирующим составом команды. Покидавшие салон игроки выглядели после долгого тренировочного дня уставшими, измотанными. Тем не менее все были довольны: нагрузки остались позади, впереди ожидал свободный вечер.

Вместе с молодежью на асфальт тротуара спустился и Яшин со своим чемоданчиком. Он намеревался покурить в сторонке, затем сесть в свою машину и отправиться домой к семье.

– Лев Иваныч! – вдруг окликнул его администратор команды.

– Да, – поднял он взгляд.

– Вас на балконе Пономарев дожидается с Бесковым!

– Меня?

– Да-да.

– А зачем?

Администратор пожал плечами. Кивнув, вратарь спрятал в карман пачку сигарет, переложил чемоданчик в другую руку и направился к сквозному подтрибунному коридору…

Молодые игроки из дубля, слышавшие короткий диалог, переглянулись.

– Что бы это значило? – спросил один из них.

– Как пить дать, заберут у нас Льва Ивановича, – грустно сказал другой.

– Жаль, если так, – вздохнул «солист» Василий.

– Да-а. С ним-то за ворота всегда спокойно было.

– Не говори…

Пройдя насквозь по коридору, Яшин оказался на стадионе. Балконов на кольцевых трибунах было около двух десятков. На каком именно его ожидают?

Остановившись, он принялся оглядывать выступающие площадки…

– Лев Иванович! – послышался голос Пономарева.

– О, вот вы где! – заметил тот две знакомые фигуры.

Тренер с Бесковым оказались на ближайшем балконе. Оставив чемоданчик внизу, Яшин поднялся по ступенькам трибун.

Бесков, с которым довелось провести на поле немало матчей, вышел навстречу и протянул руку.

– Ну что, Лев Иванович, не надоело с молодыми наперегонки бегать?

– Нет вроде, – крепко пожал тот его ладонь. – Нормально играем…

Вызов сюда после тренировки насторожил Яшина. Обычно, добравшись на автобусах до центрального стадиона, футболисты сразу разъезжались по домам, а тут… К тому же вид у Константина Ивановича и Александра Семеновича был несколько таинственный, словно они знали что-то чрезвычайно важное и не торопились этим важным поделиться.

Будто в подтверждение, тренеры переглянулись.

– Да ты присаживайся, – предложил Бесков.

– А что, у нас разговор? Мы тут надолго?.. – терялся в догадках Яшин.

– Ладно, Константин Иванович, не мучай человека, – сжалился Пономарев. – Скажи ему про наши новости.

Бесков загадочно улыбнулся:

– Поздравляю!

– Это с чем же? – удивился Лев.

– С международным признанием.

– Да ладно, – нахмурившись, переводил Лев Иванович взгляд с одного на другого. – Какое там признание… Кончайте травить.

– Во дает! Друзьям не верит! – воскликнул Пономарев. И, развернув телеграмму, торжественно зачитал: – «Двадцать третьего октября 1963 года в Лондоне на стадионе «Уэмбли» состоится «матч века», в котором в честь столетия английского футбола встретятся сборная звезд мира и сборная Англии. По единогласному решению ФИФА ворота сборной звезд должен защищать Лев Яшин, как лучший на сегодняшний момент вратарь мира». Держи, прочитай сам, – протянул он телеграмму Яшину. – Неплохо, да?

Все еще не в силах поверить в услышанное, тот робко взял депешу.

– Неужели… Вы серьезно?..

– Да какие уж тут шутки, Лев?! – засмеялся Бесков. – Официальное приглашение пришло.

И только прочитав текст международной телеграммы, Лев Иванович посмотрел в чистое небо и счастливо заулыбался, словно с плеч его упал наконец тяжелый и непосильный груз.

Глава двенадцатая

СССР, Москва – Великобритания, Лондон
1963 год

Перед отлетом в Лондон руководители «Динамо» дали Льву Ивановичу два выходных. Один день он посвятил семье, а следующим утром махнул с Володькой Шабровым на рыбалку.

– Давненько я не сиживал на берегу, – вынимая из машины снасти, приговаривал Яшин.

Товарищ огляделся по сторонам. Октябрьская осень в Подмосковье была в разгаре: солнце висело низко, большинство деревьев успели сбросить листву, лишь березы оставались в золотистых нарядах.

– Да, красотища, – согласился он. – И с погодой повезло.

Накопав неподалеку червей и расположившись на берегу реки, друзья закинули в воду удочки.

После десяти минут молчания, Шабров усмехнулся:

– Странно.

– Что странно? – не понял Лев.

– Странно, говорю, в нашей стране все происходит.

– Ты о чем?

– Пока «Франс Футбол» не признал тебя лучшим игроком Европы, а ФИФА не пригласило в сборную мира в Лондон, наши чиновники пальцем о палец не стукнули, чтоб реабилитировать твое имя. А как это случилось, так забегали, засуетились.

– Ну так у нас, к сожалению, все устроено, – вздохнул вратарь.

– Неправильно устроено!

– Тише, Володька, рыбу распугаешь.

Тот сбавил громкость и продолжил возмущенным шепотом:

– Ты как играл надежно в воротах, так и продолжал играть. Ничего ведь не изменилось! Двадцать семь матчей в этом сезоне отстоял, пропустив всего шесть мячей. Двадцать два матча – на «сухую»! Это ж… Это ж феноменальный результат, благодаря которому «Динамо» без особого труда одолело всех именитых конкурентов и стало чемпионом страны! А они и в ус не дули. А как ветерок с Запада подул – все враз переменилось.

– Возраст у меня предельный, Володя, – с грустью в голосе ответил Лев Иванович. – Вот и смотрят на меня, как на вчерашний день. Даже Константин Иванович Бесков в сборную не приглашает…

– Ну этому, Лев, есть логическое объяснение.

– Какое?

– Во-первых, Бесков всегда мыслит масштабно, с прицелом на будущее. Во-вторых, он считает, что тебе следует взять передышку и подготовиться к предстоящему матчу в Лондоне за сборную мира. И здесь я с ним соглашусь. Этот матч будут освещать ведущие информационные агентства мира, и ударить перед ними в грязь лицом никак нельзя. Ты должен быть в полной боевой форме, потому что один в этом матче представляешь нашу страну.

– Согласен. О, у тебя клюет. Подсекай!..

* * *

А во второй половине следующего дня Яшин уже летел в самолете, взявшем курс на Лондон.

На игру сборных мира и Англии Лев Иванович отправился в компании председателя Футбольной федерации СССР и вице-президента ФИФА Валентина Александровича Гранаткина и тренера сборной Константина Ивановича Бескова. Поселили нашу делегацию в Лондоне в небольшом, но вполне уютном отеле напротив знаменитого Гайд-парка. Каждому отвели по отдельному комфортабельному номеру.

К обеду всех игроков сборной пригласили в кафе на первый этаж отеля. За одним столом с Яшиным оказались Раймон Копа (этнический поляк Роман Копашевский), немец Карл-Хайнц Шнеллингер, португалец Эйсебио и бразилец Джалма Сантос. За соседними столиками сидели тоже футбольные звезды первой величины: чехи Ян Поплухар, Ян Масопуст и Сватоплук Плускал; венгр Ференц Пушкаш; шотландец Дениз Лоу; испанцы Альфредо Ди Стефано и Франсиско Хенто.

– Приветствую вас, друзья! – улыбаясь, поздоровался с ними Лев Иванович.

Всех этих великих игроков он видел не впервые, а против кого-то ему доводилось и поиграть. Языковой барьер помог преодолеть Копа, знавший и польский, и русский; да и Шнеллингер, успевший поиграть во многих клубах Европы, неплохо понимал всех присутствующих. В общем, контакт был установлен сразу.

– Как дела в чемпионате страны, Лев? – интересовался Шнеллингер.

– Нормально, Карл-Хайнц. Мы снова чемпионы.

– Поздравляю…

– Я слышал, у тебя родилась вторая дочь? – наливал в его стакан минералку Сантос.

– Да, Джалма, родилась. Аленой назвали.

– Аль-ёна, – повторил бразилец. – Отличное имя!

Все сидящие за столом беззвучно смеялись над невероятным акцентом Сантоса…

Обед прошел в приятной непринужденной обстановке, а после него, не вставая из-за столиков, пришлось поработать. Да-да, именно поработать, так как все члены сборной мира, не сговариваясь, привезли в Лондон по доброй пачке открыток, и все легендарные футболисты должны были поставить на них свои автографы. На память так сказать, для близких родственников и многочисленных друзей. И в течение получаса, вооружившись авторучками, знаменитости пыхтели, оставляли на плотном картоне подписи…

После обеда тренер сборной ФИФА Фернандо Риера, официально состоявший на должности тренера сборной Чили, пригласил всех игроков в холл отеля, где представил их друг другу. Мастера футбола и без того были знакомы – процедура скорее предназначалась для толпы репортеров, беспрестанно щелкавших камерами и ослеплявших спортсменов вспышками.

За свою спортивную карьеру Яшину довелось выслушать многие сотни тренерских установок, но на такой короткой и приятной он присутствовал впервые.

– Все вы большие мастера, и ваша главная задача продемонстрировать во время игры лучшие качества. Именно этого от вас ждет многочисленная публика, – сказал Риера. – И тем не менее рассчитывать на легкую игру вам не стоит. Английская сборная является одной из сильнейших в мире. В день юбилея своего футбола англичане мечтают о победе и выложатся по полной. Церемониться со звездами – то есть с вами – они не станут…

Затем тренер назвал стартовый состав и не забыл предупредить о грядущих заменах.

– Замены неизбежны, и обижаться на них не стоит, – напомнил он. И пояснил: – На лондонский матч прибыло восемнадцать игроков, и выступить должны, естественно, все.

В конце установки Фернандо Риера сообщил, что форму и все необходимое для тренировок игроки сборной найдут в своих номерах.

Яшин покидал холл в обнимку с коллегой Милутином Шошкичем – югославским голкипером.

– Готов к игре, Милутин? – интересовался он.

– Конечно, Лев. Как можно быть неготовым к такому событию?! Тренер моего клуба две недели занимался со мной по индивидуальной программе. И все ради одного матча в

Лондоне…

Через полчаса сборная мира в полном составе ехала на большом роскошном автобусе в сторону прекрасного стадиона «Уэмбли». А там – на тренировочном стадионе – виртуозов футбольного мяча снова поджидала огромная толпа репортеров, прибывших освещать матч со всех стран и континентов. Корреспонденты, фотографы, журналисты… Пишущая братия приехала даже из тех государств, чьи игроки не были приглашены для участия в «матче века».

К сожалению, из нашей страны присутствовал лишь один Николай Озеров, да и он подоспел к началу игры всего за несколько минут…

* * *

Всемирно известный стадион «Уэмбли» был возведен в рекордно короткие сроки в 1923 году к открытию выставки Британской империи. Вмещал он тогда сто двадцать шесть тысяч зрителей. Правда, одна из многочисленных лондонских легенд гласит о том, что в истории этого огромного стадиона его трибуны полностью не заполнялись ни разу. Даже на самых принципиальных матчах внутреннего чемпионата или во время международных состязаний несколько сотен мест пустовали.

Возможно, так и было. Но только не в этот день. Двадцать третьего октября 1963 года все билеты на «матч века» ушли, что называется, влет. Гигантская чаша центрального лондонского стадиона впервые оказалась переполненной.

После торжественных процедур из королевской ложи спустился герцог Эдинбургский – супруг британской королевы. Поздравив команды, он лично пожал каждому игроку руку.

На том официальная церемония закончилась, и начался матч.

Хозяева сразу взялись за дело и решительно пошли в атаку. На второй минуте Бобби Чарльтон разыграл с Джимми Гривсом угловой, последний пробил по воротам метров с трех. Яшин оказался на месте – среагировал на удар, и мяч угодил не в сетку ворот, а в штангу.

Через три минуты новая атака, и после паса того же Гривса Бобби Смиту Яшин ринулся вперед и на мгновение опередил английского форварда.

По договоренности с организаторами, игра транслировалась на многие страны мира, включая нашу страну.

– …Мы находимся на стадионе «Уэмбли», где идет исторический матч в честь столетия английского футбола, –

взволнованно комментировал Озеров ход игры для советских телезрителей. – Против англичан сегодня выступает сборная мира, в которую вошли почти все мировые знаменитости. Однако сыгранности им пока не хватает, и с первых же минут форварды англичан Гривз, Смит, Пэйн и полузащитник Бобби Чарльтон постоянно угрожают нашим воротам… Простите, воротам сборной мира. Но когда в воротах стоит наш Лев Яшин, согласитесь, легко можно оговориться… – Николай Николаевич взял короткую паузу, после которой голос его стал еще выше: – Внимание, мяч у Бобби Чарльтона…

Англичане затеяли очередную атаку.

Окликнув Шнелингера, одетый в желтый свитер Лев Иванович жестом показал ему, что лучше отойти назад.

– Шнелингер, цурюк! – прибавил он к жесту словесную команду.

Защитник повиновался и отодвинулся к воротам.

Британская атака развивалась стремительно. Бобби Чарльтон навесил на штрафную площадь; защитник Шнелингер бросился на перехват, но не успел, и мяч попал к вездесущему Гривзу.

Тот одним движением обработал его и…

За мгновение до удара Яшин успел заметить, куда смотрит форвард. Своевременно перенеся центр тяжести тела на левую ногу, он совершил прыжок и рукой отбил летящий в ворота мяч.

– …и Яшин отбивает! С такого расстояния, почти в упор – это просто фантастика! – восторженно кричал в микрофон Озеров. – Одним верно рассчитанным движением Яшин спасает ворота! Счет по-прежнему ноль – ноль…

Пробегая мимо Чарльтона, Гривз бросил:

– Этот русский – сущий дьявол!

– Ничего, Джимми, мы его пробьем! – ответил тот.

* * *

Никогда – ни до, ни после матча в Лондоне – Яшин не испытывал подобного чувства полной удовлетворенности и блаженства. Обороняя свои ворота, он работал с полной отдачей. Когда сборная мира переходила в наступление, он превращался в зрителя, следил за полетом мяча и мысленно решал за своих партнеров их задачи.

Игра шла на встречных курсах – атаковала то одна, то другая сборная. Вот Эйсебио получил мяч, мягко его обработал, филигранно прошел по центру к штрафной и нанес прицельный удар. Вратарь англичан Бэнкс оказался на месте и начал атаку

своих партнеров.

Нападающий Гривз легко продвинулся с мячом два десятка метров и остро отпасовал Бобби Чарльтону. Тот ударил издали, без подготовки. Яшин отбил летящий мяч, и к нему устремился защитник, чтоб выбить его подальше от штрафной. Бесполезно – скоростной Гривз успевает к нему первым и наносит еще один удар. Голкипер сборной мира в красивом прыжке переводит мяч на угловой.

– Вот это игра! – поднимается с газона Лев. – Вот это, я понимаю, накал!..

Свисток арбитра. Пара англичан идут к угловому флажку, делая вид, будто собираются разыгрывать угловой удар. На самом деле Бобби Чарльтон не отдает пас партнеру по команде, а сразу же навешивает на штрафную площадь – он спец в этом деле и каждый раз выполняет опаснейшие навесы, после которых рослые игроки сборной Англии прекрасно играют головами.

Вот и сейчас посланный по дуге мяч попал точно к Гривзу. Тот выпрыгнул выше всех и нанес плотный удар головой, но… мяч снова оказывается в руках Яшина, вновь правильно просчитавшего комбинацию соперников и выбравшего единственно верную позицию.

Трибуны восторженно аплодируют его мастерству.

– Какая изумительная игра! Трижды подряд Яшин спасает ворота сборной мира от неминуемого гола! – не умолкает у микрофона Озеров. – Такое ощущение, что мяч сам летит ему в руки. Однако сколько еще таких опаснейших атак сможет выдержать наш вратарь? Посмотрим…

* * *

В московской квартире Льва Ивановича работал телевизор. Это был уже не допотопный КВН-49 с линзой перед крохотным светящимся квадратиком, а «Рубин-102» с экраном вполне приличных размеров.

Вся семья Яшиных смотрела трансляцию футбольного матча из Лондона. Семилетняя Ирина сидела как взрослая на диване, полуторагодовалую Аленку Валентина держала на коленях.

Малышка в отличие от старшей сестры больше отвлекалась и вертелась, что-то лепеча при этом и капризничая.

– Да посиди ты спокойно, егоза! – просила ее мама. – Смотри – вон наш папка! Узнаешь папку?..

На экране в этот момент Яшин выбрасывал в поле только что перехваченный мяч.

– …Хочу напомнить нашим болельщикам, что накануне матча Льву Ивановичу Яшину исполнилось тридцать четыре года – возраст для вратаря довольно внушительный, – заполнял возникшую паузу в игре Озеров. – Однако это никак не сказывается на его великолепной игре. Наоборот, кажется, что с каждым матчем Лев Иванович демонстрирует всем любителям футбола новый и еще более высокий уровень своего спортивного мастерства…

Не отрывая взгляда от экрана, Валентина нащупала рукой шнур и подтянула к себе телефонный аппарат. Сняв трубку, набрала номер…

В это же время в родительской квартире Яшина вся семья также пыталась досмотреть интереснейший матч. Да вот беда – телевизор почему-то барахлил, показывая вместо футбола сплошные полосы да рябь. Отец Льва с супругой терпеливо сидели перед неисправным телевизионным приемником, а повзрослевший Борис крутился позади него с отверткой.

Внезапно зазвонил телефон. Отец снял трубку.

– Да, слушаю.

– Здравствуйте, Иван Петрович! – радостным голосом поприветствовала свекра Валя. – Вы матч смотрите?

– Смотрели, да тут вот помехи пошли, – раздосадованно ответил тот. – Ничего не видно.

– Ну что там у тебя, Боря? – прошептала Александра Петровна.

– Сейчас-сейчас, мам, все будет в порядке…

– Я вчера замоталась и не успела вам позвонить, – говорила по телефону Валентина. – Хотела поздравить с днем рождения Льва.

– А, ну что ж… поздравить никогда не поздно, – улыбнулся Яшин-старший.

– Поздравляю! Такого сына прекрасного воспитали!

– Спасибо, Валя, спасибо…

В этот момент изображение на экране восстановилось, вместо шипения из динамика донесся уверенный, спокойный голос Озерова.

– Лев – молодец. Кстати, и младший у меня, кажется, за ум взялся, – обрадовался Иван Петрович. И торопливо свернул разговор: – Извини, Валя – «болею» за сборную мира!

– Да и мы тоже!

– Вот и отлично. После матча перезвоню…

Положив трубку на аппарат, он снова повернулся к экрану телевизора. Вернулся на место и Борис.

На экране шла ожесточенная борьба за мяч в центре поля.

– Идут последние минуты первого тайма. Счет по-прежнему ноль – ноль… – напоминал зрителям Николай Николаевич. – Атака сборной мира. На фланге открывается Эйсебио по прозвищу Черная жемчужина. Неточный пас… и снова мяч у Бобби Чарльтона, который готов начать очередную атаку сборной Англии. Так и есть – вот он умело обводит защитника, отдает мяч Гривзу, а тот на скорости рвется вперед…

* * *

В квартире Василия Григорьевича Мишурина тоже работал телевизор – из его динамиков почти на полную громкость вещал Николай Озеров:

– …Снова к воротам Яшина прорывается восьмой номер английской сборной – вездесущий Гривз. Опасно!.. Да, этот первый тайм стал настоящей дуэлью между нашим вратарем и английским форвардом…

Сам чиновник из Управления международных спортивных связей Комитета по физической культуре футбольный матч не смотрел. Он сидел за столом, спиной к телевизору и без всякого аппетита ел из большой тарелки пельмени. Зато его престарелый отец – Григорий Пантелеевич – с удовольствием следил за матчем, сидя перед телевизором в инвалидной коляске.

– Снова опасный момент! Гривз выходит один на один с Яшиным… Удар! Яшин на месте и кулаком отбивает мяч… – продолжал комментатор.

– Отбивает!.. – Василий Григорьевич в сердцах стукнул по столу ложкой. – Лучше бы он там отбивал… и не портил карьеру ни себе, ни людям!..

Григорий Пантелеевич был глуховат. Именно поэтому подъезжал на своей коляске поближе к телевизору, а громкость включал на полную. Из ворчанья сына он уловил лишь несколько слов.

– Где это «там»? – переспросил он. – И каким это людям? Тебе, что ли?

– Да хоть бы и мне! Кто его из нафталина вытащил? Кто его в сборной отстоял?

– Да врешь ты все! – отмахнулся Мишурин-старший. – Отстоял ты его… Ты родному отцу путевку в санаторий достать не можешь.

Чиновник не стал спорить. Покончив с пельменями, он заварил себе чашку чая и вновь уселся на прежнее место. Судя по недовольному выражению лица, он искренне желал Яшину

поражения.

– …Трудно поверить, но еще совсем недавно Льва Яшина обвиняли в поражении нашей сборной в Чили, – с укоризной в голосе говорил Озеров. – Какая бессмыслица! Сегодня миллионы наших болельщиков имеют возможность убедиться – лучшего вратаря просто не существует!..

– Слышал? Лучший вратарь мира! – не оборачиваясь, проскрипел отец. – А ты его гнобил, карьерист проклятый…

Чиновник резко поднялся со стула.

– Ах ты вредный старикан! – выключил он телевизор и толкнул инвалидную коляску к двери. – Я тебе покажу карьерист!

– Слизняк! Бюрократ! Ну что, уделал тебя Яшин?! Так-то! Поделом тебе! – выкрикивал Григорий Пантелеевич, пока сын вез его через всю квартиру в дальнюю комнату. В конце коридора старик набрал в грудь побольше воздуха и запел: – Эй, вратарь, готовься к бою – часовым ты поставлен у ворот!..

Так, обмениваясь обидными репликами, они приехали в крохотную комнату с единственным окном, выходящим на глухую стену соседнего здания.

– Вот, папочка, твой санаторий! – тяжело дыша, потрепал Василий Григорьевич растущую на подоконнике герань. – Тут тебе и солнце, и воздух и… зелень! Живи и радуйся!

Григорий Пантелеевич остался неподвижно сидеть в кресле. Сзади хлопнула закрывшаяся дверь…

* * *

Первая половина игры подходила к концу, но англичане не унимались – нули на табло их совершенно не устраивали. Такого же мнения придерживались и болельщики на трибунах. Каждый раз, когда мяч попадал к их соотечественникам, они оглашали стадион шумом и свистом, подгоняя свою команду. Да и сами игроки сборной Англии отсиживаться на своей половине поля не собирались, а при любой возможности рвались вперед.

Вот Чарльтон красиво обвел защитника и отпасовал Гривзу. Тот обманным движением ушел от другого защитника и вернул мяч Бобби. Удар без обработки и подготовки вышел на славу – хлесткий, сильный, с подкруткой.

Мяч летел низом прямо в сетку. Яшин совершил прыжок, но уже в полете понял: не дотянуться. Неужели гол?..

И в тот момент, когда гол должен был состояться, откуда-то сбоку появился Шнелингер, выбивший мяч в сторону поля от самой линии ворот.

– Молодец, чертяка… И как ты только успел?.. – тяжело поднялся с газона голкипер. – Данке шон. У тебя сегодня неплохо получается, Карл-Хайнц.

Немецкий игрок обернул к нему рыжеволосую голову, в шутку изобразил на лице строгость и скомандовал:

– Арбайтен, Яшин! Арбайтен!

Озеров по заслугам оценил поступок игрока защитной линии.

– Великолепно сработал Шнелингер, немецкий защитник! – уважительно произнес он в микрофон. – Напомню: сегодня перед нами в сборной мира выступают лучшие игроки национальных команд. Это аргентинец Альфредо Ди Стефано, испанец Хенто, француз Раймонд Копа, к слову, последние вместе играют за мадридский «Реал». Наконец, югослав Шошкич, который, к нашему великому сожалению, сменит Яшина в воротах во втором тайме. Но таковы условия матча… Однако вернемся к событиям на поле. Снова к воротам Льва Яшина прорывается восьмой номер – Гривз… Первый тайм стал настоящей дуэлью между нашим вратарем и английским форвардом. Гривз просто затерзал защиту сборной мира. Внимание! Гривз выходит один на один с Яшиным… Удар! Яшин отбивает мяч кулаком!..

Момент у ворот действительно получился очень опасным. Защитники прозевали прорыв английского форварда, и тот оказался один на один с вратарем.

Его удар Яшин парировал, но мяч отскочил точно в ноги Чарльтону.

Еще один удар.

Яшин успевает сгруппироваться и отбить. Подоспевший защитник пытается разрядить обстановку, выбив мяч за линию, но это у него не получается. Мяч срезается с его ноги, взлетает над вратарской площадью, и Гривз в высоком прыжке пробивает головой по воротам.

Это был уже третий по счету удар за несколько последних секунд игры, но Лев Иванович исполнил изумительный по красоте сейв, вытащив мяч из самого угла ворот.

Зрители на трибунах в едином порыве встали и начали аплодировать нашему голкиперу. Среди прочих на трибунах присутствовал и корреспондент ТАСС, некоторое время назад обвинивший Льва Яшина в неудаче сборной на чемпионате мира в Чили. Он тоже аплодировал, хотя на лице была не радость, а скорее недоумение.

Вратарь сборной мира не успел ввести мяч в игру – раздался свисток судьи, сигнализирующий об окончании первого тайма.

Вытирая рукавом пот с лица, Яшин поймал угрюмый взгляд Гривза. Он так и не сумел «распечатать» его ворота. Счет на табло

остался прежним: ноль – ноль…

– …Весь стотысячный стадион встал, чтобы поблагодарить нашего вратаря за прекрасную игру, – с торжественными нотками в голосе вещал Николай Озеров. – Несмотря на серию блистательных атак, англичанам не удалось забить Льву Яшину ни одного мяча! Ни одного!..

Да, молодой амбициозный Гривз не забил и был крайне раздосадован этим фактом: бредя в сторону раздевалки, он то и дел сплевывал на газон и что-то бормотал. Зато опытный Бобби Чарльтон оказался истинным джентльменом: по пути к бровке, он догнал Яшина и с восхищением пожал его руку.

– Благодарю за великолепный футбол, мистер Яшин! – сказал он при этом по-английски.

Лев Иванович понял его и ответил по-русски:

– И вас тоже! Ваша команда тоже показала прекрасный футбол, мистер Чарльтон.

От избытка чувств он обнял англичанина. Так в обнимку они и дошли до входа в подтрибунное помещение, где разошлись в разные раздевалки…

* * *

После первого тайма, как было заранее обговорено, Яшин уступил место в воротах своему сменщику – югославу Шошкичу. Уходить с поля Льву Ивановичу не хотелось – игра получалась, он вошел во вкус; хотелось и дальше изо всех сил помогать своей команде. Но что делать – таковы условия.

Наскоро сполоснувшись в перерыве в душе и переодевшись, прославленный голкипер досматривал матч со скамейки запасных. А она до финального свистка оставалась такой же напряженной, красивой, корректной и умной.

На семидесятой минуте англичанин Пэйн вывел сборную Англии вперед, но игравший за сборную мира шотландец Лоу на восемьдесят третьей минуте сравнял счет. Ничейный результат продержался недолго – вездесущий Гривз все-таки добился своего и забил. Правда, не Яшину, а Шошкичу.

Матч так и закончился со счетом два – один в пользу хозяев.

И, наверное, данный результат был справедливым. Правильным. Англичане изобрели эту замечательную игру; расстарались, устроив великолепный праздник для всего футбольного мира. И по праву заслужили, чтобы торжество по случаю столетнего юбилея не омрачилось поражением или ничейным результатом.

* * *

Два шикарных автобуса с футболистами – англичанами и сборной мира – ехали в сопровождении полицейских машин по оживленным улицам Лондона. Тротуары были заполнены толпами людей; все они стояли вдоль проезжей части, махали английскими флажками и что-то радостно кричали, приветствуя знаменитых спортсменов.

Сидя у окна, Яшин с интересом смотрел на праздник и вспоминал эпизоды из только что закончившегося матча. В действительность его вернул венгерский форвард Ференц Пушкаш, присевший рядом на пустующее кресло.

– А знаешь, Лев, что я думаю, – сказал он по-русски, но с сильным акцентом. – Уверен: если бы ты остался на второй тайм в воротах, англичане бы у нас не выиграли!

Лев Иванович обернулся и нашел взглядом сидевшего на заднем ряду кресел югославского вратаря Милутина Шошкича. Тот был мрачен и расстроен.

– Видишь ли, Ференц, – вздохнул Яшин, – у нас, вратарей, тоже матч на матч не приходится. Сегодня у меня все получалось, а завтра у другого в десять раз лучше получится.

– Считаешь, что Милутин мог бы сыграть лучше?

– Конечно, мог. Да не получилось. Извини, дружище, мне надо с ним поговорить, – поднялся наш голкипер.

– Ты прав, мой русский друг, его следует поддержать…

Пройдя меж рядов кресел через весь автобус, Лев уселся рядом с коллегой, обнял его.

– Повезло сегодня англичанам, – сказал он. И кивнул в сторону окна: – Посмотри, как люди радуются. Хорошо, что мы не испортили им праздника, верно?

Шошкич печально ответил:

– Ты отстоял на ноль, а я пропустил во втором тайме два мяча. Теперь все будут думать, что из-за меня проиграла команда.

«Молодец, парень! – подумал про себя Лев Иванович. – Только плохой вратарь не терзается после проигранного матча. А этот вон как потемнел лицом…»

– Милутин, один вратарь матч не выиграет. Это во-первых. А во-вторых, я бы тоже эти мячи не взял.

– Я смотрел со скамейки запасных, как ты стоял в первом тайме. Ты такие мячи вытаскивал – загляденье! А я тебя заменил и…

– Брось расстраиваться – мы же приглашены на праздник. Ты молод, и у тебя все впереди. Ты еще такие мячи сможешь вытащить, что все остальные вратари завидовать будут.

Югослав молча кивнул.

– Добре? – протянул Лев Иванович руку.

– Добре, Яшин, – пожал ее тот.

* * *

Еще на выходе из раздевалки на Яшина накинулось несколько британских репортеров.

– Что вы испытывали в те мгновения, когда удавалось спасать ворота от верных голов? – на сносном русском спросил один из них.

Другие тотчас подставили микрофоны, чтобы зафиксировать ответ.

– Ничего особенного, – пожал плечами Лев Иванович. – Я и поставлен был в ворота для того, чтобы их защищать. Вот если бы пропустил, тогда определенно чувствовал бы себя хуже.

– Вы расстроены проигрышем сборной мира?

– Это товарищеский матч, в котором приняли участие игроки, хорошо знающие друг друга. А победа одной из них… Что ж, победила та команда, которая на сегодняшний день лучше сыграна. Так что никаких претензий. Напротив – наши искренние поздравления сборной Англии…

Игра нашего соотечественника в очередной раз вызвала фурор как в Европе, так и во всем остальном мире. На следующий день после «матча века» английские средства массовой информации захлебнулись от восторга.

Ежедневная лондонская вечерняя газета «Evening News» напечатала статью «Яшин – герой «Уэмбли». Вот что писал ее корреспондент: «Высокий, гибкий Яшин доказал, что среди вратарей ему нет равных в мире».

А вот короткая ремарка из статьи Джеффа Эллиса из американской «Daily Worker»: «Сейчас всем ясно, почему Яшина назвали «спрут». Его предвидение просто сверхъестественно. Его ловкость превосходна, его храбрость поразительна».

Шеф-редактор немецкого спортивного журнала «Kicker Sportmagazin» в большой статье, посвященной прошедшему матчу, отметил высочайший класс советского вратаря, о котором он узнал еще во время Кубка Европы 1960 года. Также немец назвал Яшина лучшим вратарем в мире и главным претендентом на «Золотой мяч».

Ну а старший тренер британской сборной Альф Рамсей был прост и краток: «Яшин – это великолепно».

* * *

По окончании матча игрокам дали немного передохнуть, а потом пригласили в зал для пресс-конференций лондонского отеля, где состоялась встреча с представителями средств массовой информации. Тренеров и ведущих игроков усадили на невысокую сцену, журналисты расположились в креслах, установленных в двенадцать рядов. Тем не менее всем места не хватило – желающих принять участие в пресс-конференции было слишком много. Кто-то сидел на подоконниках, а кто-то прямо на полу между первым рядом кресел и сценой.

Вел встречу с прессой английский спортивный чиновник – подтянутый джентльмен с прямыми бакенбардами и короткими жесткими усиками. Вылавливая из множества поднятых рук очередного счастливчика, он давал ему возможность задать свой вопрос.

– Газета «Дейли уоркер», Джефф Эллис, – быстро поднялся один из репортеров. – У меня вопрос к наставнику сборной Англии.

– Да, пожалуйста.

– Господин Рамсей, поздравляю с победой… команда играла очень уверенно и красиво.

Тренер англичан в знак благодарности кивнул.

– Как вы думаете, какие шансы у нашей сборной на предстоящем чемпионате мира?

Сидящий в центре длинного стола Альф Рамсей пододвинул ближе микрофон, чуть склонил к нему голову.

– За три года многое может измениться. Но с таким составом, думаю, мы дойдем до финала. К тому же чемпионат пройдет у нас дома, и это обстоятельство придаст нам сил.

– С какой командой вы хотели бы встретиться в финале? – продолжал Эллис. – А встречи с какой избежать?

– Лично мне все равно, с какой командой играть. Главное, чтобы в воротах у них не стоял Черный паук.

Все присутствующие дружно рассмеялись, а Рамсей повернулся к Яшину и жестом выразил восхищение его надежной игрой. Наш вратарь скромно кивнул в ответ.

Прозвище Черный паук закрепилось за Львом после Кубка Европы во Франции. Черные гетры, трусы, футболка; большой рост и стойка в воротах с широко разведенными в стороны руками действительно издали чем-то напоминали паука. Однако ничего обидного в использовании данного прозвища не было. Скорее – уважение и трепет перед огромным талантом. Всего же за границей Лев Яшин имел три прозвища. В Европе его называли

Черной пантерой, в Южной Америке – Черным пауком и Черным осьминогом. Относительно цвета все было понятно. Пантерой он стал из-за невероятной подвижности и прыгучести. А Пауком и Осьминогом благодаря длинным рукам и способности в любой момент дотянуться до самого «безнадежного» мяча.

Ведущий принялся высматривать в толпе нового счастливчика. Наш журналист – сотрудник ТАСС – тоже тянул руку, но выбор пал на сидящего рядом репортера британского таблоида «The Sun».

– Газета «Сан», – представила свое издание девушка. – У меня вопрос к тренеру сборной мира господину Риере.

– Да, слушаю вас, – вооружился микрофоном Фернандо Риера.

– Почему вратарем сборной вы выбрали Льва Яшина?

– А вы разве не смотрели игру? По-моему, Яшин на поле в воротах еще раз доказал всему миру: забить ему практически невозможно.

– А как же два мяча, пропущенные им от сборной Чили на последнем чемпионате мира? – настаивала журналистка. – Ведь вы тогда были тренером чилийской сборной?

Услышав острый вопрос, журналист ТАСС, некогда написавший негативную оценку действия Льва Яшина в том матче, оживился и ждал ответ на него не менее трепетно, чем репортер из «Сан».

– Да, я был тренером сборной Чили. И поэтому прекрасно видел, что происходило на поле, – совершенно спокойно и уверенно ответил Риера. – Яшин и тогда играл безупречно. А те два мяча, которые он пропустил, не взял бы никакой другой вратарь. Уж поверьте моему немалому опыту.

Ответ тренера с мировым именем заставил журналиста ТАСС опустить руку, а затем и взгляд…

– Издание «Экип», Робер Верню, – представился следующий репортер. Обращаясь к нашему вратарю, он сказал: – Во-первых, мои поздравления, господин Яшин, – вам вчера исполнилось тридцать четыре, но вы поистине в блестящей форме. Скажите, как долго вы собираетесь стоять в воротах? И сразу второй вопрос: почему вы отказываетесь продолжать карьеру в первоклассных клубах Европы, по слухам, за любые деньги?

Лев Иванович взял микрофон.

– Спасибо за поздравления. Да, согласен с вами: тридцать четыре года по вратарским меркам – возраст солидный. Но я чувствую, что могу играть еще лучше. А если это чувство исчезнет, то не стану ждать напоминаний и уйду сам. А насчет клуба… Поймите, «Динамо» – это не просто команда. Это мой

дом, мои болельщики… – Он с трудом подбирал слова, чтобы выразить чувства к коллективу, за который играл всю спортивную карьеру. – Это моя семья. И я счастлив играть за эту команду.

Выслушав до конца перевод ответа, ведущий пресс-конференции первым начал аплодировать. Его робкие аплодисменты поддержал весь зал, включая игроков обеих сборных…

Глава тринадцатая

Великобритания, Лондон – СССР, Москва
Испания, Мадрид
1963–1964 годы

Трансляцию лондонского матча Валентина смотрела дома с дочками. После финального свистка ее переполняли эмоции – Лев провел на поле всего один тайм, но зато как он его провел! И как ему рукоплескали трибуны! Это был в буквальном смысле фурор. После финального свистка она не смогла усидеть дома и решила навестить Левиных родителей: собрала девчонок, вышла на улицу, поймала такси…

Сидевший впереди водитель пребывал в радостном возбуждении. Где-то на полпути он не выдержал и поинтересовался у пассажирки:

– Вы видели, как наши сегодня обыграли англичан?

– Да, матч видела, – слегка растерялась Валя. – Но ведь играла не сборная СССР, а сборная мира. Да к тому же и счет два – один в пользу англичан.

– Но ведь ворота сборной мира защищал наш Лев Яшин! Наш! – убежденно заявил водитель. – Он не пропустил ни одного мяча и ушел с поля при счете ноль – ноль! Значит, мы победили! Так ведь?..

Валентине было чертовски приятно это слышать от совершенно чужого человека. Она едва сдерживала себя, чтобы не признаться в том, что Яшин – ее супруг.

Не призналась. И, расплатившись с таксистом-болельщиком, счастливая, схватила дочек и побежала к дому Яшиных…

* * *

После пресс-конференции состоялся пышный и торжественный банкет, на котором присутствовали не только известные футболисты и люди, связанные с этой игрой, но и видные деятели политики, искусства. Всё на данном банкете было обставлено по высшему разряду: ослепительно-яркое освещение, идеально сервированные столы, со вкусом подобранное меню, одетый в костюм мажордома человек, объявлявший появление каждого игрока сборной мира.

Что касается самих игроков, то после спартанского режима и строгой предматчевой диеты они чувствовали себя расслабленно и непринужденно – пили и ели все, что предлагалось галантно

одетыми официантами.

По окончании банкета, на котором все же приходилось «держать марку и соответствовать», игрокам и тренерскому составу наконец дали возможность отдохнуть. Вылет немногочисленной советской делегации в Москву намечался на следующий день, поэтому вечер был относительно свободным у представителей нашей страны.

Покинув банкетный зал, Яшин усталой походкой направился в свой номер, на ходу расстегивая пиджак. Прикрыв за собой дверь, скинул его, развязал галстук и, сбросив туфли, упал на кровать. Физические и эмоциональные нагрузки, свалившиеся на него в этот непростой день, давали о себе знать.

Однако расслабиться не получилось – едва он задремал, как в дверь постучали.

– Да, – открыл глаза Лев Иванович.

На пороге появился Николай Озеров с бутылкой водки и баночкой черной икры.

– Ну что, триумфатор, отметим? – весело справился он.

– Проходи-проходи…

– Хлеба у тебя, конечно, нет?

Яшин развел руками.

– Откуда?..

Положив привезенные с собой из Москвы гостинцы, Озеров достал из кармана складной туристический нож, выдвинул лезвие для вскрытия консервов и принялся вспарывать крышку жестяной баночки.

– Придется закусывать по-буржуйски – ложками!

Лев Иванович поставил на стол два стакана, откупорил бутылку и разлил водку.

Банка уже была открыта, черные икринки благородно поблескивали в ярком свете горящей люстры.

Озеров выдвинул из ножика другой инструмент – небольшую ложку, которой тут же зачерпнул немного закуски. А Яшин тем временем достал из чемодана похожий универсальный ножик.

– Давай, Николай Николаевич, выпьем за футбол без границ! – предложил он тост.

Озеров с Яшиным подняли стаканы, но едва поднесли их к губам, как послышался требовательный стук в дверь.

Осторожно поставив емкость на стол, вратарь открыл дверь. В коридоре стояли Ференц Пушкаш и рыжеволосый немец Карл-Хайнц Шнеллингер.

– Дорогой друг! – сказал на ломаном русском венгр. – Игроки сборной мира ждут в баре, чтобы выпить за твое здоровье и вчерашний день рождения.

Лев Иванович был обескуражен приглашением. Он растерянно переводил взгляд с Пушкаша на Шнеллингера и не мог вымолвить ни слова. Эти парни, приехавшие на одну игру со всего мира, помнят о его дне рождения и хотят поздравить…

– Ресторано, Яшин. Ресторано! – показал в сторону лестницы Карл-Хайнц.

Вратарь с комментатором переглянулись.

– Иди-иди, Лев, – подбодрил Озеров. – А я у себя в номере подожду.

– Э, нет, это не дело… Джаст э момент! – наконец пришел в себя Лев Иванович и, сообразив, как лучше поступить, повернулся к гостям: – Вот что, друзья… Я приглашаю всех вас выпить у меня в номере! Прямо сейчас.

Пушкаш подтолкнул Шнеллингера к выходу.

– Хорошо, друг, мы скоро вернемся…

* * *

Пушкаш и Шнеллингер спускались по лестнице в бар, что располагался по соседству с холлом и парадным входом в отель.

Разговаривали по-английски.

– Почему он не согласился спуститься в бар? – отчаянно жестикулировал немец. – Номер маленький – в нем тесно и неудобно отмечать праздник!

– Понимаешь, он не хочет, чтобы в баре за него платили, – негромко объяснял ему Ференц. – А на свои деньги он даже галстук себе приличный купить не сможет.

– Такой известный человек и не сможет купить галстук?! Как же так?! Почему?

– Потому что русские спортсмены всю заработанную валюту обязаны отдавать государству.

– Но это же грабеж! – От возмущения Карл-Хайнц остановился на предпоследней ступеньке.

– У них это называется по-другому – «социализм». Как бывший гражданин социалистической Венгрии, я эти порядки знаю очень хорошо. Пошли-пошли…

* * *

В номере Яшина продолжалось застолье.

Озеров разлил по стаканам остатки водки, пододвинул поближе к товарищу банку с икрой.

– Ну, Лев… – поднял он свой стакан. – Ты этим матчем сделал для пропаганды советского спорта больше, чем весь наш Спорткомитет с доброй сотней его чиновников. И поверь мне, там… – показал он наверх, – там они это хорошо поняли. За тебя, Лев!

– Спасибо, Николай…

Едва они допили водку, как в дверь снова постучали.

– Да, – крикнул Лев Иванович.

Дверь распахнулась, и в номер ввалилась целая компания: Пушкаш, Хенто, Шошкич, Ди Стефано, Эйсебио, Шнеллингер и другие игроки сборной мира.

У некоторых в руках были бутылки виски, пакеты и коробочки с закуской, а у Шнеллингера – кипа стильных галстуков в прозрачной подарочной упаковке. Пушкаш держал шикарный торт с зажженной свечкой.

– С днем рождения, наш русский друг! – весело крикнул он.

Сзади хор мужских голосов запел «Happy Birthday».

Яшин был настолько тронут вниманием и поступком товарищей по сборной мира, что на глаза невольно навернулись слезы.

Задув свечу, он пригласил друзей к небольшому столу.

– Проходите, друзья, походите… Тесновато, конечно, но мы как-нибудь разместимся…

* * *

На следующий день игрокам сборной мира предстояло проститься друг с другом и разъехаться по своим странам.

Увы, но у многих из них был предельный возраст, а следовательно, проведенный в Лондоне матч становился последним на международной арене. Именно по этой причине на «Уэмбли» болельщики в последний раз увидели в деле испанца Хенто, аргентинца Ди Стефано, француза Копа.

Солнечным октябрьским днем небольшая советская делегация вернулась самолетом в Москву. В аэропорту ее встречала огромная толпа болельщиков.

Яшин, как всегда, прилетел с букетом цветов для супруги и, спускаясь по трапу, выискивал ее взглядом…

Цветы для любимой Валентины – это было свято. Откуда бы Лев Иванович ни приезжал, он всегда привозил ей букетик, пусть даже купленный на последние деньги. Поначалу товарищи по «Динамо» и сборной посмеивались над ним.

– Лев, купил бы лучше супруге что-нибудь более значимое:

вещицу, духи или одежку… – говорили они.

Но он неизменно покупал цветы. А потом вдруг заметил, что и те, кто посмеивался, тоже стали дарить своим любимым женщинам букеты цветов.

Вале пришлось в этот день задержаться на работе, готовя с редакторами свежий радиорепортаж. Она примчалась в аэропорт на такси, когда самолет уже совершил посадку, и теперь, чтобы увидеть мужа и помахать ему, приходилось продираться сквозь толпу его поклонников.

– Я-шин! Я-шин! Я-шин! – беспрерывно скандировали они.

Она все же увидела его, но махать не стала. Когда наша команда или отдельные спортсмены возвращались домой с победой, высокие официальные лица были тут как тут. Каждый из них желал прикоснуться к победе и славе. Зато горечь поражения никто из них делить не хотел. Вот и на этот раз многочисленная группа чиновников облепила голкипера и довольно быстро увела в здание аэровокзала. Свою супругу он в толпе так и не отыскал…

Спустя несколько минут, когда закончилась суматоха первых минут пребывания на родной земле, Лев Иванович стоял с чемоданом в небольшом зале. Группа встречавших, коротко поздравив, исчезла; попутчики успели пройти к приехавшим за ними машинам, а он задержался в ожидании Валентины.

За стеклянной стеной ликовали болельщики, продолжая выкрикивать его фамилию. Но в зале было относительно тихо.

Неожиданно сзади подошел молодой мужчина.

– Извините… – робко сказал он.

Обернувшись, Яшин узнал одного из тех, кто летел с ним из Лондона.

– Извините, товарищ Яшин, – повторил тот. – Мы с вами одним рейсом в Москву прибыли.

– Да, я помню вас.

– Я сидел сзади через ряд и… не решался с вами заговорить. Весь полет порывался подойти, да так и… в общем, не хватило смелости.

– Да? Отчего же?

Мужчина мялся и сейчас, не решаясь сказать что-то очень важное.

– Я давно уже пытаюсь это сделать…

– Что сделать?

– Попросить у вас прощения.

– У меня? – удивился Лев Иванович. – Да за что?! Мы ведь даже не знакомы!

– Видите ли… Это я послал телеграмму из Чили. В ней говорилось о том, что вы виноваты в поражении. Это из-за меня

поднялись шум и травля… Простите, Лев Иванович! Честное слово, я не хотел. Но на меня надавили и… я поддался. Простите…

Кажется, молодой мужчина хотел сказать что-то еще, но не успел – в зал ворвалась Валентина. Он тактично отступил назад, а она бросилась ко Льву на шею.

– Лев!.. Ты даже не представляешь, что тут творится!.. – торопливо выхватила она из сумки газету. Развернув, показала мужу: – Вот смотри… О тебе «Правда» написала, целый подвал: «Лучший вратарь всех времен и народов»! И другие газеты о том же пишут! А сколько народу тебя встречает! Ты видел?!

Валентина прекрасно знала, сколь тяжело и болезненно переживал травлю ее супруг, поэтому сейчас – когда опала сменилась признанием – была на седьмом небе от счастья.

Вопреки ее ожиданиям эта новость не слишком обрадовала Яшина. Вероятно, еще живы были воспоминания о другой встрече – после чилийского чемпионата.

Он протянул ей букет цветов, еще обнял и негромко сказал:

– Домой хочу, Валюша.

– Лев, а… как же народ-то? – растерялась она. – Там столько людей собралось.

– Наш народ, Валя, только по праздникам добрый. Пойдем, тут есть другой выход…

Он увлек за собой супругу. Возле двери вспомнил о попутчике, обернулся.

Корреспондент ТАСС по-прежнему стоял на том же месте, видимо ожидая прощения.

– Не переживайте, – крикнул ему Лев Иванович. – Время – лучший лекарь. И судья…

– Кто это, Лев? – спросила Валентина, следуя за мужем по узкому коридору.

– Да так… попутчик. Из Лондона вместе летели…

Болельщики на улице все еще жаждали увидеть кумира и продолжали скандировать:

– Я-шин! Я-шин! Я-шин!..

Покинув зал, журналист оказался в гуще перемещавшейся куда-то толпы.

Рядом послышалась реплика:

– Яшина не видели?

Кто-то ответил:

– Нет… Должен выйти…

Журналист остановился. И, вдруг просияв, присоединился к скандирующим болельщикам:

– Я-шин! Я-шин! Я-шин!!

* * *

Вечерело. Такси весело катило по Ленинградскому проспекту; за окнами проплывал район Водного стадиона.

Супруги Яшины расположились на заднем сиденье. Обняв Валентину, Лев делился впечатлениями от поездки в столицу Великобритании. Постоянно поглядывая в зеркало заднего вида, таксист с обожанием смотрел на вратаря «Динамо» и сборной Советского Союза…

– Лев, а правда, что сама королева тебя поздравляла и здоровалась за руку? – наивно вопрошала Валя.

– Не королева, а муж ее – принц Филипп. Хороший мужик, даже автограф попросил для будущего наследника трона.

– Ух ты! А ты ему рассказал, что у тебя красавица жена, дети?

– Конечно! Он передал тебе привет и сказал, чтобы в следующий раз я взял тебя. И чтобы мы непременно остановились у них в Букингемском дворце.

Валентина рассмеялась:

– Болтун ты, Лев!..

«Волга» остановилась у дома Яшиных. Поблагодарив таксиста, Лев протянул ему пятерку.

Тот взмолился:

– Дайте лучше автограф, Лев Иванович! Всю жизнь буду помнить, кого сегодня домой отвозил!

Достав из кармана пиджака ручку, вратарь расписался прямо на пятирублевке.

– Держи.

– Вот спасибо! – оценил тот купюру. – С вашей подписью, Лев Иванович, она на стольник потянет. А через сто лет миллион будет стоить!

Яшин покинул машину. Захлопнув дверцу, бросил:

– Через сто лет, дружище, денег не будет…

Дальше путь до подъезда лежал через двор.

Этот октябрьский вечер был на удивление теплым, однако лавочка пенсионеров, как ни странно, пустовала. Лишь однорукий Михалыч лениво ерзал метлой по асфальту, сметая опавшую огненно-желтую листву.

Приметив чету Яшиных, он отбросил инструмент и заспешил навстречу.

– Лев Иванович! Лев Иванович!..

И тут вдруг Валентина сделала резкий останавливающий жест рукой.

– Стоять! – строго скомандовала она.

Михалыч остановился как вкопанный.

– И больше никогда к нам не приближайся! – Взяв супруга под руку, женщина ускорила шаг в сторону подъезда.

– Валь, ну чего ты так? – спросил Лев у парадной двери.

– А ничего. Не надо ссыкать против ветра…

* * *

– Дети уже спят? – поинтересовался Лев в лифте.

– Не знаю. А что?

Вместо ответа он обнял и поцеловал Валентину:

– Я ужасно соскучился…

Она ответила поцелуем и засмеялась:

– Я тоже соскучилась, Лев, но уединиться сегодня не получится.

– Это почему же?

Лифт остановился, супруги вышли на площадку. Открывая дверь ключом и загадочно улыбаясь, Валя сказала:

– Потому что у нас там… птицы.

– Птицы?! Какие еще птицы?

– Лебеди.

– Кто? – ничего не понимая, изумленно глядел на жену Яшин.

– Сейчас увидишь…

Квартира оказалась полна друзей – едва переступив порог, Лев увидел огромное количество обуви в прихожей. Все в этот вечер собрались встречать члена сборной мира: товарищи по заводу, по сборной команде и по клубу «Динамо»; подруги Валентины.

Михаил Галунов сидел за пианино и ждал команды от тамады – Володьки Шаброва.

Взмах руки и… Миша начал исполнять «Танец маленьких лебедей». Под аккомпанемент на середину зала выпорхнули три «лебедя» – Царев, Крижевский и Трофимов. Поверх тог из тюлевых занавесок вместо балетных пачек на них были надеты динамовские трусы с белой полосой; на головах – сомбреро.

Пока они лихо исполняли танец, Яшин медленно опустился на табурет и схватился за голову.

Шабров дал отбой «лебедям». Музыка смолкла.

– Лев, ты что, нам не рад? – развел руками Шабров. – Мы так готовились! Мы столько репетировали!..

Виновник торжества молча посмотрел на растерянных гостей. Потом растянул губы в улыбке и громко рассмеялся.

– Да не, ребят, все нормально. Просто не ожидал, – объяснил он.

Все словно ждали этих слов. Бросившись к нему, начали обнимать, поздравлять. Кто-то сунул ему в руки подарок – большого плюшевого льва.

– Спасибо… Спасибо… Подождите, у меня для вас тоже кое-что имеется, – сказал он. Оглянувшись на супругу, спросил: – Валь, а где мои вещи?

Та подхватила чемодан:

– Вот он.

– Спокойно, товарищи, спокойно… – отомкнул Лев Иванович замки и откинул крышку. Вытащив охапку галстуков, потряс ими: – Во – всем по сувениру на память! Держите…

* * *

Вскоре все сидели за накрытым столом. Все здесь было по-настоящему, по-русски: без бадеек с икрой, но зато с вареной ароматной картошечкой, присыпанной укропом; с селедочкой под лучком, с маринованными грибочками и солеными огурчиками. Валентина и Лев расположились на торце длинного стола, гости – по бокам, и каждый из них надел на шею подаренный галстук. Компания дружным хором исполняла любимую песню Яшина…

Под конец последнего куплета Володя Шабров жестом предложил Льву покурить. Кивнув, тот вышел на кухню.

– Себе-то хоть оставил? – выйдя следом, разгладил на груди импортный галстук Шабров.

– А на кой они мне? – подпалил папиросу вратарь. – Я их сроду не носил.

– Ну, это раньше не носил. А на новом месте пригодится.

Выпуская дым, Яшин внимательно посмотрел на друга.

Тот пояснил:

– Я слыхал, в руководстве «Динамо» для тебя уже вакансию подобрали – с персональным кабинетом и неплохим окладом.

– Начальником, значит?

– Вроде того. А что? Лучшего момента для завершения карьеры может и не случиться.

Сделав последнюю затяжку, Лев Иванович резко затушил папиросу в пепельнице и зло процедил:

– Начальником.

– Ну а что, Лев? Ты по праву заслужил. Да и кто лучше тебя знает футбольную «кухню»?..

– О, вот они где! – заглянула на кухню Валя с Иришкой. – Вы чего тут уединились?

– Курим и болтаем о будущем, – пошире открыл форточку

Шабров.

Яшин подхватил дочку на руки:

– Ну-ка, иди ко мне.

Она прильнула к нему и вдруг, заглядывая в темное окно, воскликнула:

– Пап, смотри! Луна как футбольный мяч!

Посмотрев в окно и чмокнув Ирину в щеку, Лев Иванович уверенно сказал:

– Мы еще поиграем. Скажи, Иришка: поиграем!

* * *

Спустя два дня в квартире Яшиных зазвонил телефон.

– Лев, тебя, – подала трубку Валентину.

– Кто? – отложил тот газету.

– По-моему, Бесков.

Лев Иванович подошел к аппарату:

– Да, слушаю.

– Привет, вратарь республики! – бодро поприветствовал давний одноклубник. – Как настроение?

– Хорошее настроение. На рыбалку собирался, да вот снежок выпал – помешал моим планам.

– Да, рановато в этом году зима пожаловала…

Бесков был на девять лет старше и принадлежал к более раннему поколению динамовцев. Несмотря на то что несколько сезонов они отыграли в одном клубе на равных, тесной дружбы из-за разницы в возрасте так и не сложилось. Нет, отношения были теплыми, товарищескими, однако разница в положении все-таки сказывалась: Константин Иванович привлекался в сборную Союза в качестве старшего тренера, а Лев Иванович приглашался в нее всего лишь вратарем.

– Лев, есть разговор, – сразу перешел Бесков к делу. – По телефону говорить не могу, поэтому, если не сильно занят, подъезжай сегодня на базу. Посидим, выпьем кофе, поболтаем о планах на будущее.

– Хорошо, Константин Иванович, подъеду, – согласился Яшин.

Уже через час он сидел за рулем своей «Волги» и держал курс на подмосковную тренировочную базу футбольного клуба «Динамо»…

Сборная СССР под руководством Константина Бескова в этот период времени участвовала в отборочной стадии второго розыгрыша Кубка Европы. Будучи действующим обладателем

Кубка, наша команда была освобождена от игр в одной шестнадцатой финала и сразу попала в одну восьмую, где ее ожидала довольно крепкая сборная Италии. В Москве наши футболисты одержали победу с комфортным счетом 2:0 благодаря голам Понедельника и Численко. Но далее предстоял труднейший ответный матч в Риме.

Восторженная оценка игры Яшина со стороны западных специалистов и средств массовой информации молниеносно «промыла мозги» советским футбольным функционерам. Советская пресса пестрила хвалебными одами и похвалами. По дороге на встречу с Бесковым Лев почти не сомневался в том, что речь пойдет о включении в сборную.

– Да, Константин Иванович всегда делал ставку на молодежь, – шептал он, въезжая в открытые ворота базы. – Но если на кону оказывается честь страны и советского футбола, то…

Так и случилось. Пожав голкиперу руку и пригласив того присесть в кресло, старший тренер сразу сообщил:

– Лев, сборной нужна твоя помощь. Молодежь – это хорошо, но я тут, анализируя твою игру в Лондоне, вдруг понял одну важную вещь…

Он не спеша налил из турки в две чашки горячий кофе, подвинул одну гостю.

– Я вот всегда делал ставку на молодых, перспективных игроков, – продолжил он с оттенком горечи в голосе. – А ведь может так случиться, что никто из них не дорастет до твоего уровня. Понимаешь? Я, признаться, и сам не был готов к такому печальному открытию, но вчера вечером меня будто шибануло током. Подумалось: а вдруг второй такой вратарь родится только лет через двести! Так какого черта я не приглашаю тебя в сборную? Почему ты смотришь ее матчи, сидя перед телевизором или на скамейке запасных?..

Лев Иванович пил небольшими глотками кофе и молча слушал откровения Бескова. «Где же вы, Константин Иванович, были раньше? – думал он. – Почему это озарение не пришло к вам год назад, когда меня клевали все кому не лень?..»

– В общем так, Лев, прими мои извинения, а заодно приглашение в сборную. Нам реально нужна твоя помощь, – закончил длинный монолог Бесков.

– Что ж, я готов, – просто ответил тот. – Когда ближайшая игра?

Тренер изумленно посмотрел на визави. По его взгляду было понятно, что он намеревался долго убеждать Яшина, уговаривать. А тот взял и с ходу согласился.

– Десятого ноября с итальянцами в Риме, – проглотив

вставший в горле ком, сказал Бесков. – Вылетаем седьмого вечером.

– Понял. Хотелось бы провести пару тренировок в составе.

– Да хоть завтра, Лев! Начало в одиннадцать в «Лужниках»…

Едва дождавшись шести утра, Яшин осторожно поднялся с постели, принял в ванной душ, оделся. Он так и уехал бы на тренировку сборной команды, стараясь не беспокоить близких, но супруга Валентина услышала возню на кухне и проснулась.

– Почему не разбудил? – завязывая пояс халата, появилась она на кухне. – Я бы тебе кашу сварила.

– Да поспи, Валя, – допивал Яшин чай. – Что я, маленький, что ли?

– Дело не возрасте. Твой больной желудок надо беречь. Соду взял?

– А как же…

Она помогла супругу собраться, проводила до двери.

Открыв входную дверь, он остановился на пороге.

– Вот видишь, Валюша, вспомнили обо мне. Опять, значит, стал нужен.

– Я знала, что все будет хорошо, – обняла она его на прощание.

– Позвоню тебе после тренировки, – чмокнул он ее в щеку. И, подхватив сумку со спортивной формой, побежал по ступенькам вниз.

* * *

За оставшиеся дни Лев Иванович отдал все силы тренировкам и подошел к матчу в Риме в наилучшей форме. Более других его работоспособности и самоотверженности радовался Бесков.

– Как настроение, Лев? – поймал он его на выходе из раздевалки в последний день перед отъездом в Италию.

– Нормальное настроение, Константин Иванович. Боевое.

– Как думаешь, очко на выезде добудем?

– Добудем. А если постараемся, то и выиграем.

– Хм… – улыбнулся старший тренер. – Зря я тебя раньше в сборную не пригласил.

– Почему?

– А ты видел, как молодежь стала трудиться на тренировках, глядя на тебя?

– Ну я ж не знаю, как они до меня тренировались. Да и не все в вашей команде молоды. Вон сколько из старой гвардии: Витя Понедельник, Валя Иванов, Игорь Численко, Валера Воронин…

– Да, на них вся надежда. И на тебя. А в целом… Вроде никто и не сачковал, а отдача все одно была слабовата.

– Выходит, я пример подал?

– Выходит. Глядя на то, как ветеран старается, совестно стало прохлаждаться. За ум сразу взялись…

Игра в Италии получилась боевой и тяжелой – защитным линиям и Льву Яшину пришлось изрядно попотеть, отражая атаки римских «гладиаторов», волна за волной накатывавших на наши ворота под шум многотысячной толпы зрителей.

На тридцать третьей минуте после многоходовой комбинации Геннадий Гусаров забил гол в ворота итальянцев. А в начале второго тайма – на пятьдесят седьмой минуте – у боковой линии штрафной площади был сбит нападающий итальянской сборной. Арбитр назначил в наши ворота пенальти.

К мячу подошел Алессандро Маццола – опытный атакующий полузащитник из «Интера». Постояв, переминаясь с ноги на ногу, Маццола оценил позицию вратаря, разбежался и прицельно ударил вправо, в надежде, что Яшин не угадает направление.

А Лев Иванович и не гадал. Он, как всегда, полностью полагался на свою отменную реакцию. Сложившись пополам, он намертво поймал и зафиксировал мяч.

Наши игроки бросились поздравлять голкипера, а Мацола так и стоял у одиннадцатиметровой отметки, закрыв ладонями лицо…

В конце матча итальянцы все же забили – после сумбурной атаки Ривера Джованни сумел нанести удар с близкой дистанции. И все же сборная Бескова добыла нужный результат – 1:1.

А жеребьевка четвертьфинала преподнесла нашей сборной сюрприз в виде неуступчивых шведов. Но до назначенной даты проведения первой встречи, состоялось уникальное событие: в середине декабря 1963 года Яшин официально был признан лучшим футболистом Европы.

* * *

Самый большой московский стадион «Лужники» был переполнен болельщиками.

Во-первых, в этот вечер, двадцать седьмого мая, здесь должен был состояться ответный матч одной четвертой финала розыгрыша Кубка Европы между сборными СССР и Швеции.

Во-вторых, как значилось на афишах, перед матчем нашему легендарному голкиперу Льву Яшину планировалось вручить «Золотой мяч». И это событие по своей значимости нисколько не

уступало первому.

– Волнуешься? – спросил перед выходом из раздевалки Константин Бесков.

– Есть немного, – честно признался «именинник».

Тренер улыбнулся:

– Ты, главное, до начала матча приди в себя.

– Постараюсь…

Яшин знал о предстоящем вручении высокой награды и действительно волновался. Шутка ли – звание лучшего футболиста Европы за прошедший год! Никто из его соотечественников пока не удостаивался столь высокой чести. Он был первым.

По сигналу организаторов обе сборные вышли на поле и выстроились в одну шеренгу. На бровке – недалеко от зеленого газона уже стоял покрытый бархатом стол, на котором благородно поблескивала в лучах вечернего солнца изящная статуэтка «Золотого мяча». После короткого вступительного слова председателя Спорткомитета СССР главный редактор газеты «Франс футбол» Макс Юрбини подхватил статуэтку и направился к первому номеру сборной Советского Союза.

Вручив Льву Ивановичу награду, он вернулся к столу, взял микрофон и еще раз подчеркнул непреложную истину: «Яшин является мировой легендой. И прямо сейчас он, приняв приз и попозировав перед многочисленными фотокорреспондентами, отправится защищать ворота сборной своей страны. То есть займется делом своей жизни, которое и не собирается оставлять…»

Юрбини сказал еще немало теплых слов в адрес обладателя «Золотого мяча», после чего началась четвертьфинальная встреча сборных СССР и Швеции.

* * *

В начале и середине шестидесятых Швеция относилась к футбольным грандам Старого Света. Средний возраст игроков сборной превышал тридцать лет, однако потерю скорости и физических данных скандинавы умело компенсировали неплохой техникой и опытом выступлений на самых различных уровнях, включая чемпионаты мира.

Первый матч в Стокгольме между шведами и сборной СССР победителя не выявил – 1:1. Ответная игра в Москве началась под диктовку гостей, и Яшин несколько раз спасал ворота.

– Альберт, внимательнее! Слева, слева держи! – покрикивал

он молодому защитнику Шестерневу.

Тот играл старательно, однако опыта выступлений на таком уровне пока не хватало. Как, впрочем, и другим дебютантам сборной, которые волновались и не могли поймать нить игры в первом тайме.

– К нападающим претензий нет, – начал короткий разбор в перерыве Бесков. – Они весь первый тайм сидели на голодном пайке, и это уже претензия к линии полузащиты. Где быстрые проходы через центр поля? Где острые пасы и навесы на штрафную?

– Так ведем же один – ноль, – напомнил кто-то из игроков.

– Да, Виктор – молодец, – глянул тренер на форварда Понедельника. – Был единственный момент, и он его использовал на все сто.

Будучи в этой компании «старичком», Валерий Воронин ответил за среднюю линию:

– Постараемся во втором тайме, Константин Иванович. Да только ведь и у нас мяч бывал редко.

Бесков перевел взгляд на защитников:

– Что скажете, Мудрик, Шестернев, Глотов?

Те, потупив взоры, помалкивали.

– В общем, так, голубчики, – продолжал наставник, – внимательнее слушайте подсказки вратаря – Льва Ивановича. Он глупостей не посоветует. И при малейшей возможности снабжайте мячом партнеров из полузащиты…

После перерыва взаимосвязи в линиях сборной Советского Союза наладилась, и Яшину, по сути, пришлось в своих воротах скучать – игра переместилась на половину гостей. На пятьдесят третьей минуте Понедельник оформил дубль, а в конце матча Воронин забил и третий гол в ворота сборной Швеции.

* * *

Финальный матч проходил на переполненном «Сантьяго Бернабеу» – стадионе 4-й, высшей категории УЕФА, построенном в 1947 году и названном в честь президента «Реала». Диктатор Франко мог под любым надуманным предлогом помешать участию нашей сборной в чемпионате, но не сделал этого. Более того, во время исполнения гимна Советского Союза он даже встал, как и все остальные зрители.

– Жара-то какая, – вздохнул перед началом матча капитан команды Валентин Иванов.

– Больше тридцати в тени, – согласился Численко. И глянув

на небо, добавил: – Вроде тучки собираются. Может, прикроют солнышко, а?

– Хорошо бы. Они-то привычные к такой духоте, а мы после московской прохлады как рыбы, выброшенные на берег…

Отзвучали гимны двух стран. Команды разошлись по своим половинам и распределились, приготовившись к началу матча.

Глянув на секундомер, судья дал свисток.

С первых же секунд испанцы – хозяева чемпионата – бросились всей командой вперед. Началась тяжелая и упорная мужская работа. На каждом клочке поля, на каждом его сантиметре.

Поначалу игра у наших ребят не клеилась. «У меня ноги были будто налиты свинцом. Хочешь бежать, а не можешь, – вспоминал позже Игорь Численко. – Чувствую, что такое же состояние и у остальных ребят. Мы всеми силами старались показать, на что способны, но не могли. А вот испанцы с первых же минут играли с полной отдачей сил…»

Лев Иванович постоянно перемещался по вратарской, отслеживая направления атак соперника и делая подсказки защитникам. На шестой минуте Валентин Иванов допустил ошибку в центре поля, и мяч попал к отлично игравшему в этот день Суаресу. Тот на скорости прошел по правому флангу и неплохо навесил на штрафную.

Яшин видел этот навес и рассчитал, куда опустится мяч, но на его перехват не пошел – слишком далеко. К тому же рядом с той точкой находились два партнера – Шестернев и Шустиков. Кто-то из них обязан был ликвидировать опасность.

– Альберт, Витя, вынос! Вынос! – кричал голкипер.

Не сложилось. Первый до мяча не достал. А второй попытался вынести мяч из штрафной, да так неловко промахнулся, что мяч угодил точно под удар находившегося на убойной позиции испанского форварда. Тот без проблем вогнал его под перекладину, не оставив советскому голкиперу ни единого шанса защитить ворота.

Шла всего лишь шестая минута игры. И уже 0:1.

Под шквал аплодисментов и рев трибун Яшин поднялся, пнул мяч в сторону центра поля.

Через несколько секунд свисток судьи известил о продолжении игры. Пропущенный мяч подхлестнул наших игроков – начатая в центре поля комбинация довольно быстро развернулась в опасную атаку. Получив мяч, Эдуард Мудрик нашел остроумное продолжение: исполнил чудесный пас в разрез между двух защитников и вывел Галимзяна Хусаинова на выгодную позицию на подступах к штрафной площади

соперников.

Испанский вратарь Ирибар ожидал дальнейшего продвижения советского форварда, а тот решился на дальний удар. И попал.

Гол! На табло зажглись две единицы.

После того как судья указал на центр поля, Яшин распрямил спину, облегченно выдохнул и прошелся от одной штанги к другой.

– Быстро отыгрались, – прошептал он.

И поглядел на стрелки огромных часов слева от табло. Шла восьмая минута матча…

Далее шла равная игра в череде взаимных острых атак. Никто не хотел уступать в принципиальном матче, победа в котором оценивалась золотыми медалями и массивной серебряной амфорой с барельефом юноши, останавливающего бедром мяч.

На двадцать пятой минуте испанский форвард Переда нанес еще один опаснейший удар по нашим воротам из-за пределов штрафной. Яшин в головокружительном прыжке спас положение, переправив мяч на угловой.

Первый тайм так и закончился с ничейным счетом.

В раздевалке во время перерыва Константин Бесков всячески подбадривал:

– Ребята, в отличие от нас испанцы в полуфинале отыграли два дополнительных тайма и провели на поле сто двадцать минут. Они заметно устали. Если мы сведем этот матч вничью, то до переигровки они точно не восстановятся. Продержитесь еще сорок пять минут…

– Альберт, Витя, – окликнул двух защитников Яшин, когда те выходили из раздевалки.

– Да, Лев Иванович, – притормозили они.

– Парни, пожалуйста, играйте попроще. Если возникает опасный момент – выбивайте мяч за боковую.

– Само собой… Постараемся, – пообещали те.

Отыграли они неплохо и достаточно надежно. Но испанские футболисты действовали во втором тайме здорово. Даже невзирая на ливший дождь, смягчивший ужасную духоту. Игра опять шла на встречных курсах, хотя территориальное преимущество наша сборная уступила.

На пятидесятой минуте техничный форвард Амансио завершал многоходовую комбинацию хозяев хорошим плотным ударом. Яшин оказался на месте, завладел мячом и, перед тем как выбить его в поле, жестом предложил партнерам идти вперед.

– Вперед, парни! Надо давить! – крикнул он и вбросил мяч точно на ногу Воронину.

Были моменты и у наших футболистов: в концовке выверенной комбинации не вовремя поскользнулся Галимзян Хусаинов, а на границе чужой штрафной чуть промедлил с ударом Валентин Иванов.

А вот испанцы играли куда проще и надежнее. За шесть минут до финального свистка, когда уже многим казалось, что основное время матча так и закончится ничейным счетом, Марселино получил передачу от Переды. Виктор Шустиков мог выбить мяч из штрафной, но опять не попал по нему из-за скользкого газона. А Марселино воспользовался этой ошибкой и изящно в падении послал головой мяч в сетку. Лев Иванович прикрывал ближний угол и достать его просто не мог.

Увы, поражение 1:2 в равной игре.

После окончания матча любопытные и нетерпеливые репортеры бесцеремонно ворвались в раздевалку нашей сборной и забросали уставших и расстроенных футболистов вопросами.

– Считаете ли вы победу сборной Испании заслуженной? – выпалила молодая девушка с микрофоном.

– Да, – коротко и емко ответил Яшин.

Численко добавил:

– Испанцы оказались сильнее нас.

– Что помогло испанской сборной победить? – шагнул вперед мужчина в очках.

– Наши соперники играли темпераментнее, техничнее. И у себя дома, – объяснил Валентин Иванов.

Молодой репортер в полосатом костюме выкрикнул свой вопрос:

– Кто из испанских игроков вам понравился больше других?

– Амансио, Переда, Суарес, Марселино, – неохотно ответил Воронин.

На этом Константин Бесков решил закончить импровизированную пресс-конференцию.

– Извините, господа, советским футболистам следует принять душ и переодеться, – сказал он, выпроваживая представителей прессы.

Покидая раздевалку в числе последних, корреспондент испанской ежедневной спортивной газеты «Marca» Антонио Руанчо недоумевал:

– Мы не ожидали, что они будут так прямо, честно и объективно отвечать на вопросы. Советские футболисты – прекрасные парни…

Эпилог

СССР, Москва, стадион «Лужники»
27 мая 1971 года

На зеленом газоне «Лужников» продолжался прощальный матч Льва Яшина.

Сборная мира была представлена высочайшими мастерами. Вратарь из Уругвая Ладислао Мазуркевич, защитник из Италии Джачинто Факкетти, немецкий нападающий Герд Мюллер, француз Жан Джоркаефф, англичанин Бобби Чарльтон, югослав Драган Джаич, поляк Влодзимир Любаньски… Что ни фамилия, то – легенда.

Против сборной мира наше руководство намеревалось выставить столичное «Динамо», однако их одноклубники из Киева, Тбилиси и Минска также хотели принять участие в ярком и красочном действе. В результате была сформирована сборная динамовских клубов, в которую вошли: москвичи Игорь Численко, Владимир Эштреков, Валерий Зыков, Геннадий Еврюжихин и Владимир Штапов; киевляне Йожеф Сабо, Владимир Еремеев, Вадим Соснихин и Виталий Хмельницкий; тбилисцы Слава Метревели, Муртаз Хурцилава, Манучар Мачаидзе; минчанин Эдуард Малофеев. Капитаном сборной команды «Динамо», конечно же, стал юбиляр – Лев Яшин.

Замечательные команды – грозные, мастеровитые, техничные.

Наш голкипер прекратил тренировки в семидесятом году. Тогда ему шел сорок первый год, и никто данному решению не удивился, не воспротивился. Сорок лет – это возраст. Но когда стало известно о готовящемся прощальном матче, Лев Иванович снова взялся за дело и стал тренироваться с присущим ему терпением и настойчивостью.

– Константин Иванович, а не собирается ли наш Лев вернуться в большой футбол? – с улыбкой спросил у Бескова Численко.

– С чего ты взял? – не понял тот сути вопроса.

– Тренируется так, будто опять в «основу» «Динамо» собрался.

– Увы, – вздохнул Бесков. – Я был бы рад, если бы он вернулся и поиграл за наш клуб годков пять. Но он отдает все силы ради одного матча.

– Ради одного?! – подключился к разговору киевлянин Сабо. – Но зачем? Он же в нормальной форме!..

– Просто хочет, чтобы болельщики запомнили его таким, каким привыкли видеть за многие годы спортивной карьеры – подвижным, гибким, предельно собранным и всегда готовым к

прыжку…

Перед прощальным матчем многие зрители спрашивали друг друга: будет ли игра постановочной или футболисты сыграют по-настоящему, в полную силу? Но никто не мог ответить на этот вопрос, покуда не прозвучал стартовый свисток арбитра Тофика Бахрамова.

Начало встречи сразу расставило все точки: борьба на поле разворачивается нешуточная, настоящая и вряд ли пройдет по составленному кем-то заранее сценарию. Лев Яшин никогда не участвовал в договорных матчах и тем более не потерпел бы подобного позора в своем прощальном матче. Только честная игра! И только на победу!

* * *

Шел второй тайм матча. Определив, в какой части поля находятся партнеры-полузащитники, Яшин сильно выбил мяч из своей штрафной площади. Короткая пауза в матче закончилась, и на поле снова началась борьба…

«Лужники» были переполнены – люди сидели не только на скамейках, но и заняли все проходы между секторами. Практически весь тайм трибуны восторженно аплодировали. Среди болельщиков находился отец Льва – Иван Петрович, младший брат Борис, Валентина с дочерьми. Присутствовали на прощальном матче и друзья, рука об руку шедшие с ним по жизни. Были приглашены и любимые наставники, благодаря которым Лев Иванович превратился из юного любителя в высочайшего профессионала.

Бобби Чарльтон в середине поля перехватил мяч и разыграл нехитрую комбинацию с воинственно настроенным Гердом Мюллером. Тот очень старался – буквально лез из кожи вон, дабы забить напоследок Яшину, ведь больше судьба ему такого шанса не подарит. В некоторые моменты напористость Мюллера напоминала Яшину действия англичанина Джимми Гривза в лондонском матче на «Уэмбли». Тот тоже искрился желанием забить, да не вышло.

Лев Иванович вышел на матч слегка погрузневшим, но умения и опыта отнюдь не растерял – действовал грамотно и быстро, и в нескольких моментах спас команду от гола.

Прошло уже несколько минут второго тайма, а на табло горели цифры «два – ноль» в пользу сборной клубов «Динамо». На седьмой минуте счет с подачи Еврюжихина открыл Хмельницкий. А спустя три минуты Сабо мощным ударом метров с двадцати

пяти удвоил результат.

Игроки сборной мира сдаваться не собирались и, плетя в центре поля «кружева», напирали, напирали, напирали…

Почти всю игру за спиной Яшина стоял с фотоаппаратом Алексей Петрович Хомич. Он был обвешан фотокамерами с различными объективами и делал снимок за снимком. Вот настойчивый Бобби Чарльтон прорывается к штрафной и наносит мощный удар по нашим воротам. Яшин в головокружительном полете отбивает мяч на угловой.

Взводя затвор камеры, Хомич удовлетворенно улыбнулся. Кажется, на этот раз удалось сделать снимок, о котором он так долго мечтал: парящий над землей, словно преодолевший земное притяжение, вратарь.

Трибуны шумели и, не жалея ладоней, аплодировали.

Лев Иванович посмотрел на табло. Счет прежний – два – ноль; на часах, отсчитывающих время матча, идет пятьдесят вторая минута.

Он поднял руку. Судья, уже поджидавший знака, моментально – как было условлено, остановил игру.

На краю поля появился преемник Яшина – вратарь Владимир Пильгуй.

Шум, беспрестанно шедший от трибун, будто по команде стих. Более сотни тысяч зрителей встали, чествуя своего кумира, навсегда покидающего футбольное поле.

– Какая удивительная тишина настала на трибунах, – негромко произнес в микрофон Озеров, сидя в комментаторской кабинке. – Впрочем, что удивительного – уходит целая эпоха. Эпоха Яшина в футболе. Эпоха блистательная, неповторимая… и я…

Глаза Николая Николаевича заволокло слезами. Выдернув из кармана платок, он промокнул им лицо.

– …и я уверен, что он навсегда останется в нашей памяти, в наших сердцах!..

Оставив ворота, Яшин шел по футбольному полю мимо остановившихся игроков обеих команд. Навстречу ему бежал Владимир Пильгуй. Коротко обнявшись с преемником и отдав ему свои перчатки, Лев Иванович поднял вверх руку, приветствуя зрителей, и направился дальше.

«Ну вот и все… В последний раз я на этом изумительном изумрудном газоне… – размышлял он с невыносимой, сдавливающей грудь тоской. – Последние секунды в окружении товарищей по команде, зрителей…»

У кромки поля его обступили корреспонденты и операторы с фото- и телекамерами. Не обращая на них внимания, юбиляр

шагал по беговой дорожке к выходу со стадиона.

Кто-то из болельщиков, с трудом сдерживая слезы, нарушил минутную тишину и начал хлопать в ладоши.

И вот уже громовые овации зрителей, заполнивших трибуны гигантского стадиона, словно нарастающая лавина, накрыли уходящего Яшина. Ему аплодировали все. И оставшиеся на поле футболисты, и обнявшая дочек, плачущая Валентина, и Володька Шабров, и тренерский состав обеих команд.

В эти последние мгновения пребывания возле футбольного поля, его, конечно же, переполняла грусть по ушедшим годам, по тому, что никогда уж не вернется сюда в составе сборной или родного «Динамо». Однако не только грусть щемила душу Яшина. Было еще и чувство огромной благодарности великой игре – футболу. Тому футболу, что сделал его жизнь счастливой, тому футболу, что наполнил ее яркими незабываемыми событиями и соединившему его с замечательными людьми.

Не оглядываясь, Лев Иванович еще раз поднял руку в прощальном приветствии. Затем вошел в тоннель подтрибунного помещения и… исчез в темноте.

* * *

СССР, Москва
Март 1990 года

Квартира Яшиных сияла идеальной чистотой – повсюду ни пылинки, ни одной лишней вещи. Все говорило о том, что здесь ждут гостей.

В зале был накрыт праздничный стол по случаю вручения Льву Ивановичу золотой медали «Серп и молот» и присвоения ему высокого звания Герой Социалистического Труда. Валентина хлопотала вокруг стола, внося последние штрихи в его сервировку. Дочери доносили с кухни недостающие приборы.

Покончив с подготовкой стола и сняв фартук, Валя зашла в спальню. Лев Иванович, одетый в парадный костюм, курил в приоткрытую форточку. Опираясь на костыль, он глядел на разыгравшуюся за окном мартовскую вьюгу.

Неслышно подойдя сзади, супруга обняла его, прижалась щекой к плечу.

Глядя на медленно падающий снег, он произнес:

– Валь, отвези меня на «Динамо».

– В такую погоду?! – удивилась она просьбе. – Что ты там забыл?

Заглянувшая в спальню Ирина шепнула матери:

– Мам, а кто же гостей будет встречать? Ведь скоро приедут.

– Да подожди ты! – отмахнулась та. И, поглаживая его плечо, мягко сказала: – Лева, а как же гости? Там журналистов полный подъезд, телевидение. Горбачев со «Звездой» должен подъехать…

Яшин повернулся, и Валентина тотчас осеклась на полуслове – на его лице отражалась мучительная боль.

– Мне надо… – прошептал он. – Очень надо…

* * *

Яшинская «Волга», управляемая Валентиной, медленно въехала через специальный проезд на территорию спорткомплекса «Динамо». Попетляв по мокрым асфальтовым аллеям, она остановилась возле открытой динамовской арены.

Лев Иванович с большим трудом покинул салон. Поддерживая его, супруга достала из машины костыли и помогла дойти до заснеженной беговой дорожки.

У самой бровки Яшин остановился.

– Ты не ходи… Дальше я сам…

Валентина осталась у края футбольного поля, полностью покрытого ровным слоем снега, и смотрела вслед супругу, неуклюже ковылявшему на костылях в сторону ближайших ворот. Каждый шаг давался ему нелегко, но он упрямо шел и шел…

Ворота. Сетка на зиму снята, лишь две штанги и перекладина.

Лев Иванович приблизился к одной из штанг, трепетно погладил ее холодную поверхность. Затем посмотрел вверх и попытался допрыгнуть до перекладины. Не вышло. Не позволили костыли.

Он попробовал еще раз. Еще. И еще…

Но это уже было невозможно.

Глядя на его бесплодные попытки, Валентина не выдержала и разрыдалась, уткнувшись в вязаные рукавички.

Тяжело дыша, Яшин обнял штангу, прислонился к ней лбом и надолго замер, навсегда прощаясь с футболом…

* * *

Лев Яшин и по сей день остается единственным в мире вратарем, получившим «Золотой мяч».

Он стал первым спортсменом СССР, кому было присвоено звание «Герой Социалистического Труда».

Через семь дней после вручения золотой медали «Серп и молот», двадцатого марта 1990 года, после тяжелой и продолжительной болезни он скончался в возрасте шестидесяти лет.

Иллюстрации

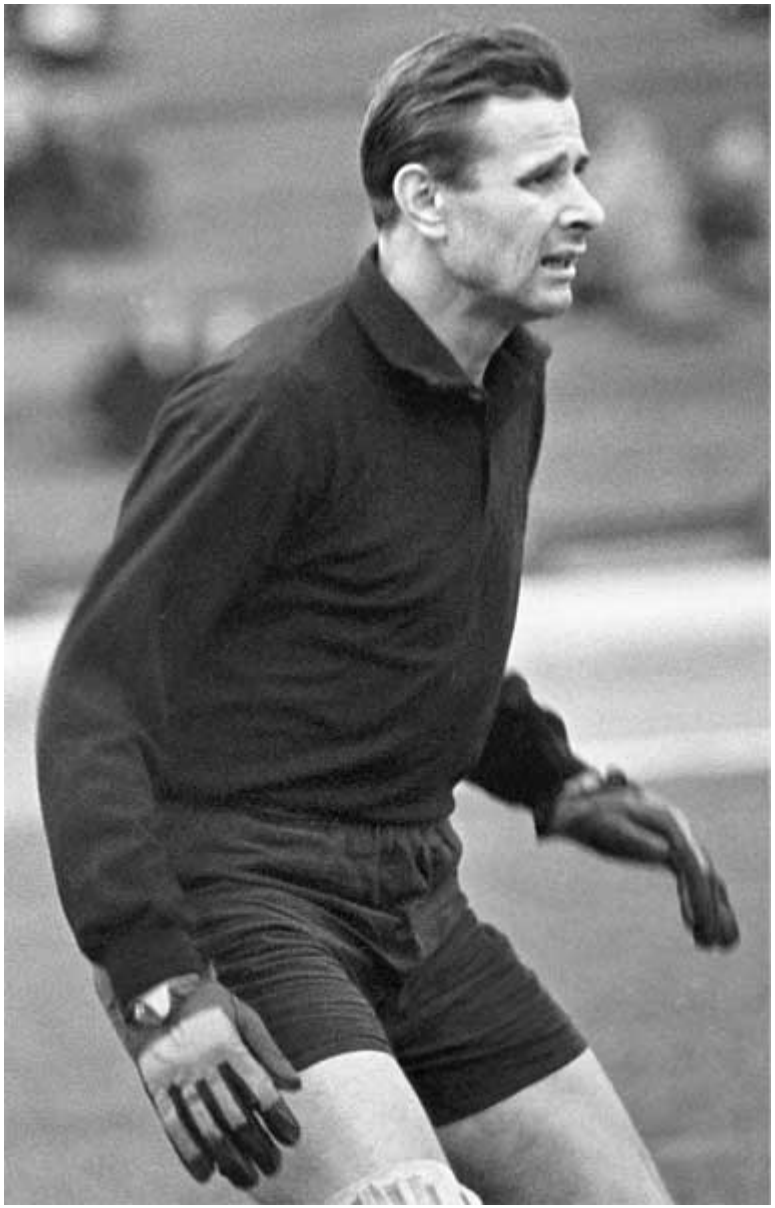
Известный футболист Лев Яшин, 1960 г.

Вратарь «Динамо» (Москва) Лев Яшин ловит мяч, посланный в ворота его команды во время футбольного матча, 1960 г.

Вратарь сборной СССР Лев Яшин во время матча между сборной СССР и командой «Гремио» из Бразилии, 1962 г.

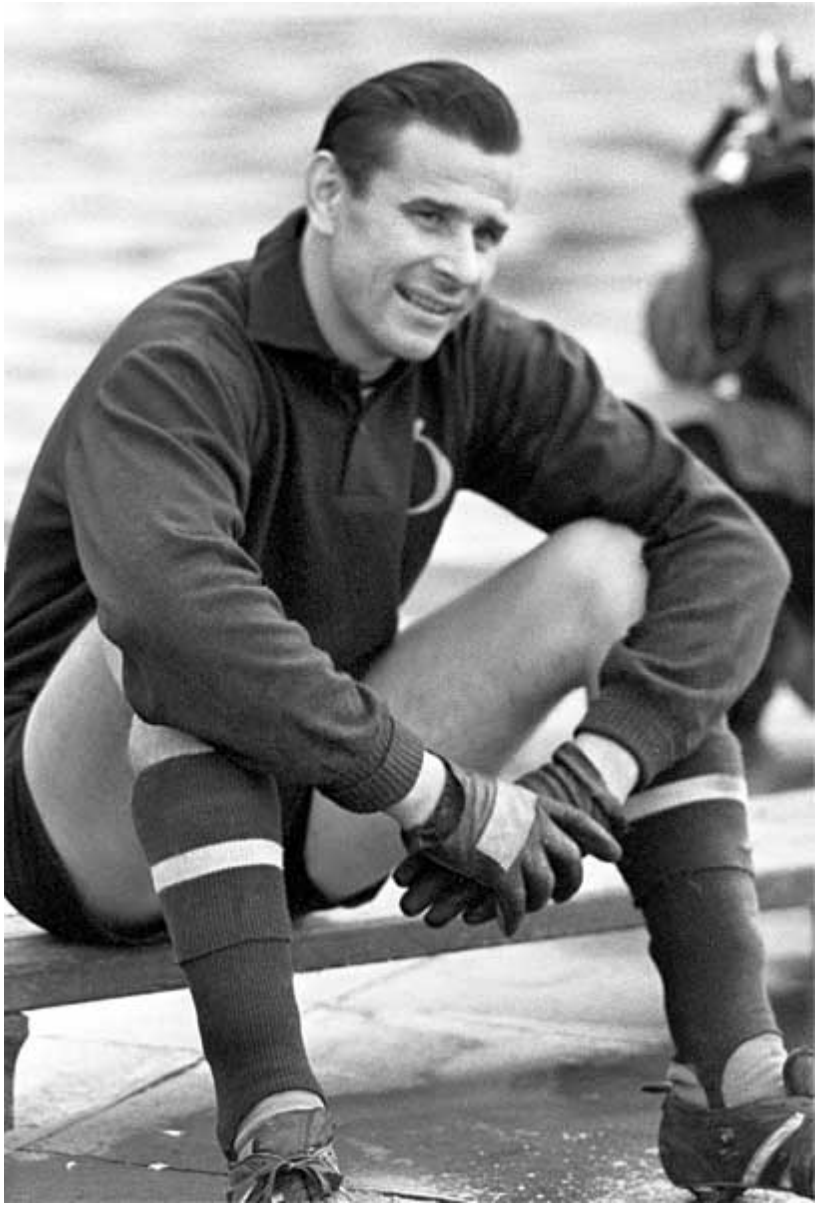
Вратарь московского «Динамо» и сборной команды СССР по футболу Лев Яшин получает приз «Золотой мяч» от еженедельника «France Football» как лучший игрок 1963 года

Советские футболисты, кандидаты в сборную команду СССР на чемпионат мира по футболу 1966 года в Англии *(слева направо)*: Валерий Воронин, Лев Яшин, Галимзян Хусаинов и Игорь Численко



Вратарь московского «Динамо» и сборной команды СССР по футболу Лев Яшин, 1966 г.

Полуфинальный матч на Кубке мира по футболу между сборной СССР и ФРГ, Англия, 1966 г.



Лев Яшин всегда играл в черной форме, за его пластичность и прыжки западные журналисты называли его «Черная пантера», 1966 г.

Лев Яшин с кубком после окончания финальной встречи на Кубок СССР по футболу между командами ЦСКА и «Динамо» (Москва), 1967 г.

Лев Яшин на отдыхе, 1966 г.

Скульптор Иосиф Чайков у бюста футболиста Льва Яшина, 1968 г.

Лев Яшин с дочерью, 1969 г.

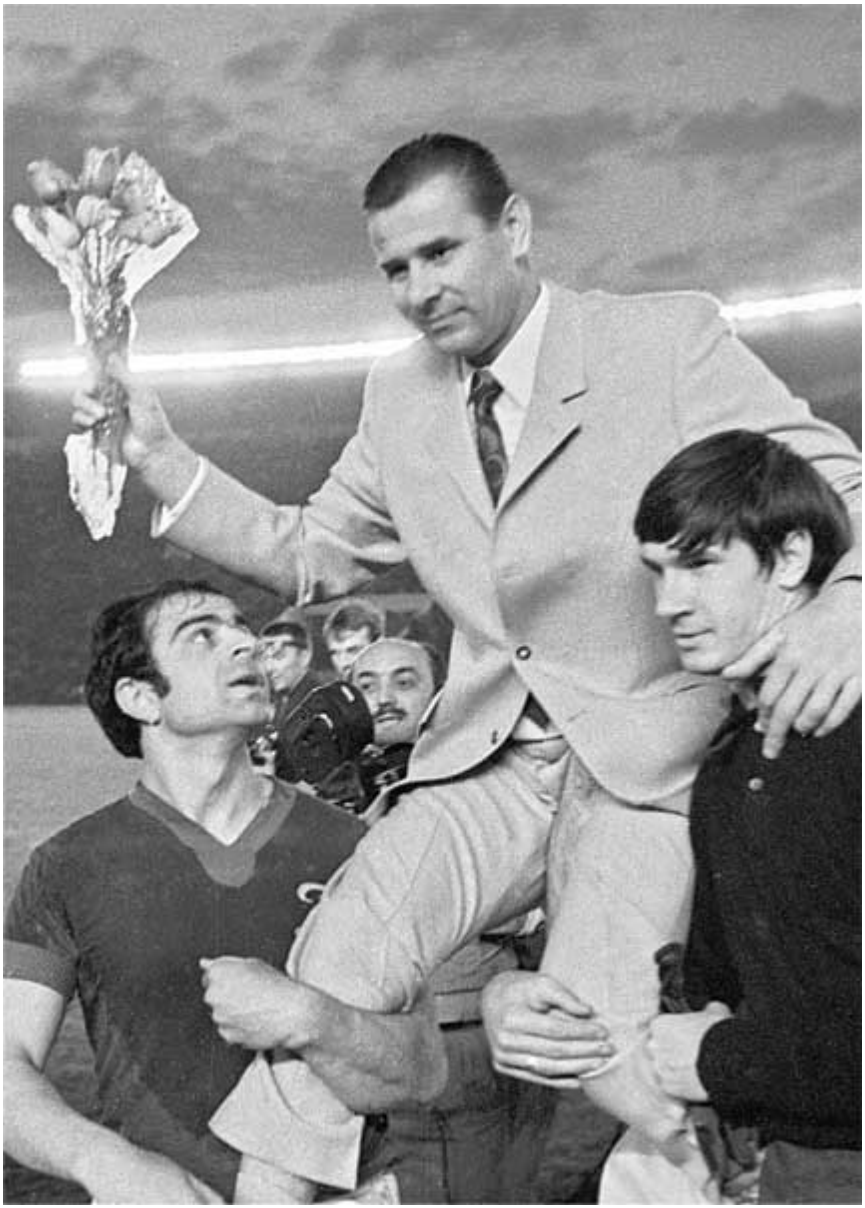
Лев Яшин принимает поздравления в честь своего юбилейного, 300-го матча, 1969 г.

Лев Яшин беседует с юными любителями футбола, 1969 г.

Вратарь московской футбольной команды «Динамо» (Москва) Лев Яшин в воротах, 1969 г.

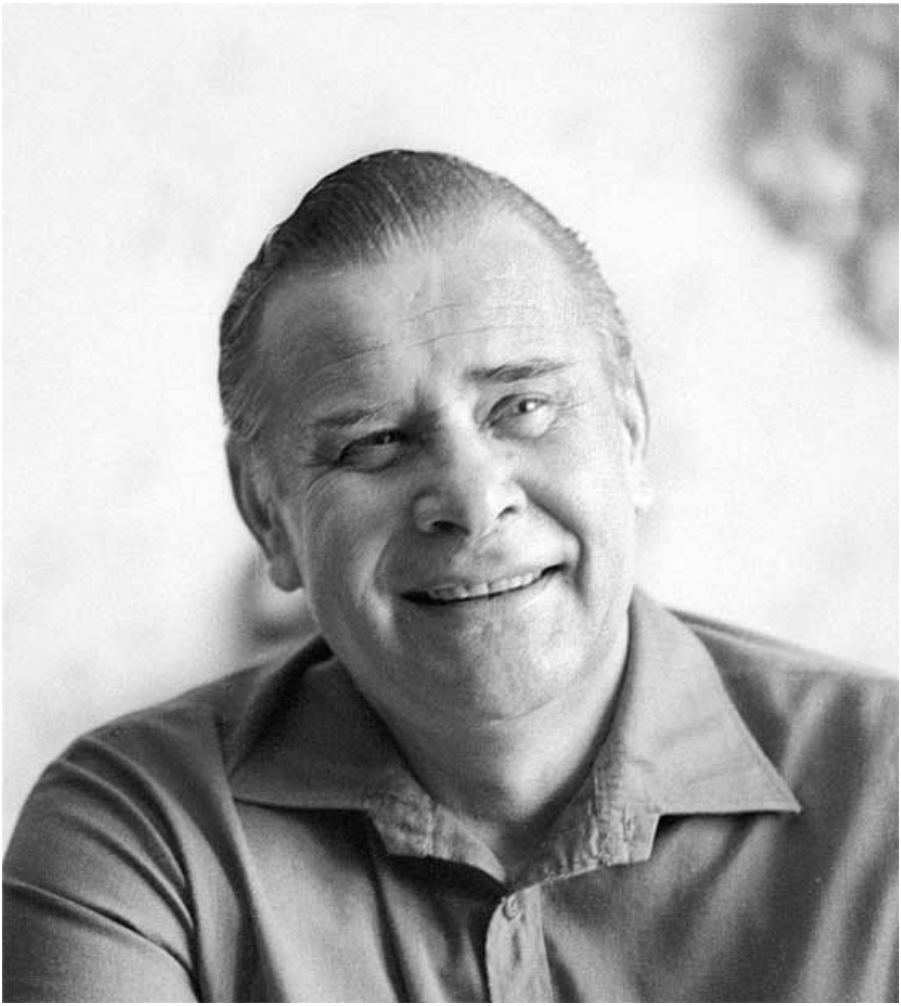
Лев Яшин отвечает на приветствия болельщиков в день своего 40-летия на Центральном стадионе имени Ленина в Москве, 1969 г.

Лев Яшин с Кубком СССР после финального матча по футболу на Кубок СССР между командами «Динамо» (Москва) и «Динамо» (Тбилиси), 1970 г.



Лев Яшин на плечах футболистов после матча сборной звезд мирового футбола и «Динамо» (Москва), посвящённого окончанию спортивной карьеры вратаря, 1971 г.

Заслуженный мастер спорта Лев Яшин беседует с вратарём сборной команды СССР Ренатом Дасаевым перед тренировкой, 1982 г.



Лев Яшин – лучший вратарь XX века